

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY	
Sarsembayev M.A. S. Frederik Starr Fedoseyev S.G.	Priority tasks of Kazakhstan's OSCE Presidency 5 In defense of Greater Big Central Asia 15 The Asian vector of security of the Republic of Kazakhstan: strengthening and development of CICMA 27
INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES	
Gabzhailov A.Kh. Kononov S.A. Ivanov I.P.	Contemporary tendencies of presidential regime's evolution in Kazakhstan 32 Social optimism as sociological discovery and ideology in Kazakhstan 41 Youth as the factor of civilizational development of the Republic of Kazakhstan 47
ECONOMY	
Bashmakov A.A. Turginbayeva A.N.	Intellectual and human capital of the nation in the conditions of qualitative change of economic system 52 Non-material assets problem in innovation activities of Kazakhstan 61
THEORETICAL PAPERS	
Mamiraimov T.K. Nesipbay R.T., Izbairov A.K. Karsakov I.B. Timchenko S.V. Kushkumbayev A.K.	An experience of critical reconsideration of some regulations of civil society conception 68 Sufi tariqas in Central Asia: features and destructive nature of activities 73 Middle East, Central Asia and Islam studies in German Orientalism 77 Political situation in the Kokand Khanate in the end of 30s — in the middle of 40s of the XIXth century and "The Emirate of Bukhara" 87 Problem of decimal system and Mongols' military tactics 93
SUMMARY 111	
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 116	
INFORMATION ABOUT THE KAZISS 117	

Редакционный совет

Султанов Б.К.	— шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
Кушкумбаев С.К.	— заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
Абишева М.А.	— заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Абусентова М.Х.	— директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
Ашимбаев М.С.	— заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
Закржевская О.Г.	— профессор кафедры международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
Ибрашев Ж.У.	— доктор исторических наук, профессор
Лаумулин М.Т.	— главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
Нысанбаев А.Н.	— директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
Пужоль К.	— профессор Института восточных языков и цивилизаций (INALCO) Париж, Франция
Сыроежкин К.Л.	— главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
Тажин М.М.	— министр иностранных дел РК, доктор социологических наук, профессор
Чуфрин Г.И.	— заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Шоманов А.Ж.	— заведующий Информационно-аналитическим центром Администрации Президента РК, кандидат философских наук, доцент

**Казахстан
Спектр**
2008/4

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
FOR STRATEGIC STUDIES
UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
КИСИ

Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **B.K. SULTANOV**,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication N.B. Seidin
Editor-corrector N.I. Shestakova
Design & Layout: A.K. Sedvakasov, T.F. Ladchenko
Address: 87-b Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (727) 264-34-04. Fax (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK
on September 8, 1997. Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial
board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of PA «Shool of XXI century» Almaty. Copies 500.

Казахстан-Спектр Научный журнал. 2008/4 (46)

Казахстан-Спектр Научный журнал. 2008/4 (46)

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of History
- Kushkumbayev S.K.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences
- Abisheva M.A.** — Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head, Administration of the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Chair, Kazakh National University named after al-Farabi, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Doctor of History, Professor
- Laumulin M.T.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Poujol C.** — Professor of the Institute of Eastern Languages and Civilizations (INALCO) Paris, France
- Syroyezhkin K.L.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** — Minister of Foreign Affairs of the RK, Doctor of Social Science, Professor
- Chufrin G.I.** — Deputy Director, Institute of World Economy and International Relations at the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shomanov A.Zh.** — Head of the Information-Analytical Center of the President's Administration of the President of the RK, Candidate of Philosophy, Assistant Professor

Приоритетные задачи председательства Казахстана в ОБСЕ

САРСЕМБАЕВ М.А.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своем выступлении на открытии II сессии Парламента Республики Казахстан (2 сентября 2008 г.) обратил особое внимание на необходимость реализации государственной программы «Путь в Европу» на 2009—2011 гг. в связи с предстоящим председательством Казахстана в ОБСЕ. Было подчеркнуто, что цель данной программы состоит в выходе «на уровень стратегического партнерства с европейскими странами по всем аспектам»: «в торгово-экономической сфере, в области инновационных технологий, энергетики, транспорта, технического регулирования, в сфере развития малого и среднего бизнеса, в области качества жизни, в гуманитарном измерении».

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) относится к авторитетным международным европейским организациям, в которой на основе принципа равноправия участвуют 56 государств, расположенные на огромном пространстве от Ванкувера до Владивостока. Республика Казахстан входит в состав государств — участников ОБСЕ с 30 января 1992 г. и теперь уже является председателем. Данная международная организация претендует на ведущую роль в решении проблем на каждом этапе «конфликтного цикла», которыми являются раннее предупреждение, предотвращение конфликтов, регулирование кризисов и постконфликтное восстановление в любом из ее государств-членов. ОБСЕ рассматривается как часть системы безопасности, в которую включаются трансатлантическое и евро-азиатское измерения.

Перед Казахстаном в качестве председателя ОБСЕ стоит задача по обеспечению триединого подхода к решению проблем: военно-политический, экономико-экологический и гуманитарный.

В целях обеспечения качественного председательства Казахстану уже сегодня необходимо проработать вопросы повестки дня для заседаний руководящих органов ОБСЕ и предложить их вниманию ОБСЕ до 2010 г. Мы уже сегодня хотели бы сделать целый ряд предложений для внутреннего обсуждения для того, чтобы реально определиться с теми вопросами, которые могут стать наиболее актуальными и приоритетными в период председательства Казахстана в ОБСЕ.

Нами изучены все ключевые документы ОБСЕ, итоговый доклад и рекомендации группы видных деятелей (Группы мудрецов) по вопросам повышения эффективности ОБСЕ от 26 июня 2005 г., все приоритеты в деятельности

председателей ОБСЕ с 1991 по 2008 г. с тем, чтобы Казахстан мог обеспечить логическую преемственность курса ОБСЕ и привнести свое понимание проблем Организации с целью более рационального их решения. Видится необходимым предварительно на профессиональном уровне здесь, в Казахстане, обсудить, затем в Вене (штаб-квартира ОБСЕ) в повестке дня заседаний Совета Министров иностранных дел ОБСЕ и других руководящих органов предложить и включить следующие вопросы.

Серьезной проблемой на международной арене является наличие тенденции нарушения режима нераспространения ядерного оружия и неправомерное владение ядерным оружием целым рядом государств (например, Пакистан, Индия), что, в свою очередь, повышает актуальность обеспечения военной безопасности, не обладающими ядерным оружием. В связи с этим Республика Казахстан как председатель должна углублять военно-политическое сотрудничество государств-участников в рамках работы Форума по сотрудничеству в области безопасности (ФСБ) ОБСЕ, а также и по взаимодействию ФСБ с Постоянным советом ОБСЕ.

Безусловное внимание Казахстан должен уделить организации участия государств-членов в реализации Стратегии ОБСЕ по противодействию угрозам безопасности и стабильности в XXI в., в осуществлении принципов-норм других документов ОБСЕ: «Глобальный обмен военной информацией», «Принципы, регулирующие нераспространение» ядерного, химического и биологического оружия, Кодекс безопасности ОБСЕ, касающийся военно-политических аспектов безопасности (Будапешт, 1994 г.). Лиссабонская декларация о модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI в., принятая ОБСЕ в 1996 г., ратует за то, чтобы в Европе, где есть четыре государства, обладающих ядерным оружием, «создать зоны, свободные от ядерного оружия». Вопрос об углублении военно-политического сотрудничества государств в рамках ОБСЕ мог бы стать отдельным вопросом повестки дня ОБСЕ. Такой подход представляется оправданным, поскольку в самом названии этой международной организации заложено понятие обеспечения безопасности.

Нужно поставить вопрос об усовершенствовании механизма обеспечения безопасности, чтобы с его помощью предупреждать, не допускать кровопролитных конфликтных ситуаций, как это произошло на Балканах. Может быть, есть смысл тщательно исследовать корни конфликтов на Балканах, в Приднестровье (Молдова), в Нагорном Карабахе и по результатам исследования провести детальное обсуждение с принятием соответствующих решений на уровне ОБСЕ.

Анализ решений ОБСЕ показывает, что во время и после упомянутых кризисов проводились обсуждения в целях их разрешения и предупреждения так называемых «замороженных конфликтов», но обсуждений по поводу необходимости извлечения уроков из этих конфликтов и предупреждения подобных конфликтов в любой части территории ОБСЕ на уровне данной организации не было. Необходимость проведения подобных обсуждений вытекает из содержания пункта 3 Хартии европейской безопасности, принятой по линии ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г.: «Мы полны решимости извлечь урок из опасных последствий конфронтации и разногласий между государствами, а также из трагедий последнего десятилетия. Безопасность и мир должны быть упрочены с помощью подхода, сочетающего два

основных элемента: нам необходимо укреплять доверие между людьми внутри государств и развивать сотрудничество между государствами».

В этом же русле находится вопрос об обеспечении безопасности региона Центральной Азии, государства которого (бывшие республики СССР) являются членами ОБСЕ. Речь идет об Афганистане, территория которого примыкает к региону, а в широком понимании входит в этот регион. На данный момент здесь находятся многонациональные силы государств, которые являются участниками ОБСЕ, пытающиеся разрешить все узлы противоречий, завязавшиеся в этой стране. Вследствие того, что Центральноазиатский регион является частью бывшего СССР, страны СНГ имеют определенные знания и опыт решения афганского вопроса в 70-е и 80-е гг. прошедшего столетия. Обсуждение данного вопроса в рамках ОБСЕ и возможное принятие рациональных решений могли бы снизить напряжение в стране и регионе в целом.

Сегодня также появляются проблемы межцивилизационных отношений, идет процесс нарастания напряжения и противоречий во взаимоотношениях значительных масс населения, воспитанных в рамках разных мировых цивилизаций, исповедующих разные мировые религии — мусульманскую, христианскую, буддистскую.

До сравнительно недавнего времени они развивались в своих регионах планеты, контакты между их представителями были немногочисленными и минимальными. Процессы всемирно-экономической глобализации, неудовлетворенность уровнем жизни в своих странах, демографический бум в странах Азии и Африки, либерализация отношений между бывшими странами — метрополиями и колониями привели к массовым миграционным потокам в масштабах всей планеты.

Основные потоки с разных континентов имеют адресатом Европейский континент как наиболее обустроенный, экономически развитый, с традициями терпимого отношения к представителям разных рас и народов. Сегодня во Франции проживают пять миллионов иностранных граждан преимущественно мусульманского вероисповедания, в Германии — около трех миллионов турков, относящихся к мусульманской цивилизации, в Великобритании — более одного миллиона иммигрантов, относящихся к исламу и буддизму. Время от времени происходят стычки, взрывы.

Представители радикальных ветвей ислама бросают вызов европейской христианской цивилизации как в Европе, так и в США. В свою очередь, представители европейской цивилизации допускают необдуманные шаги, которые становятся причинами межрелигиозных конфликтов. Решать эти вопросы только с помощью полиции недостаточно: нужны политические методы решения межцивилизационных отношений. Одним из вариантов решения этой проблемы взаимоотношений является включение ее в повестку дня ОБСЕ с последующим тщательным обсуждением и выходом на определенные оптимальные решения. Вопросы толерантности и недискриминации находились в числе приоритетов всех последних председателей ОБСЕ: в этой связи нужно обеспечить надлежащую преемственность этих приоритетных задач.

Казахстан как председатель ОБСЕ мог бы поделиться опытом поддержания межцивилизационных отношений: в стране мирно проживают представители разных рас, 130-ти национальностей и народностей, исповедующих 45 конфессий.

Вот уже несколько лет, как страна стала центром притяжения представителей мировых религий: на этих форумах в доброжелательном ключе обсуждаются общие точки взаимопонимания всех форм вероисповеданий.

На повестку дня ОБСЕ необходимо поставить вопрос об усилении ответственности государств — участников ОБСЕ в связи с необходимостью реализации обязательств, вытекающих из международных документов ОБСЕ, и о методах достижения этой цели. Особенностью международных актов, принимаемых по линии ОБСЕ, является то, что они носят политический, а не юридический, международно-правовой характер.

В структуре ОБСЕ есть специальный институт БДИПЧ — Бюро по демократическим институтам и правам человека, которое занимается организационными вопросами, как правило, общенациональных выборов и наблюдением за правами человека. Между странами СНГ и западными странами по вопросам наблюдения за выборами возникли определенные разногласия. Это, в частности, нашло свое выражение в нежелании БДИПЧ/ОБСЕ проводить наблюдение за недавними президентскими и парламентскими выборами в Российской Федерации. Казахстану в этой связи есть смысл проводить политику сглаживания отношений между БДИПЧ/ОБСЕ и Российской Федерацией.

Обеспечение соблюдения прав человека является одним из основных направлений в деятельности всей ОБСЕ. В каждом из государств — участников ОБСЕ соблюдение прав и свобод человека находится на разных уровнях. Не во всех государствах ОБСЕ разработаны и осуществляются национальные планы действий в области прав человека, не во всех странах на пространстве ОБСЕ учреждены омбудсмены (уполномоченные по правам человека). Казахстану есть смысл продумать методы, формы и средства решения этих проблем.

Как председатель ОБСЕ Казахстан мог бы внести свой вклад в дело совершенствования структуры ОБСЕ. Как известно, генеральный секретарь ОБСЕ по своим полномочиям и статусу не является достаточно весомой руководящей фигурой ОБСЕ. Но обладатель этой должности мог бы более эффективно обеспечивать решение текущих задач в деятельности Организации. Поэтому, возможно, есть смысл несколько расширить полномочия генерального секретаря ОБСЕ, должность которого была учреждена в 1992 г.

Вряд ли следует поддерживать высказанное предложение о ликвидации Суда ОБСЕ по примирению и арбитражу: ряд государств имеет претензии к ОБСЕ, и нам думается, что они могли бы их высказывать не на конференциях, совещаниях ОБСЕ, а в упомянутом Суде.

Казахстану следует определиться с тем, какие государства и группы государств будут заниматься актуальными проблемами ОБСЕ, в том числе и предлагаемыми здесь вопросами, если они будут приняты ОБСЕ. Кадровые вопросы должны быть в поле внимания председателя. Казахстан должен по возможности стать инициатором в деле выдвижения наиболее актуальных вопросов для обсуждения на еженедельных заседаниях Постоянного совета ОБСЕ, экономических форумах в Праге, ежегодных совещаниях в Варшаве, посвященных вопросам человеческого измерения, а также на заключительной встрече Совета Министров, которая проходит в стране-председателе.

Многие принципиальные вопросы по структуре органов ОБСЕ и их компетенции можно решать посредством разработки и принятия Устава. Казах-

стан как председатель мог бы предложить не только принять Устав ОБСЕ как учредительный документ этой международной межправительственной организации, но и свое юридическое видение структуры Устава ОБСЕ. И не только предложить, но и внести проект Устава на рассмотрение государств — членов ОБСЕ. И этот важный вопрос мог бы войти в повестку дня руководящего органа ОБСЕ.

В таком значительном учредительном документе могли бы найти отражение следующие юридические вопросы, закрепление которых позволило бы ОБСЕ более эффективно осуществлять стоящие перед ним задачи. Формулирование целей содействовало бы более четкому осуществлению функций ОБСЕ. В этом документе можно закрепить условия и требования, которым должно отвечать государство, желающее стать членом этой международной организации. Отдельную статью можно посвятить статусу руководящих и исполнительных органов ОБСЕ, их соподчинение друг другу. В ряде статей можно расписать компетенцию каждого из этих руководящих и исполнительных органов. Функции ОБСЕ могут быть сформулированы в отдельной статье.

В одном из положений Устава может быть записано, что государства-участники обязуются предоставлять отчеты о реализации ими международных документов ОБСЕ. С помощью Устава ОБСЕ возможно четко расписать консенсусный порядок принятия решений Организацией, обозначить, какова юридическая сила принятых решений, а также определить порядок обжалования действий государств-членов и самой Организации. В одной из статей можно придать Организации статус юридического лица с вытекающими из него соответствующими правами и обязанностями. В заключительных статьях можно записать, подлежит ли ратификации данный Устав и что в случае ратификации необходимо определить страну-депозитарий, которая будет хранить оригинал этого Устава.

Не только наличие Устава, но и подписание Конвенции о привилегиях и иммунитетах ОБСЕ, которая признавала бы правоспособность ОБСЕ и наделяла бы Организацию и ее должностных лиц привилегиями и иммунитетами дипломатического характера, могли бы завершить юридическое закрепление статуса ОБСЕ на международной арене в качестве полноправного, полноправного субъекта современного международного права со всеми вытекающими из него положительными последствиями. Кроме того, наличие четкого статуса положительно сказалось бы и на персонале ОБСЕ, который при размещении в кризисных районах мог бы пользоваться международной защитой.

Разработанный и официально принятый текст данной Конвенции мог бы обеспечивать неприкосновенность помещений Организации, собственности, архивов, освобождение сотрудников от уплаты таможенных пошлин, запрет на совершение на территории Организации таких принудительных процессуальных действий, как аресты, обыски, выемки необходимой документации, предоставление налогового иммунитета, освобождение сотрудников Организации от местной уголовной и гражданской юрисдикции и другие привилегии и иммунитеты. Было бы желательно одновременно принять эти два документа, тем более такая согласованная точка зрения в ОБСЕ уже есть.

Было бы целесообразно ввести принцип квоты при формировании аппарата ОБСЕ. В настоящее время при возникновении вакансии заявки для занятия

вакантной должности подают сотни, а то и тысячи соискателей со всех стран — участников ОБСЕ. Отсутствие квотирования практически не оставляет шансов для соискателей — представителей СНГ, Центральной Азии. Введение принципа квотирования при отборе на возникшую вакантную должность не означает снижение качества. Если случится так, что ни один из соискателей региона не окажется соответствующим всем предъявляемым ОБСЕ требованиям без исключения, то данная вакантная должность не будет замещена и будет объявлен новый конкурс.

Но на проблему необходимо смотреть шире, поэтому нам нужно проводить большую информационно-пропагандистскую работу с тем, чтобы граждане Республики Казахстан знали и принимали активное участие во всех конкурсах на замещение должностей в аппарате Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, генерального секретаря ОБСЕ (Секретариате), Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), верховного комиссара по делам национальных меньшинств, представителя ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации, в 19-ти полевых миссиях, функционирующих в различных государствах ОБСЕ (одна из них в виде Центра ОБСЕ в г. Астане находится в Казахстане), во временных структурах периодически создаваемых миссий по наблюдению за выборами в государствах ОБСЕ.

Что нужно делать, чтобы вопрос о соблюдении договорных обязательств, вытекающих из международных документов ОБСЕ, был вынесен на повестку дня самой Организации и потом не было бы необходимости возвращаться к нему? В период становления и первоначального развития вопрос о выполнении договорных обязательств практически не стоял, так как европейские страны, великие державы были заинтересованы в закреплении сложившегося политического положения к началу 70-х гг. XX в. в Европе. В известном смысле разрядка напряженности между государствами, относившимися к разным политическим, социально-экономическим системам, получила свое документальное закрепление в первом документе тогда еще СБСЕ — Хельсинкском Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Этот и последующие документы носили консенсусный характер, что означало, что документы и решения принимаются на основе безусловного согласия всех без исключения официальных представителей государств-участников. Предполагалось, что и выполнение решений и других принятых участниками ОБСЕ на основе единогласия международных актов должно стать естественным делом. Но так может быть не всегда, прежде всего, потому, что СБСЕ — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе не было международной организацией, в силу этого не была субъектом международного права, решения которого уже могли бы стать хотя бы в известной степени обязательными. СБСЕ было политическим органом, органом, посредством которого определенная группа государств могла бы совещаться и пытаться решать возникшие вопросы.

Так продолжалось до 1995 г., когда СБСЕ было переименовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), что внесло существенные юридические коррективы. Теперь этот политический орган стал в юридическом смысле субъектом международного права, в деятельности которого стали официально возникать права и обязанности Организации со своими госу-

дарствами-членами, с другими международными организациями. Но и этого недостаточно.

ОБСЕ является авторитетной международной организацией по вопросам обеспечения безопасности и сотрудничеству преимущественно на Европейском континенте. Как известно, на других континентах функционируют похожие на ОБСЕ форумы. Так, в Азии набирает обороты СВМДА — Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, к инициированию которого прямое отношение имеет Казахстан. И Республика Казахстан как евро-азиатская страна, как страна — инициатор создания СВМДА, как председатель ОБСЕ могла бы выступить в качестве связующего звена между этими двумя структурами.

Посредством конференций и семинаров они могли бы делиться опытом своей деятельности по поддержанию безопасности и сотрудничества соответственно на Европейском и Азиатском континентах. Определенное сходство с ОБСЕ и по названию, и по содержанию деятельности имеет преимущественно азиатская ШОС — Шанхайская организация сотрудничества. В деле возможного сотрудничества этих двух сторон активную связующую роль могла бы сыграть Республика Казахстан, которая является одновременно как членом ШОС, так и участником ОБСЕ, а теперь уже председателем ОБСЕ.

При обсуждении вопросов международного сотрудничества в борьбе с преступностью и принятии соответствующих решений можно было бы обратить внимание государств — участников ОБСЕ на необходимость создания разветвленной системы двусторонне-договорного и регионально-правового сотрудничества по оказанию взаимной правовой помощи по уголовным делам. Аналогичную систему можно создать для решения вопросов об экстрадиции (выдачи лиц, подозреваемых в совершении преступлений). Можно принять международный акт (конвенцию) об экстрадиции в масштабе всего ОБСЕ.

В последние годы вследствие процессов глобализации экономические, валютно-финансовые, ипотечные кризисы стали приобретать периодический, системный характер, что угрожает нормальному состоянию и функционированию как мировой экономики, так и национальных экономик многих государств, и в первую очередь государств, находящихся в поле ОБСЕ. Поскольку подобного рода кризисы угрожают экономической безопасности государств — участников ОБСЕ, включение в повестку дня ОБСЕ вопроса о разработке и принятии профилактических мер противодействия региональным и мировым экономическим, финансовым кризисам помогло бы государствам осмыслить содержание таких кризисов, содействовало бы пониманию причин возникновения подобного рода кризисов и вследствие этого формулированию задач по преодолению кризисов. Поэтому такой подход представляется естественным, логически оправданным средством решения этой проблемы.

На планете нарастает продовольственный кризис, цены на продовольствие упорно ползут вверх, кризис затрагивает и страны, входящие в ОБСЕ (даже в такой богатейшей стране мира, как США, рис выдают в одни руки в строго дозированной мере, в странах Европейского Союза готовы ослабить фитосанитарный контроль, чтобы смягчить удары продовольственного кризиса). По прогнозам аналитиков, продовольственный кризис может протянуться до 2015 г. Поэтому уже сегодня на повестку дня ОБСЕ мы должны поставить вопрос о мерах противодействия нарастанию продовольственного кризиса.

На Ближневосточной сессии Всемирного экономического форума Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, в связи с угрозой продовольственного кризиса, выдвинул предложение о возможности инвестирования разных стран в использование земель Казахстана под пшеницу, рис и другие сельскохозяйственные культуры. Эта же идея может быть применима по отношению к странам — участникам ОБСЕ, которые также могли бы вливать инвестиции в земли Казахстана. Ведь иностранные корпорации преимущественно государств — участников ОБСЕ (США, Великобритания, Норвегия и другие) инвестируют немалые средства в добычу нефти и газа Казахстана, и от этого выигрывают и они сами, народы этих государств, и Казахстан. Таким же образом могут быть использованы и земли России, Украины и центральноазиатских государств. Преодоление продовольственного кризиса через сотрудничество государств и стало бы выражением одного из важнейших векторов деятельности ОБСЕ.

Страны — участники ОБСЕ, отошедшие от плановой экономики, в той или иной степени достигли определенных успехов в деле становления и развития рыночных методов управления экономикой. Западные страны — участники ОБСЕ имеют богатейший опыт ведения рыночной экономики. В руководящих органах ОБСЕ можно было бы обсудить формы передачи опыта ведения рыночной экономики. Разумеется, форумы, конференции и семинары, которые практиковались и практикуются сегодня, могут быть продолжены в перспективе.

Но этого недостаточно. В каждой стране, в силу ее национальных особенностей, развитие рыночной экономики приобретает специфичный характер. Наверное, так и должно быть на сегодняшний период. Но в чем суть этой специфики — ведь все мы вышли из одной страны и стартовые условия для всех республик были одинаковыми и синхронными? Когда мы выйдем на обычный, народный капитализм? Насколько растянется достижение этой цели?

Эти и другие подобные вопросы могли бы стать предметом глубокого, детального обсуждения и государственных деятелей, и ученых, и предпринимателей более опытных и менее опытных в вопросах рыночной экономики стран — участников ОБСЕ. Однако современный опыт рыночного хозяйствования западных стран не всегда может быть напрямую перенят странами, недавно трансформировавшими свои экономики в рыночную, причем не только в силу специфики этих стран. Скорее всего (и чаще всего), для них полезным и практически необходимым окажется опыт становления и первоначального развития рыночной экономики современных западных развитых стран, хотя определенные элементы современной рыночной экономики могут быть востребованными у них уже сегодня.

Общеизвестно, что в европейских государствах и странах СНГ, в том числе и в Казахстане, разная ширина железнодорожной колеи. Если ширина колеи в Европе составляет 1435 мм, то ширина колеи в странах СНГ шире и составляет 1520 мм. Ежегодное перемещение грузов в евро-азиатском пространстве оценивается в \$600 млрд. Но при переходе груза из стран СНГ в страны Европы и наоборот теряется немало времени, чтобы перемещать вагонные коробки с одних колес на другие.

По подсчетам специалистов, если ширину железнодорожной колеи на всем пространстве ОБСЕ сделать одинаковой, то это увеличит массу экспортно-им-

портных грузов на триллионы долларов. Убежден, что включение вопроса об идентичности ширины железнодорожной колеи хотя бы транзитных линий на всем пространстве ОБСЕ на повестку дня руководящих органов ОБСЕ могло бы решить эту проблему. Нужно научно обосновать, какая ширина наиболее практична, экономична и выгодна.

Государства — участники ОБСЕ могли бы продумать вопрос об инвестициях в железнодорожную отрасль тех стран, которые будут менять ширину своей железнодорожной колеи и ширину оси железнодорожных колес. Причем это можно бы делать не сразу, а постепенно, с возможным использованием потенциала Европейского Союза (ЕС) и СНГ-ЕврАзЭС, Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК) и Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Европейского банка реконструкции и развития и Азиатского банка развития. Страны СНГ могли бы присмотреться к международной Бернской грузовой конвенции СИМ-СОТИФ (Международный договор европейских стран, регулирующий международные грузовые железнодорожные перевозки) и использовать по возможности ее потенциал в решении анализируемого вопроса. Все это и стало бы выражением глобализирующегося экономического сотрудничества между государствами — участниками ОБСЕ, что отвечало бы требованиям и целям данной международной организации. А когда этот грандиозный, полезный и прибыльный проект будет завершен, имя Казахстана как государства — инициатора проекта будут вспоминать с благодарностью.

ОБСЕ в рамках своей компетенции могла бы ориентировать усилия европейских и азиатских государств — участников ОБСЕ на возрождение в железнодорожном варианте Великого Шелкового пути, который в древности и средние века состоял из целого ряда ответвлений и линий. Товары из Китая, Японии, стран Юго-Восточной Азии транзитом через Казахстан, иные центральноазиатские государства, Россию, Беларусь (то есть через страны — участники ОБСЕ) могли бы поступать в восточноевропейские и западноевропейские государства, также являющиеся участниками ОБСЕ, и, наоборот, европейские товары могли бы поступать в упомянутые азиатские страны.

Для Казахстана, в частности, это также было бы выгодно, поскольку практически все его железнодорожные линии пролегают с севера на юг, а эта железнодорожная линия пролегла бы с востока на запад. Такой проект железнодорожной магистрали с колеей международного стандарта (1435 мм) между Казахстаном и Китаем уже существует: от станции Достык на границе с Китаем через Актогай, Джезказган и Бейнеу до порта Актау и далее через Туркменистан до границы с Ираном (Горган); в Турции планируется построить железнодорожный тоннель под проливом Босфор и далее выйти на европейские железные дороги. Но, по моему мнению, самым низкзатратным, коротким и равнинным вариантом соединения стран Западной Европы и Китая — Юго-Восточной Азии стала бы единая железнодорожная колея в 1435 мм от станции Достык (казахстанско-китайская граница) до станции Брест (белорусско-польская граница) по территории трех государств — Казахстана, России и Беларуси.

Это позволило бы перевозить по железной дороге грузы, которые ранее перевозились морским путем, из стран Азиатско-Тихоокеанского региона в

страны Европы и обратно, что значительно снизило бы стоимость и сроки доставки грузов. Курируя этот проект, ОБСЕ могла бы вступать в отношения с государствами, которые не являются членами ОБСЕ, но имеют желание участвовать в этом проекте. И Казахстан как председатель ОБСЕ мог бы сыграть здесь заметную роль в этом глобальном транспортно-экономическом сотрудничестве государств, мог бы таким образом «содействовать развитию транспорта и решению существующих проблем, используя соответствующие национальные и международные средства», как того требует первоначальный и фундаментальный документ ОБСЕ — Хельсинкский Заключительный Акт от 1 августа 1975 г.

Не все вопросы, включенные в повестку дня руководящих органов ОБСЕ, будут решены сразу. Какие-то вопросы нужно будет включать в Стратегию ОБСЕ по противодействию угрозам безопасности и стабильности в XXI в., в Документ-Стратегию ОБСЕ в области экономического и экологического измерения в порядке коррекции этих документов. Можно из приведенных в статье задач вычлени некоторые из них и сделать их особо приоритетными и добиться их безусловного осуществления. Часть их будет решаться в течение длительного периода. И все же эти вопросы, однажды поставленные на обсуждение, в той или иной мере в конечном итоге будут реализованы. И мы верим в это. И не просто верим, но и хотим, чтобы деятельность Казахстана в должности председателя ОБСЕ в сознании всех народов и государств ОБСЕ, в ее истории осталась как впечатляющее, яркое событие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Верность курсу и приоритетам // Казахстанская правда. — 2008, 3 сентября. — №192 (25639). — С. 1, 2.
2. Парламентский день Президента // Казахстанская правда. — 2008, 29 мая. — №113-114 (25560-25561). — С. 1.
3. Хаббер Э. ОБСЕ в новой международной системе координат — одиннадцать тезисов. Ежегодник ОБСЕ 2004 (на английском, немецком и русском языках). — Гамбург (ФРГ) — Москва (РФ): Институт исследования проблем мира и политики безопасности, 2005. — С. 33—42.
4. Саидов А.Х. Национальные парламенты мира. Энциклопедический справочник. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 54, 66, 212.
5. Обязательства ОБСЕ в области человеческого измерения. Том 1. Сб. док. в тематич. порядке. — Варшава: БДИПЧ/ОБСЕ, 2006. — 293 с.
6. Zellner, W. Will the "Cornerstone of European Security" come crashing down? OSCE Yearbook 2007. Vol. 13. — Baden-Baden (Germany), 2008. — Pp. 25—35.
7. OSCE. About field operations // <http://www.osce.org>.

В защиту Большой Центральной Азии

С. ФРЕДЕРИК СТАРР*

Большая Центральная Азия включает три совершенно разных и — несмотря ни на что — уникальных географических региона. За 2000 лет ее завоевывали семь империй. Сегодня этот регион снова может стать стержневым за счет развития отношений с ведущими мировыми державами: Россией, Китаем и Соединенными Штатами. Страны региона должны укреплять солидарность, а Соединенным Штатам стоит обратить на него самое пристальное внимание.

В последние годы понятие «Большая Центральная Азия» стало предметом самых смелых гипотез**. Может быть, это работа некой международной группировки «вращателей глобуса», заговор Вашингтона или просто новый способ концептуализации исторического региона? Не имея четкого определения, выражение «Большая Центральная Азия» становится своего рода тестом Роршаха, рассказывающим, скорее, о надеждах и страхах обозревателя, нежели о самом регионе.

Поскольку мне довелось использовать это выражение в печати***, мое имя стали связывать с понятием Большой Центральной Азии. В упомянутой статье я использовал это выражение как удобное понятие для определения более широкой культурной зоны, частью которой являются пять бывших советских республик: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан, а также Афганистан. Мне не пришло в голову, что это требует обширного пояснения. Однако это именно так, и в настоящей статье я постараюсь его дать.

* С. Фредерик Старр — председатель Института Центральной Азии и Кавказа при Высшей школе международных исследований им. Пола Нитце, Вашингтон, округ Колумбия. Данный текст — оригинальный вариант статьи, опубликованной на французском языке в журнале *Politique Étrangère*, 3:2008 (Plaidoyer pour la Grande Asie centrale).

** В числе прочих рассуждений на тему «Большой Центральной Азии» — см. сборники различных авторов: Омаров М.Н. Новая большая игра в Большой Центральной Азии: мифы и реальность. — Бишкек, 2005; Kazi, A.A. Pivotal Pakistan: Greater Central Asia Partnership and the Geopolitics of Central Asia's Traditional Indus Basin Corridor. Доклад, представленный на конференции Partnership, Trade, and Development in Greater Central Asia (Партнерство, торговля и развитие в Большой Центральной Азии), Кабул, 1—2 апреля 2006 г.; Горюлай О. В перекрестке большой игры // Красная звезда. — 2007, 26 октября; Лаумулин М. Большая Центральная Азия — новый мегапроект США? // Континент. — 2005, 21 ноября. — №22 (158). — С. 16—29; Лаумулин М. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. — Алматы, 2006. — Т. II. — С. 297; две статьи без указания авторства в журнале «Россия в глобальной политике»: «Ключи от счастья или Большой Центральной Азии», июль-август 2005 г., №4 и «Партнерство для Центральной Азии», июль-август 2005 г., №4. Пример клинической злости в отношении предмета см. в интервью А. Князева «Большая Центральная Азия — это вполне очевидный геополитический маразм», портал ferghana.ru, 5 июля 2007 г. // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5214>; пример рационализма см. в неопубликованной работе S. Hanova «Shifting Role of US Foreign Policy y Doctrine». — American University of Central Asia, 2007.

*** Starr, S.F. A Partnership for Central Asia // *Foreign Affairs*. — Vol. 84, No. 4. — July/Aug. 2005. — Pp. 164—178; A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors // *Silk Road Paper*, Central Asia-Caucasus Institute, March 2005 // <http://www.isdp.eu/files/publications/srp/05/0505greatercentral.pdf>. Первая статья — доработанный вариант второй статьи.

Большая Центральная Азия — это регион?

Прежде чем решить настоящую задачу, полезно определить вопрос, на который в качестве ответа предлагается понятие «Большая Центральная Азия»: «О каком географическом районе мы говорим, когда используем понятие “Центральная Азия” и каковы интеллектуальные и практические предпосылки этого определения?».

В течение более чем ста лет ответ на этот вопрос формулировался в понятиях, рожденных в ходе европейской имперской экспансии, то есть экспансии царской Российской Империи и Советского Союза. В середине XIX в. русские называли эти земли Средней Азией. Большая часть других стран мира приняла данную русскую терминологию и сопутствующие ей предпосылки, то есть регион был определен как подконтрольная России территория, а не как территория, обладающая присущими только ей географическими, культурными или экономическими характеристиками.

Это определение было принято большинством стран, но, что интересно, не российским правительством. Действия царского и советского государств в течение двух веков исходили из предпосылки, что территориальные амбиции России в сердце Азии не будут удовлетворены до тех пор, пока Россия не получит контроль над Синьцзяном и Афганистаном. Так, советское правительство активно насаждало «мандатные режимы» в Синьцзяне в 1930-х гг., а в 1960-х применило гражданские и военные меры, чтобы подорвать власть Пекина в регионе^{*}. Массовая выдача советских паспортов тюркоязычным гражданам Синьцзяна в 1960-х гг. и строительство крупных авиабаз и военных объектов вдоль его границы в то же время доказывают серьезность намерений СССР в отношении этой китайской части «Средней Азии». В Афганистане цели Советского Союза были теми же, что и в Синьцзяне — воссоединить регион, который был разделен на части Британией и Китаем. После падения афганской монархии в 1972 г. СССР надеялся, что его интересы будут удовлетворены. Когда этого не случилось, он вторгся в страну, развязав войну, которая стоила жизни 2,5 миллионам афганцев.

Развал СССР стал переломным событием, но его влияние на Центральную Азию было неполным. Пять бывших советских республик обрели суверенитет, но бывшие советские границы на юге и востоке остались закрытыми. Китай открыл западную границу только тогда, когда смог сделать это на своих условиях, то есть с созданием инициативы Шанхайского сотрудничества в 1997 г., которая устанавливала, что граждане и жители стран — участников инициативы не могут участвовать в сепаратистской пропаганде против Синьцзяна^{**}. Свою роль сыграло и вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО), которое открыло приграничную торговлю, выросшую со временем в обмен центральноазиатского сырья и источников энергии на китайскую продукцию.

США ненамеренно открыли регион с южной стороны, уничтожив режим талибов в Афганистане. Впервые с 1930-х гг. открылась перспектива прямого

^{*} Эти конфликты раскрываются Ицхаком Шихором в работе: Shichor, Y. The Great Wall of Steel: Military and Strategy in Starr, S.F., ed., "Xinjiang" in Xinjiang: China's Muslim Borderland. — London: Armonk, 2004. — Pp. 120—160.

^{**} Шанхайская организация сотрудничества. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества (Declaration on Establishment of Shanghai Cooperation Organization), 15 июня 2001 г. // <http://www.sectso.org/html/00088.html> (1 аярыс-он Establishment of Shanghai Cooperation Organization), 15 июня 2001 г. // <http://www.sectso.org/html/00088.html> (1 аярыс-он Establishment of Shanghai Cooperation Organization), 15 июня 2001 г. Авторитетный обзор вопросов ШОС и безопасности см. в работе Стивена Бланка: Blank, S. The Shanghai Cooperation Organization and Its Future Centra // Asia-Caucasus Analyst. — 22 May 2002.

взаимного обмена через прежде закрытую границу и установления связей с Пакистаном, Индией и странами Индийского океана.

Еще до этого президенты новых государств стали называть свой регион Центральной Азией. Президент Кыргызстана Аскар Акаев, еще прежде назвавший свою страну «центральноазиатской Швейцарией», воспринял новое понятие с особым энтузиазмом. Возникает резонный вопрос: «Центральная по отношению к чему?» Но для новых независимых государств, столкнувшихся к тому же с угрозами безопасности, быть центром было гораздо предпочтительнее, чем периферией.

Между тем западный научный мир переокрестил Центральную Азию Центральной Евразией^{*}. Единственной проблемой в данном случае является то, что этот термин влечет за собой интеллектуальный багаж «евразизма» — течения, возникшего после первой мировой войны, подхватившего идеи шпенглеровского «Заката Европы» и в связи с этим искавшего будущее России на Востоке^{**}. И в советском, и в постсоветском понимании слово «Евразия» пробуждает идеи русского шовинизма и презрения к Западу^{***}.

Как относится понятие «Большая Центральная Азия» к этому лабиринту определений и коннотаций? Как и понятие «Центральная Евразия», это попытка отказаться от узкого географического определения региона, предложенного СССР. Оно признает как факт, что в течение двух тысячелетий и Синьцзян, и Афганистан были неделимой частью той же культурной зоны, к которой относились пять бывших советских республик. Оно также предусматривает возможность еще более широкого определения, которое включило бы, как минимум, Хорасанскую область Ирана, северную часть Пакистана, Монголию, такие российские территории, как Татарстан, и даже часть северной Индии от Раджастан до Агры^{****}. При этом в отличие от термина «Центральная Евразия» данное понятие не определяет регион в контексте внешних влияний или национальной идеологии. Вместо этого оно направляет дискуссию на тот предмет, на котором она должна фокусироваться, то есть на характер самого региона, его отличительные географические, культурные и экономические признаки и на вопрос о том, могут ли эти признаки сформировать его будущее.

Какое бы понятие ни использовалось, возникает вопрос: «В каком смысле — если смысл вообще есть — это регион?» Если странам или территориям, включаемым в него, недостает общих характеристик или если имеющиеся общие характеристики нерелевантны в контексте социально-экономического развития, было бы естественно, что регион организовался извне. Однако если имеют место

^{*} Общество центральноевразийских исследований (Central Eurasia Studies Association) было создано в 1997 г., а его журнал «Обзор центральноазиатских исследований» (Central Asian Studies Review) — в 2002 г. Понятие «Центральная Азия» фигурирует в названиях программ университетов Индианы, Гарварда, Чикаго, Центра Вильсона и др. В данное понятие включаются Кавказ и иногда Иран. См. Gleason, G. The Centrality of Central Eurasia // Central Asian Studies Review. — Vol. II, No. 1. — Winter, 2003, n.p.

^{**} По вопросу «евразизма» см. Bassin, M. Classical Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity. Department of Geography, University College, London, unpubd. Ms., n.d. available at http://www.dartmouth.edu/cn/cn_papers/Bassin.pdf.

^{***} Ведущим представителем «евразизма» в советскую эпоху был ленинградский интеллектуал Лев Гумилев, имя которого носит национальный университет Казахстана (см. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — Л., 1964). Наиболее ярким представителем этих взглядов сегодня является Александр Дугин (см. Дугин А. Основы геополитики. — М., 1997; он же. Абсолютная родина. — М., 1999).

^{****} Любопытно, что шеститомник ЮНЕСКО «История цивилизаций Центральной Азии», публиковавшийся в течение двух десятилетий на основании решения, принятого в 1976 г., разделяет эти весьма широкие взгляды, хотя и говорит о «цивилизациях» во множественном числе.

общие (отличительные и важные для развития) черты, то мы должны предполагать, что регион организовался «изнутри».

Большая Центральная Азия подразделяется на три очень разные зоны. Северную часть пересекает огромный степной пояс, берущий начало в Монголии и заканчивающийся на Венгерской равнине. К югу от степей, от Каспия до восточной границы Синьцзяна, простирается пустыня — одно из самых засушливых мест на Земле. К югу от пустыни с юга на север тянутся горные цепи (Тянь-Шаньская и Алатауская горные системы), относящиеся к обширному горному району западных Гималаев. Один из этих горных хребтов — Каракорум — включает высочайшие горы в мире.

Эти три различные географические зоны населяли в корне отличные друг от друга общества. Степные пастухи-кочевники предпочитали вертикальной форме организации горизонтальную. Жители густонаселенных городов-оазисов организовывали свою жизнь по иерархическому принципу, соответствовавшему необходимости управлять сложными ирригационными системами. Горцы, в частности памирцы и пуштуны, развивали культуру групповой солидарности в религиозно или социально враждебной среде*.

Эти географически-социальные различия усиливались различиями этническими и языковыми. В широком смысле степные кочевники были тюрками, а горожане и горцы — персами. Начиная с кушан (более чем 2000 лет назад), тюркские и монголо-тюркские племена неоднократно завоевывали персоязычные города-оазисы и устанавливали в них свою власть. Помимо языковых различий, эти две группы традиционно поклонялись разным божествам: тюркские племена придерживались различных форм анимизма, персы развивали свою зороастрийскую веру, а также культы местных божеств.

Данная картина географической, политической, культурной и лингвистической непохожести, не считая экономических и культурных отличий, в регионе Большой Центральной Азии дает много пищи для размышлений. В настоящем контексте регион представляет собой своего рода сборную солянку, так как имеет много внутренних отличий и несколько общих черт, релевантных по отношению к его развитию. Считается, что его основное геополитическое отличие заключается в его природных ресурсах и в том, что он занимает физическое пространство между окружающими его мощными державами.

Те, кто настаивает на варианте центробежного, а не центростремительного развития большого региона Центральной Азии, продолжают выдвигать аргументы и сегодня, указывая на то, что центральноазиатские лидеры так и не смогли с момента обретения независимости построить эффективное сотрудничество, несмотря на поддержку президента Узбекистана Каримова, президента Казахстана Назарбаева и президента Кыргызстана Акаева. Был сформирован Центральноазиатский союз — даже при участии Таджикистана, который в 1997 г. положил конец гражданской войне**. Однако эти меры не оправдали себя. Скептики могут говорить о нежелании обедневших стран инвестировать в общие начинания, а

также об осторожности, с которой каждая страна-участник отнеслась к мотивам и намерениям других стран. Тот факт, что даже в таких критичных вопросах, как водоснабжение и развитие энергетики, стороны с трудом находили общий язык, только укреплял позицию скептиков. Между тем внутрирегиональная торговля остается в зачаточном состоянии, и при возможности вылететь напрямую из большинства центральноазиатских столиц в мировые транспортные узлы, осуществить перелет внутри региона зачастую просто невозможно.

К тому же в последние годы экономическое развитие выявило новые «линии разлома» в регионе. Благодаря энергетическим ресурсам, Синьцзян процветает, Казахстан вырос в общество среднего класса, а Туркменистан в скором времени к нему присоединится. Вместе с тем Афганистан остается одной из самых бедных стран в мире, а Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан занимают соответственно 159, 167 и 172 места из 209 стран по объему валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения*.

Но это еще не все. Расхождения в природных, национальных, культурных и лингвистических условиях и текущих реалиях центральноазиатских стран более чем сбалансированы их общностью — в самом деле, достаточно выраженной, чтобы мы могли считать Большую Центральную Азию регионом, обладающим собственной динамикой, потребностями и возможностями.

Не отрицая явного физического контраста между степью, пустыней и горами, нельзя не отметить, что его влияние на жизнь человека оказалось парадоксальным: с самых древних времен (не отделяя группы друг от друга) эти различия привели к развитию особого производства в каждой зоне и к росту взаимной зависимости между тремя социальными группами. Многие ученые доказали, что ни кочевники, ни оседлые народы не могли жить друг без друга**. И разделяются они не чисто по национальному признаку. Помимо того, что персы когда-то сами были кочевниками, к V в. в Ферганской долине и других местах появились и оседлые тюрки. Кроме того, горные и оседлые народы обладали чертами, отличными от персов, многие из которых были унаследованы от еще более ранних народов.

Когда тюркские кочевники завоевывали города-оазисы, они преобразовывали эти, по существу, персидские центры в столицы континентальных тюркских империй. При кушанах, карахниках, газневидах, сельджуках и тимуридах персидский оставался языком деловых и часто государственных отношений, но языками военной силы и власти были тюркские наречия. Даже блестящая персидская династия саманидов опиралась на тюркские войска. Все мощнейшие державы, сформировавшиеся в регионе, представляли собой смесь национальностей и включали народы, населявшие степи, оазисы и горы. Таким образом, национальное разнообразие является важным элементом общей идентичности в регионе.

То же касается и религии. Правда то, что большинство населения в каждой стране — это мусульмане-сунниты, а также последователи умеренной школы Ханафи. Правда и то, что регион имеет право считать, что именно он оказал решающее влияние на ислам через кодифицированные аль-Бухари хадисы Мухаммеда и через многие суфийские ордены, образовавшиеся на этой территории. Однако население региона в целом имеет сложную религиозную структуру: многие ка-

* ВВП на душу населения см. GNI Per Capital // The World Bank. Data and Statistics. — Washington, 2006, n.p.

** См. Amitai, R., Biran, M. (eds.). Eurasian Nomads and the Sedentary World. — Leiden: Brill, 2005.

* Одним из первых это трехмерное определение региона и его социальных корреляций предложил В.В. Бартольд (см. Bartold, V.V. Turkestan Down to the Mongol Invasion. 3rd English ed. — New Delhi: Munshiram, 1992, Chapter I).

** О крахе чисто центральноазиатской организации см. Tolipov, F. CACO Merges with EEC: The Third Strike on Central Asia's Independence // Central Asia-Caucasus Analyst. — 19 October 2005 // <http://www.cacianalyst.org/?q=node/3479>; современные размышления на тему нового Центральноазиатского союза см. Lillis, J. Central Asia Leaders seek to Improve Regional Cooperation // Eurasia Insight. — 9 July 2006 // <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav090706.shtml>.

захи и кыргызы были обращены в Веру только в течение двух последних веков, а туркменские племена долго дистанцировались от Веры в том виде, в каком она проповедовалась соседней Бухарой и Ираном. Помимо большого числа представителей светской интеллигенции в каждой стране (наследие советской эпохи), регион унаследовал и мусульманский реформизм (джадидизм) и фундаменталистский салафизм. В течение долгого времени жизнь этих многонациональных культур делили и христианское, и еврейское меньшинства.

Нельзя отрицать, что, после обретения центральноазиатскими странами независимости, их разобщение приобрело характер тенденции. Тем не менее эпохи наивысшего процветания и мощи региона, равно как и практически весь его вклад в мировую культуру, пришлось на периоды единства, выкованного имперскими державами, которые сформировались внутри региона, а не пришли извне. В то же время единство, которое имело место во времена центральноазиатских империй, позволяло активно развиваться самоуправлению и национальному своеобразию при условии, что центр получал налоги и войска.

В течение двух тысячелетий мощным двигателем внутрирегионального взаимодействия в Центральной Азии была сухопутная торговля. Безусловно, торговые пути, шедшие вдоль многонационального Шелкового пути, связывали регион и с внешним миром. Но, поскольку торговцы перевозили товар только на определенное расстояние, составлявшее лишь часть большого пути, торговля в каждом направлении была мощным фактором взаимного влияния и выгоды для Большой Центральной Азии как таковой.

Можно сожалеть о том, что после получения независимости центральноазиатские страны отошли от подобного регионализма, но это понятно. Во всех частях света новые постимперские государства игнорируют соседей — и потому, что они заняты своей новой независимостью, и потому, что они ищут возможность установить новые связи с внешним миром, от которого раньше были отрезаны. Как правило, такие этапы преходящи. Это, а также ограничения, связанные с бедностью и масштабными реформами во многих секторах экономики, в целом объясняют неудачи региональных инициатив в 1990-х гг. Но не вполне. Россия как бывшая имперская держава имела собственные представления об организации региона. Борис Ельцин предложил создать Содружество Независимых Государств (СНГ), но оно не завоевало авторитета. Владимир Путин создал Евразийскую экономическую зону, похожую на то, чем был бы Европейский Союз (ЕС), если бы население одной из его стран-участников в семь раз превышало население второй самой большой страны*. Между тем Россия добивалась и получила статус наблюдателя в Центральноазиатском союзе, а затем затребовала и полное членство. После вступления в союз Россия переключилась на его объединение с Евразийской экономической зоной и, собственно, на его роспуск. С тех пор и до настоящего времени Россия четко дает понять, что центральноазиатские страны не имеют права создавать какие-либо организации, членом которой не являлась бы сама Россия.

Однако центральноазиатские страны смотрят на ситуацию иначе. Помимо предложений создать региональную организацию, выдвигавшихся, как говорилось

выше, президентами нескольких стран региона, центральноазиатские государства провели последовательную работу по созданию Центральноазиатской зоны, свободной от ядерного оружия. Инициатива была предложена Узбекистаном и принесла свои плоды в 2008 г. с подписанием Семипалатинского протокола*. Впервые со времени обретения независимости все пять бывших советских республик Центральной Азии объединились в рамках международного договора без участия их могущественных соседей. Они предусмотрительно оставили возможность присоединиться к другим государствам, отказавшимся от ядерного вооружения, но, скорее всего, это будет Афганистан, а не Россия или Китай.

Почему при таких существенных различиях и малом числе общих интересов центральноазиатские государства приложили столько усилий, чтобы одержать эту символическую победу? Причина в том, что они знают, что имеют гораздо больше общего, чем может показаться скептикам. Эти народы прожили рядом два тысячелетия. В любом случае не меньше пятисот лет. Помимо торговли, они свободно перемещались по территории, устраивали поселения там, где нравилось, и рождались. Во многих районах, в том числе во всем Узбекистане и Таджикистане, браки между тюркоязычными и ираноязычными народами (например, таджиками) имели место в течение такого количества лет, что вопрос о национальной принадлежности становится скорее делом вкуса, нежели генов.

Если учесть все это, становится ясно, что ответом на наш вопрос: «В каком смысле — если такой смысл вообще есть — она является регионом?», будет: «Во многих смыслах». Более того, главный фактор, который позволяет нам считать Центральную Евразию или Большую Центральную Азию регионом (веками интенсивное экономическое и социальное взаимодействие базировалось на функциональной специализации и транспортных возможностях), имеет к экономическому и социальному развитию сегодня более прямое отношение, чем элементы, разделяющие регион на части.

Центр или периферия международных отношений?

Даже если мы согласимся с тем, что регион Большой Центральной Азии, включающий в себя более пяти бывших советских республик и обладающий важными общими чертами, способствующими модернизации, существует, это не дает ответ на вопрос, каким образом стоит рассматривать этот регион сегодня. Выбор прост: в контексте его вероятного развития является ли он периферией другого мирового региона или регионов или (в каком-либо смысле) самостоятельным центром?

Данное противопоставление не ново. Оно представляет собой центральный аналитический вопрос, поставленный Хэлфордом Макиндером в его знаменитой лекции 1904 г. «Географическая ось истории»**. Задавшись вопросом, какие географические регионы являются центральными, а какие — периферийными, Макиндер пришел к выводу, что в сравнении с большим «Мировым островом» Евразии и Африки обе Америки, Океания и даже Британия являются периферией. В пределах самого «Мирового острова» Макиндер выделял собственно

* См. Parris, S., Potter, W. Central Asian States Establish Nuclear-Weapon-Free Zone Despite US Opposition. Center for Non-Proliferation Studies, 5, 8 September, 2006.

** См. Mackinder, H. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. — Vol. 170, No. 4. — December, 2004. — Pp. 298—321.

* Евразийское Экономическое сообщество, состоящее из шести стран-участников, было предложено в 1999 г., образовано в 2000 г., а его Устав ратифицирован в 2001 г.

«центральную часть», представляющую собой естественную точку пересечения континентальных транспортных путей. Макиндер доказывал, что по отношению к этой центральной зоне и Западная Европа, и большая часть Восточной Азии являются периферией.

Мы можем не соглашаться с макиндеровским идиосинкразическим применением его же гипотезы, но его противопоставление «центров» и «периферий» остается полезной концепцией, так как заставляет нас пересмотреть наши же рассуждения по поводу отличительных региональных характеристик. Однако на этот раз мы должны учесть «силу гравитации» мощных континентальных соседей региона, то есть России, Китая, Индии, Ирана, Среднего Востока и Европы. Обладает ли кто-либо из них (самостоятельно или в группе с другими странами) таким экономическим, социальным и геополитическим весом, чтобы Большая Центральная Азия стала периферийной (если не захолустной) зоной? Иными словами, обрекает ли Центральную Азию ее местоположение на судьбу периферийной зоны по отношению ко всем центрам Евразийского континента?

Последствия реализации любой из этих гипотез (или противоположного им варианта) ощутимы. Если регион не является самостоятельным центром и исходные реалии неразрывно обуславливают его периферийное положение по отношению к одной или нескольким внешним державам, государства региона будут неизбежно считаться объектом политики других стран, а не самостоятельными субъектами. Если, однако, Большая Центральная Азия имеет какие-то амбиции стать центром, то есть делиться благами с крупными соседями по всем направлениям, а не только в одном из них, то эти страны имеют обоснованное право рассчитывать на участие в международных отношениях как полностью суверенные субъекты. Учитывая важность этих противоположных путей, требуется определенная четкость в вопросе о том, является ли регион центром или периферией.

Как оценить степень, в которой определенный регион можно считать центром или периферией? Существует несколько показателей, но наиболее приемлемым представляется фактор политического контроля. В конечном счете, если определенная территория периодически подпадает под влияние соседних стран, это дает основания полагать, что ее ресурсы недостаточны для формирования центростремительной силы независимо от того, насколько существенными могут быть ее географические или экономические активы.

В этом плане у Большой Центральной Азии существенных достижений нет. Доказательства очевидны: за два последних тысячелетия, как минимум, семь великих империй устанавливали контроль над всей ее территорией или над ее частью: персы, эллины, китайцы, арабы, моголы, британцы и русские. Некоторые из них преуспели настолько, что влияли на ход дел в регионе в течение нескольких поколений и даже веков.

Однако более пристальный анализ показывает и степень несостоятельности этих внешних сил. Правление персов в Центральной Азии при ахеменидах и сассанидах было настолько слабым, что можно считать, что его не было. Наследники Александра Македонского начали терять власть сразу же после его смерти. Несмотря на недавние заявления Китая об обратном, влияние Китая на регион в эпоху Цин едва ли продлилось дольше, чем недолгое присутствие в нем китайской армии. Даже в Синьцзяне китайское правление пошло немногим дальше, чем расстановка сигнальных знаков и устройство нескольких небольших гарнизонов.

Сегодня Синьцзян может быть другим благодаря повальной миграции китайцев и готовности Пекина неукоснительно реализовывать кампанию «сокрушительного удара» против коренного населения. Однако, как сказал премьер-министр Китая, когда его спросили о Французской революции, «еще рано говорить». Арабы завоевали регион вплоть до Тянь-Шаня, но их было слишком мало, чтобы удержать завоеванное. Со временем они смешались с коренными народами. Несмотря на то, что индийские моголы произошли из Ферганской долины, они не смогли сформировать силу, необходимую, чтобы установить свое влияние в регионе. Британской имперской системе так и не удалось прочно обосноваться где-либо в Центральной Азии и пришлось довольствоваться преобразованием Афганистана в буферное государство и настолько слабым присутствием в Синьцзяне, что оно не представляло угрозы ни Китаю, ни России.

Военные начинания России были более успешными, благодаря чему ей удалось частично перекроить центральноазиатское общество по русско-советскому образцу. Но, несмотря на коллективизацию и зачистки, к 1970-м гг. Советам пришлось довольствоваться управлением через региональные администрации, которые поставляли продукцию в Москву, но при этом управляли делами на местах вполне независимо от центра. Как только ученые представят серьезные исследования по истории правления первых секретарей Коммунистической партии (Шарафа Рашидова в Узбекистане, Турдакуна Усубалиева в Кыргызстане, Джабара Расулова в Таджикистане и Динмухамеда Кунаева в Казахстане), ограниченность приказных возможностей Москвы в советской Центральной Азии станет очевидной*.

Этот краткий обзор позволяет усомниться в возможностях какой-либо новой внешней державы (неважно, насколько мощной) установить долгосрочную гегемонию в Большой Центральной Азии. Даже если это случится, исторический опыт дает основания полагать, что это не будет периодом энергичного развития региона. К обобщениям следует относиться осторожно, но выходит так, что внешний контроль имел тенденцию изолировать регион от континентальной торговли, затруднял его экономическое и культурное развитие и фактически дестабилизировал его. С другой стороны, правление, осуществляемое *изнутри региона местными силами*, например парфянами, саманидами, караханидами или газневидами, и даже кочевниками-завоевателями кушанами и сельджуками, которые оседали в регионе и строили здесь свои столицы, помогало региону установить связи с внешним миром и способствовало его экономическому развитию. Неудивительно, что именно эти периоды (в отличие от периодов иностранного правления) стали и периодами огромного расцвета культуры, в которые родилось большинство из множества центральноазиатских достижений, ставших частью мировой культуры.

Словом, существуют весомые исторические, экономические и культурные предпосылки, которые позволяют считать сегодняшнюю Большую Центральную Азию центральным регионом, а не периферией по отношению к какой-либо внешней экономике или государству, равно как и субъектом международной дипломатии, а не объектом действий аутсайдеров. К сожалению, немногие рассматривают ее с этой точки зрения. Британский ученый Питер Хопкирк в 1992 г.

* Лучшая работа по этому вопросу — см. Critchlow, J. Nationalism in Uzbekistan: A Soviet Republic's Road to Sovereignty. — Boulder, CO: Westview Press, 1991; также см. увлекательные мемуары первого секретаря Киргизии: Усубалиев Т. Эпоха, созидающая судьбы. — Бишкек, 1995.

(очень своевременно) опубликовал свою замечательную книгу «Большая игра» о соперничестве России и Британии в Центральной Азии в XIX в.^{*} Следом американский аналитик Збигнев Бжезинский нарисовал образ региональной шахматной партии: Россия, рассматривающая Центральную Азию как свой «задний двор», и Китай, действующий, по всей видимости, исходя из посыла, что его субъективные требования безопасности в Синьцзяне дают ему право ограничивать суверенность новых государств, расположенных с запада^{**}.

В этой конкуренции было утрачено какое-либо четкое понимание потребностей и прав самих региональных государств. Гуманитарные организации и финансовые институты вроде бы взялись за решение этих вопросов, но за пределы ограниченного пространства, не заполненного геополитической конкуренцией, они не вышли. При соблазнах и давлении со всех сторон новым государствам региона дали понять, что они стали предметом антагонистической игры, которую они смогли бы выиграть только в том случае, если бы сделали безоговорочную ставку на того или иного игрока. Иными словами, ценой выживания был назначен отказ от всех амбиций стать центром и согласие принять статус периферии на лучших из предложенных условий... Короче говоря, безопасность в обмен на утрату права на самоопределение и независимость.

Сначала постепенно, но затем все более уверенно центральноазиатские государства выработали совсем иное решение своей геополитической дилеммы. Они пришли к пониманию, что в их силах (по крайней мере, частично) установить продуктивные стратегические отношения со всеми крупными державами и управлять этими отношениями таким образом, чтобы их сбалансировать. Этот подход был системно разработан Казахстаном в 1997—2001 гг. и затем прямо или косвенно перенят практически всеми государствами региона^{***}. Заявленный Туркменистаном нейтралитет не дает ему возможности заключить стратегическое партнерство, но, тем не менее, вполне удовлетворяет потребность в балансе. За пределами этой неформальной системы остается только Афганистан, но, учитывая его историю с 1989 г., это объяснимо.

Извне региона данный подход был проанализирован лишь однажды — в докладе «Стратегическая оценка Центральной Азии и Кавказа», выпущенном Институтом Центральной Азии и Кавказа в 2000 г. В этом документе сделано предложение о «договоренности» внешних держав в отношении центральноазиатского региона, а именно: «система взаимных компромиссов, направленных на общую задачу построения стабильной и открытой среды, в которой суверенность и независимость будут признаны всеми державами. Это требует договора (официального или подразумеваемого) между государствами о том, что поддержание в силе договоренности должно стать главной задачей в регионе. Фактически региональная договоренность [также] требует от крупных держав определенного воздержания в реализации их личных амбиций...»^{****}.

Такая «договоренность» — естественная конечная цель политики сбалансированности, принятой де-факто большинством самих государств региона. Как решение проблемы Большой Центральной Азии это позволит, с одной стороны, обеспечить безопасность, суверенность и самоопределение самого региона (то есть определит его центральное, а не периферийное место в мире и статус субъекта, а не объекта) и, с другой стороны, защитить законные интересы всех крупных держав. В таком виде данная договоренность сегодня необходима еще больше, чем в 2000 г.

Но существуют три причины, по которым она остается далекой от реальности. Прежде всего, ни одна из крупных внешних держав пока не готова ее принять. Россия продолжает придерживаться программы максимизации экономического и политического контроля в регионе, которая уходит корнями в антагонистические установки XIX в. Китай реализует менее жесткую стратегию, которая, однако, имеет свои угрозы для экономического и политического самоопределения региона. Соединенные Штаты, будучи влиятельной, но далекой силой, не имеющей территориальной границы с регионом, могли бы сыграть существенную роль, но, начиная с 2001 г., у них нет четкой региональной стратегии^{*}. Позиции Индии и Европейского Союза настолько неопределенные, что (по крайней мере, на данный момент) их можно считать практически не имеющими значения. Только Япония с ее инновационной программой «Центральная Азия + Япония» ведет себя в ключе, соответствующем духу договоренности.

Вторая причина, по которой централизирующая политика сбалансированности не вполне прижилась в Большой Центральной Азии, — это то, что она требует более активного и четкого взаимодействия между государствами региона, чем есть сегодня. Без внутрирегиональных связей невозможно полноценно развивать отношения с внешними сторонами. Государства Центральной Евразии смогут убедить своих более крупных партнеров в том, что их интересы как крупных держав проще реализовать в Большой Центральной Азии, которая является центром и субъектом, а не периферией и объектом, только в том случае, если будет улучшено внутрирегиональное взаимодействие на уровне президентов, ключевых министерств и парламентов. Без этого внешние державы будут и дальше произвольно направлять государства региона друг против друга — во вред всем. Таким образом, есть смысл в том, чтобы мировое сообщество согласилось с правом центральноазиатских государств взаимодействовать друг с другом так, как они хотят, и противостояло некорректным попыткам России этому помешать.

И, наконец, данное утверждение суверенитета нового важного мирового региона вызвано не только тем, что два потенциальных внешних игрока — Китай и Россия — ведут в нем активную деятельность, а третий — США — сконцентрировал внимание только на одной стране — Афганистане. Их интересы далеко не идентичны, а во многих отношениях даже противоположны, но у них есть возможность действовать по своему усмотрению. Пока у США, Индии, Японии или Европы (по отдельности либо в комбинации) не появятся более широкие и долгосрочные интересы в регионе в целом, представление центральноазиатских

^{*} Наиболее близким по смыслу к подобным решительным заявлениям является Введение (Раздел 101) к Закону о Стратегии Шелкового пути II (Silk Road Strategy Act II) 2006 г., все еще рассматриваемому Конгрессом: «В целом Соединенные Штаты имеют значительные долгосрочные интересы в странах Центральной Азии и Южного Кавказа. Эти интересы включают безопасность, экономическое развитие, энергетику и права человека» (22 U.S.C. 2151).

^{*} См. Hopkirk, P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. — N.Y.: Kodansha International, 1992.

^{**} Brzezinski, Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. — N.Y.: Basic Books, 1997.

^{***} Автором этого «многовекторного» подхода является Касымжомарт Токаев (в то время министр иностранных дел Казахстана). См. Starr, S.F. Kazakhstan Security: a Model for Central Asia? // Central Asia Affairs. — Vol. I, No. 3. — 16 January 2007.

^{****} См. Starr, S.F., Fairbanks, C.C., Nelson, R., Weisbrode, K. Strategic Assessment of Central Eurasia. — Washington, D.C.: The Atlantic Council and Central Asia-Caucasus Institute (CACI), 2001. — P. 6.

государств о себе как о центральном самоопределяющемся регионе со сбалансированными отношениями не будет иметь поддержки.

Японская программа «Центральная Азия + Япония» — это предусмотрительный шаг в данном направлении, заслуживающий особого внимания, как и американское Рамочное соглашение о торговле и инвестициях (TIFA) и недавние инициативы ЕС*. Скрамное, но расширяющееся присутствие в регионе Индии — тоже вполне желанный вариант развития. Если бы США или любая другая держава тверже заявили о том, что они имеют долгосрочный интерес в развитии стран региона как суверенных, безопасных, светских, открытых и рыночных государств, была бы создана важная предпосылка для развития политики сбалансированности. Россия и (или) Китай могут возражать, но финальная договоренность будет гораздо больше способствовать реализации интересов этих двух держав, чем любого рода антагонистическое соглашение, которое они могут выработать самостоятельно. Именно по этой причине было предложено партнерство между США и регионом Большой Центральной Азии. Оно происходит не из антагонистического духа и фактически является единственным рабочим противоядием от антагонистической позиции других крупных держав. Оно позволит центрально-азиатским государствам самостоятельно строить свое будущее и направит регион в русло стабильного развития, выгодного всем его континентальным соседям.

Договоренность, достигнутая в результате этого процесса, может быть не тем, что в первую очередь предпочли бы внешние силы, но станет для всех них вторым по предпочтительности решением. Это позволит устранить сегодняшний разрыв между словами и делами. В Декларации 2005 г. Москва и Пекин заявили о намерении строить отношения с регионом Большой Центральной Азии по принципу «взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности, взаимного ненападения и невмешательства»**. Сбалансированная «договоренность» держав поможет и даже потребует от России и Китая реализовать эти благородные идеи на практике в отношении их соседей из Большой Центральной Азии.

* * *

Идея открытой Большой Центральной Азии, которая является экономическим и транспортным центром, а не периферией, а также самоопределившимся субъектом международных дел, а не податливым объектом, не нова. Правда в том, что она противоречит идеям территориального колониализма, завершившегося в 1991—1992 гг., и энергетического колониализма, угрожающего региону сегодня. К ней стоит отнестись серьезно, потому что это — одна из лучших интеллектуальных установок в самом регионе. Кроме того, она уходит корнями в двухтысячелетнюю историю, которая включает эпохи, когда Большая Центральная Азия на самом деле имела центральное значение для мира в политическом, экономическом и цивилизационном плане. При условии компетентного государственного управления в регионе и отстранения от внешних сил сегодня Большая Центральная Азия может вернуть часть былого величия.

* По вопросу «Центральная Азия + Япония» см. Rizayev, A. First Meeting of 'Central Asia + Japan' Initiative Held in Tashkent // Central Asia-Caucasus Analyst, — Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. — 4 May 2005 // <http://www.cacianalyst.org> (архив).

** См. Blagov, S. Shanghai Cooperation Organization Summit Suggests New Russia-China Links // Eurasia Daily Monitor. — 6 July 2005 // http://www.jamestown.org/edm/article.php?article_id=2369975 (26 July 2006).

Азиатский вектор безопасности Республики Казахстан: укрепление и развитие СВМДА

ФЕДОСЕЕВ С.Г.

В Послании Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «Повышение благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики» уделено пристальное значение таким инициативам, как СВМДА, ШОС, ОДКБ, основы которых были заложены при непосредственном участии Казахстана.

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) — это первый внешнеполитический проект Казахстана высокого уровня, направленный на коллективное обеспечение мира и согласия в Азии и исключение военной агрессии. Впервые о необходимости инициативы, направленной на обеспечение коллективной безопасности на Азиатском континенте, формирование эффективного механизма и мер предупреждения возникновения внешних угроз, было озвучено Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1992 г. В частности, Глава государства в своем выступлении подчеркнул: *«Сегодня мир вплотную подошел к той черте, за которой явные и смутные вызовы будущего заставляют нас перейти к новому качеству координации и организации наших совместных усилий»*. С самого начала казахстанскую инициативу поддержали 16 азиатских государств.

СВМДА призвано стать политической диалоговой площадкой, направленной на совместное коллективное обеспечение континентальной безопасности, усиление мер доверия в регионе и создание единого пояса безопасности на всем Азиатском континенте по периметру ее границы.

Процесс развития СВМДА с момента его инициирования и до настоящего времени прошел эволюционный путь. Проведенная 14 сентября 1999 г. I-я встреча министров иностранных дел была первым крупным шагом в становлении данной инициативы. На этой встрече был подписан основополагающий документ — Декларация, регулирующая отношения между государствами — участниками Совещания, заложившая основу СВМДА как форума и инструмента сотрудничества во имя мира.

Основополагающими принципами, которыми государства — участники СВМДА обязались руководствоваться в своих отношениях, являются:

- 1) суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету;
- 2) неприменение силы или угрозы силой;
- 3) территориальная целостность государств-членов;

- 4) мирное урегулирование споров;
- 5) невмешательство во внутренние дела;
- 6) разоружение и контроль над вооружением;
- 7) экономическое, социальное и культурное сотрудничество;
- 8) соблюдение прав и основных свобод человека.

Первый саммит глав государств и правительств стран — членов СВМДА состоялся в июне 2002 г. в г. Алматы. По итогам саммита главами государств и правительств стран — членов СВМДА были подписаны два основополагающих документа: Алматинский акт и Декларация СВМДА об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями. В Алматинском акте была освещена основная суть деятельности СВМДА. Декларация об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями стала основным документом, направленным на борьбу против международного терроризма.

22 октября 2004 г. состоялась II-я встреча министров иностранных дел. В результате встречи были приняты: Каталог мер доверия, Правила процедуры и Декларация второй встречи министров иностранных дел СВМДА. Каталог мер доверия — всеобъемлющий документ, где уделено пристальное значение военно-политическим вопросам и борьбе с новыми вызовами и угрозами человечеству. Подобного рода документ является новизной в «цехе» мировой дипломатии и создает уникальную возможность для сближения общих интересов государств-участников. Первый саммит глав государств и правительств СВМДА получил широкий резонанс в международном сообществе и способствовал укреплению международного авторитета Казахстана.

17 июня 2006 г. состоялся второй саммит глав государств и правительств СВМДА, в ходе которого была принята Декларация II-го Саммита и Соглашение о Секретариате СВМДА. В Декларации отражены видение государств — участников СВМДА касательно проблем безопасности и сотрудничества как в Азии, так и во всем мире. Проведение этого саммита свидетельствовало о жизнеспособности идеи казахстанского лидера Н.А. Назарбаева, которая в новых условиях приобрела актуальное значение в связи с нарастанием явных и потенциальных угроз безопасности.

25 августа 2008 г. прошла III-я встреча министров иностранных дел государств — участников СВМДА. На этой встрече в члены СВМДА были приняты Иорданское Хашимитское Королевство и Объединенные Арабские Эмираты, наблюдателем стал Катар. Тем самым расширилось географическое представительство государств — участников форума, численность арабских стран была увеличена до трех. Это способствует достижению консенсуса по широкому кругу вопросов вследствие участия в форуме представителей различных регионов Азии. Выступивший с речью Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подчеркнул, что необходимо начать практическую работу по развитию и укреплению сотрудничества в военно-политическом измерении в целях усиления борьбы с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, организованной преступностью, наркотическим трафиком и незаконной миграцией. Кроме того, на этой встрече были затронуты темы этнотерриториального конфликта. В центральноазиатских республиках, в связи с тревожной ситуацией в Афганистане, весьма актуальное значение имеет угроза проникновения террористов на территорию сопредельных государств. Индия и

Пакистан начали процесс распространения оружия массового уничтожения, что привело к нарушению основ Договора о нераспространении ядерного оружия. Израиль и арабский мир не могут прийти к консенсусу для решения проблем Ближнего Востока. Кавказский конфликт создал дополнительные проблемы в регионе, в котором и так была напряженная обстановка. В этой связи возрастает роль и значение СВМДА как возможного инструмента решения мирным путем возникших проблем. Отдельной темой были рассмотрены вопросы касательно культуры, межнационального и межконфессионального согласия и взаимодействия. Здесь было бы целесообразнее использовать казахстанский опыт, известный в мире как «Казахстанский ноу-хау». Эти вопросы требуют решения и постоянного контроля исключительно на политическом уровне. На этой встрече Глава казахстанского государства предложил кандидатуру Турецкой Республики на пост председателя СВМДА как наиболее оптимальной, так как основные претенденты на этот пост заняты работой в других организациях (КНР в ШОС, РФ в ОДКБ). Ко всему прочему, Турецкая Республика проявляла наибольшую активность в деятельности форума со дня ее инициирования.

Воплощенная в реальность глобальная инициатива Казахстана — СВМДА стала приносить свои положительные плоды в плане укрепления диалога и поиска компромиссных путей урегулирования проблем и конфликтов на Азиатском континенте. Так, например, главным достижением Казахстана на пути обеспечения как региональной, так и континентальной безопасности является принятие главами государств Декларации об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями. Исключительно важное значение имеет Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами — членами СВМДА. Этот документ де-юре обеспечивает Казахстану национальную безопасность не только со стороны соседних государств по периметру границы, но и, прежде всего, всех государств — участников СВМДА. Здесь необходимо учесть значение того факта, что Азия представляет миру опасность в плане широкого распространения религиозного экстремизма и сепаратизма, наркоторговли и в целом стремительного развития наркоиндустрии.

Как известно, инициатива Казахстана о созыве Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии является аналогом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). СБСЕ создано в соответствии с главой 8 Устава ООН как главный инструмент для раннего предупреждения и предотвращения кризисных ситуаций, урегулирования существующих конфликтов и постконфликтного восстановления в Европе, а также контроля над вооружением.

На прошедшем в декабре 1994 г. Будапештском саммите государства — участники СБСЕ, осознавая возросшую роль и место Совещания в современных геополитических реалиях, приняли решение превратить его в полноправную организацию, наделенную уставом и нормативной правовой базой, — ОБСЕ. Это позволило ОБСЕ обрести новый политический импульс в современном мире, через который оно способно осуществлять прямое воздействие на ситуацию и геополитику в Европе.

Как известно, Республика Казахстан первая из постсоветских государств была избрана председателем ОБСЕ в 2010 г. Решение о председательстве является признанием достижений Казахстана как активного участника за укрепление системы безопасности на всем евразийском пространстве и в мировом сообществе в

целом. В этой связи Республика Казахстан разработала специальную программу «Путь в Европу».

Однако, если социально-политическая ситуация в Европе находится примерно на одинаковом уровне в результате близости истории и менталитета европейцев, то на азиатской части континента существуют резкие различия среди народов, населяющих эту территорию.

Главным препятствием на пути создания азиатской континентальной структуры коллективной безопасности, в том числе и в военной сфере, является разный уровень экономической, политической, социальной и культурной неоднородности стран.

Кроме того, в СВМДА идет медленный процесс согласования и реализации мер, направленных на коллективное обеспечение безопасности. Возникает необходимость активизации деятельности всех структур и институтов СВМДА. Кроме того, нужно создать ряд подразделений по региональным направлениям. Так, например, расположенность одного из подразделений Секретариата СВМДА в арабских странах содействовала бы оперативному реагированию для решения ближневосточного конфликта и способствовала бы решению различных задач, имеющихся в разных регионах Азии.

Новые задачи СВМДА в свете будущего развития представляются достаточно перспективными. Не исключается и возможность того, что в будущем США, Великобритания и Франция — члены Совета безопасности ООН в качестве наблюдателя могут принимать активное участие в деятельности СВМДА. Прежде всего, активность этих мировых держав возможна за счет их намерения обеспечить свое стратегическое присутствие на Азиатском континенте.

Дальнейшее развитие СВМДА в перспективе могло бы предоставить возможность обеспечить создание многополярного мира, не ограничивающегося в рамках «западной» модели. Как минимум, в перспективе будут существовать две системы обеспечения безопасности — азиатская и европейская. Однако, при данном расположении в будущем тенденций развития СВМДА как организации, нельзя допустить дублирование ею функций Шанхайской организации сотрудничества, государствами-участниками которого являются некоторые страны — члены СВМДА.

Анализ деятельности СВМДА как регионального совещания позволяет подвести следующие итоги ее развития:

■ *Сформирована нормативная правовая база СВМДА.*

Документы, принятые в рамках СВМДА, создали действующий механизм развития форума как реального инструмента формирования диалога и предотвращения угроз на Азиатском континенте, тем самым заложив юридическую основу системы азиатской безопасности. В дальнейшем необходимо проработать вопросы, связанные с проектом конвенции «О правоспособности, привилегиях и иммунитетах Секретариата СВМДА», что способствует укреплению его деятельности.

■ *Продолжена работа по институционализации СВМДА.*

С момента инициирования СВМДА форум прошел путь от идеи по взаимодействию, мерам и доверия до практического становления площадки

политического диалога по обсуждению общих угроз. Это свидетельствует об актуальности Совещания как возможного инструмента решения общих проблем при непосредственном участии в их обсуждении государств — участников СВМДА.

В настоящее время обозначился процесс институционализации форума, так как на данный момент сформированы директивный, рабочий и исполнительные органы СВМДА. В целях эффективного развития деятельности СВМДА, следует продолжить дальнейшую работу по институциональному становлению форума.

■ *Установлено сотрудничество с международными организациями.*

Положительным моментом в развитии деятельности Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии является то, что инициатива о его созыве получила одобрение со стороны ООН и ОБСЕ.

Участие в работе СВМДА, ОБСЕ и Лиги арабских государств позволит сблизить позиции государств, противодействующие и дистанцирующиеся друг от друга. Кроме того, государства — участники СВМДА в одно время являются участниками различных международных и региональных объединений, что позволяет расширить горизонты взаимодействия и сотрудничества.

Таким образом, СВМДА на современном этапе превращается в эффективную и универсальную структуру по обеспечению безопасности на Азиатском континенте, где в отличие от других регионов мира ранее подобный механизм не существовал.

Вместе с тем известно, что в 2010 г. Казахстан будет председательствовать в ОБСЕ, в этом же году пройдет III-й Саммит глав государств и правительств СВМДА. В этой связи *предоставляется уникальная возможность наладить взаимоотношения и сотрудничество между механизмами азиатской и европейской системы обеспечения безопасности.*

Таким образом, следует утверждать, что проект «Казахстанская инициатива», получив в свое время должную поддержку со стороны 16-ти азиатских государств, в настоящее время превратился в эффективную политическую диалоговую площадку по обсуждению насущных проблем безопасности Азии и разработке новых механизмов их решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Повышение благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики // Казахстанская правда. — 2008, 7 февраля.
2. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на III-м СМВД СВМДА 25 августа 2008 г. // Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК // <http://www.kisi.kz>.
3. Токаев К.-Ж. Преодоление. — Алматы, 2003. — С. 316 — 385.
4. Парадигма безопасности. Марат Тажин, министр иностранных дел РК, председатель Совета министров иностранных дел СВМДА // <http://www.neonomad.kz>.
5. По материалам Министерства иностранных дел РК // <http://www.mfa.kz>.

Современные тенденции эволюции президентской формы правления в Казахстане

ГАБЖАЛИЛОВ А.Х.

Современный Казахстан является стабильным, безопасным и устойчивым государством с высокими темпами экономического и социального развития. Межэтнический мир и согласие представляют уникальный пример для многих стран мира. Очевидно, что это стало результатом выверенной и эффективной политики, управления в рамках существующей президентской формы правления.

Нынешний депутат Мажилиса Казахстана К.Н. Бурханов подтверждает, что период со времени объявления независимости в 1991 г. и до появления современной Конституции 1995 г. представляет собой время наиболее сложных политических изменений и трансформации, которое также отразилось на месте и роли Президента в политической системе страны. По его мнению, переход на демократические цели развития Казахстана стал возможным в силу независимости и установления президентской формы правления [1]. Основными этапами развития президентской формы правления были отмечены: принятие Конституции 1995 г. и последующие дополнения в 1998 г. В современный период политического развития Казахстана одним из главных приоритетов была признана политическая модернизация. Несмотря на демократические мотивы внедрения Конституции и усиление властной вертикали института президентства, ученый негласно признает, что демократические нормы и принципы все еще требуют своего развития и внедрения. Согласно мнению К.Н. Бурханова, только с периода 2007 г. началось последовательное внедрение демократических норм, когда были реализованы основные задачи государственной власти. Было обеспечено устойчивое государственное строительство, транзитный переход политической системы, устойчивость государственной власти. Современное демократическое развитие Казахстана осложняется рядом конкретных факторов и объективных условий.

Во-первых, демократические реформы должны реализовываться с целью совершенствования, а не ломки существующей политической и административной системы. К.Н. Бурханов негласно признает, что для внедрения демократии не может быть предпринята кардинальная перемена всей властной вертикали. Таким образом, было выдвинуто основополагающее мнение, что демократический Казахстан возможен при наличии существующей президентской формы правления.

Во-вторых, по его мнению, по прошествии 15-ти лет существования независимой республики транзитный период перехода от тоталитаризма к демократии все еще не завершен. Был отвергнут интенсивный международный и революционный опыт перехода тоталитарных, авторитарных государств к демократии. По

его мнению, нет готовых универсальных рецептов трансформации политических систем. Казахский путь к демократии должен быть самостоятельным и не должен иметь схожую линию, как в соседних странах, особенно революционного толка.

В-третьих, свободное внедрение всех демократических законов и механизмов ограничивается объективными условиями казахстанского общества. Казахское общество все еще представляет собой пример недостаточного уровня политической активности, культуры и самосознания. Социокультурные особенности общества ограничивают возможности государства, элиты, партий по внедрению всех механизмов демократического общества. В числе негативных факторов и особенностей современного казахстанского общества были указаны: взаимоотношения элит, проблемы регионализма, геополитическое давление, этнический состав и даже менталитет населения. Все они имеют значительную конфликтную основу и строго разделяют все общества на противоборствующие стороны. Неконтролируемые политические процессы, вызванные в том числе и демократическими реформами, могут окончательно и фактически разделить все общество. Внедрение демократии, свободы слова, печати, мнения и действий не должны приводить к конфликту между населением, которое сейчас разделено по разным критериям.

В-четвертых, демократический процесс не должен приводить к потере управляемости государственным механизмом. Государственная власть должна исполнять свои функции и нести ответственность за стабильность и безопасность общества. К.Н. Бурханов выступает за обязательный учет потерь и соблюдение баланса между последовательным углублением демократии и ее легитимностью в общественном сознании.

Таким образом, он подтверждает, что транзитный период от тоталитаризма к демократии до середины 2006 г. все еще не пройден. Продолжается процесс поиска наиболее подходящего варианта демократизации, который не принесет государству и обществу потрясений и революционных изменений.

Однако существуют альтернативные мнения об итогах эволюции президентской формы правления в Казахстане. Особенно зарубежные ученые оценивают период с 1995 г. как постоянное и последовательное усиление власти Н.А. Назарбаева. Так, по мнению исследователя Е. Борисовой, Казахстан прошел сложный и неоднозначный путь государственного строительства и политической системы. Называя новую политическую систему как режим власти одного человека, она старается объяснить итоги конституционных изменений с точки зрения объективных факторов и причин.

Во-первых, слабое движение в сторону демократического государства объясняется проблемой нехватки нового типа политической, государственной элиты, которая могла бы выдвинуть демократические лозунги и программы. Правящая и властная элита Казахстана состоит из кадров, прошедших образование и накопивших опыт лишь в тоталитарной системе. У руля власти остались в основном те же люди, что правили до того. Во властной вертикали страны, на высших постах отсутствует элита, получившая демократическое западное образование и опыт работы в новых условиях открытости и свободного общества. Это является наиболее негативным фактором в государственной системе управления, где требуются не только новые кадры, но и новые идеи и ценности.

Во-вторых, в отличие от европейских стран СССР государства Центральной Азии не имели самостоятельного опыта государственности и политического самоуправления. Единственный опыт был накоплен в период тоталитарного государства и абсолютного контроля государства всех общественных, экономических процессов. Поэтому в политической системе произошло восстановление знакомых форм, традиций государственного управления. Демократические формы общественно-политического устройства были слишком новы и слабо укоренились в Казахстане. Например, такие принципы, как разделение властей, парламентаризм, многопартийность, выборность глав местных органов власти, не были восприняты обществом с должным энтузиазмом и активностью. Пример деятельности самих депутатов, которые потеряли свои властные полномочия и права, и граждан, которые негласно согласились с потерей парламентской формы правления, свидетельствует о чрезмерном новшестве демократии для республики.

В-третьих, демократические реформы и идеалы способны стать реальностью в государстве, где существует общественная поддержка и интерес развития демократических законов и условий. Как известно, среди важнейших условий является существование среднего класса, который выступает наиболее политически активным, граждански ответственным классом. Казахское общество периода 90-х гг. не представляло собой значительный класс собственников и мелких предпринимателей. Таким образом, отсутствие среднего класса в качестве опоры гражданского общества явилось важнейшим объективным недостатком невозможности строительства демократического государства. При слабости или отсутствии среднего класса, гражданской активности власть в государстве полностью переходит к властвующей элите. Отсутствие сдерживающего эффекта, общественного контроля действий государственных органов приводит к результату вседозволенности и возможности единоличного решения со стороны государственных чиновников. Возможность неконтролируемой власти может быть использована как во благо и в целях демократических преобразований, так и наоборот. В этих условиях общество, народ как основной источник власти не может выполнять свои функции и роли. Единственными интересами неинституционализованного, неорганизованного общества являются экономические блага, ценности и повышение уровня жизни. Высокие задачи построения демократического государства, многопартийности, выборности, разделения властей становятся объектами работы только самого государства, политической элиты.

В-четвертых, признается, что реализация целей и задач демократизации Казахстана осложняется схождением в процесс принятия важнейших государственных решений и политики, новых акторов и субъектов. В условиях полного контроля и властного влияния Президента начинают активизироваться новые субъекты, которые все более вмешиваются в процессы государственного управления. Недостаточные властные полномочия депутатов, органов гражданского общества, оппозиционных политических партий, лидеров в процессы государственного управления обуславливают параллельное усиление негласных, неформальных институтов. Среди нового феномена для Казахстана становится процесс увеличения властных полномочий особенно близких к Президенту субъектов, групп людей как семьи, родственников. Возможность их влияния на решение и поведение Президента обуславливает их включение в систему государственного управления, политических процессов [2].

Вопрос о наиболее негативных примерах и результатах внедрения президентской формы правления в Казахстане является объектом внимания многих отечественных и зарубежных ученых и исследователей. Проблема коррупции в системе государственной власти является наиболее актуальным и постоянным объектом научного изучения. Выделяются два основных подхода к изучению причин появления и усиления коррупции в государстве. К примеру, Петр Грохмальский утверждает, что проведенная в первые годы независимости в республике приватизация показала наличие и тенденции увеличения коррупции как важного фактора деятельности чиновничества. Согласно его позиции и сравнению примеров приватизации в Польше, коррупция является не патологией, но одной из черт постсоветских преобразований. Коррупция (на начальных стадиях обогащения) работы государственных органов была признана необходимым и полезным элементом государственного строительства, появления новой национальной политической и экономической элиты [3]. Это позволило обрести властным группам и экономической элите экономическую власть. Однако коррупция играла благоприятную роль и несла положительные функции только на начальных стадиях накопления первоначального капитала, собственности, определения новых хозяев, выделения источников налогообложения. Впоследствии коррупция стала обязательным и неотъемлемым элементом деятельности государственных органов, фактором сращивания бизнеса и государства, что стало негативно влиять на процессы демократизации, открытости и свободы как в политике, так и в экономике.

Таким образом, период максимального развития президентской формы правления в Казахстане в наибольшей мере способствовал эволюции института президентства. Важно отметить и такие судьбоносные события, как принятие новой Конституции в 1995 г. и законодательная реформа в последующие годы. Во многом современный уровень законодательного, административного, судебного, исполнительного, символического значения Президента, верховенство его политического, государственного положения над другими ветвями власти имеет началом 1995 г.

Современный этап эволюции президентской формы правления можно охарактеризовать как очередной шаг демократизации политической и государственной системы. Основными факторами, которые позволили выделить данный период как очередной этап эволюции президентской формы правления, являются конституционные изменения 2007 г. Так, 16 мая 2007 г. в Астане произошло особенное событие, которое позволило по-новому взглянуть на функции и ответственность института президентства в государственной системе управления Казахстана. Здесь важно выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на совместном заседании палат Парламента РК «Новый этап демократизации Казахстана — ускоренное развитие свободного демократического общества». Общенациональная программа стала очевидной политической реформой, которая впервые затронула отношения между двумя основными институтами государства — Президентом и Парламентом.

Необходимо сразу подчеркнуть, что конституционные изменения были инициированы самим Президентом и поддержаны такими пропрезидентскими политическими партиями, как «Отан», «Асар» и др. Удивительно, но оппозиционные партии и организации не выявили интерес и активность к участию в обсуждениях вопросов демократизации и перераспределения властных полномочий института

президентства. Под личным руководством Президента была создана Государственная комиссия по разработке и конкретизации программы демократических реформ. Конкретным результатом деятельности Госкомиссии стал ряд принятых мер по развитию демократических процессов в стране в рамках действующей Конституции. В ходе их работы была разработана и утверждена Концепция развития гражданского общества в Казахстане на 2006—2011 гг. Реализация Общенациональной программы политических реформ позволила нам достичь широкого общественного консенсуса по основополагающим ценностям демократизации и политической модернизации Казахстана. Госкомиссия отметила ряд актуальных проблем государственной власти и политической системы:

- эффективность, прозрачность и подотчетность исполнительной власти;
- борьба с коррупцией;
- децентрализация государственного управления и развитие местного самоуправления;
- совершенствование выборного законодательства;
- увеличение властных возможностей и расширение ответственности Парламента;
- утверждение независимости судей через увеличение роли депутатов в назначении и контроле деятельности судей;
- увеличение активности участия политических партий в политической жизни страны, усиление роли НПО в общественной жизни.

Основным результатом и итогом работы Государственной комиссии стал законопроект «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан», который был вынесен на рассмотрение в совместном заседании.

Все решения, инициативы и окончательные итоги данных обсуждений проходили под контролем и непосредственным участием Н.А. Назарбаева. Поэтому невозможно говорить, что пятый этап эволюции президентской формы правления был инициирован снизу. Пятый этап является полностью мнением и умозаключением Президента и его команды. Все содержание и дух текста документа утверждает о том, что именно Президент сам решил ограничить свои полномочия и увеличить ответственность и функциональное значение Парламента и депутатов Мажилиса. Однако в тексте с самого начала звучит мысль о том, что изменения в Конституции не затронут идею о том, что республика является президентской.

Предложения по изменению Конституции страны были сгруппированы по нескольким направлениям.

Во-первых, непосредственное ограничение полномочий Президента. Сокращение полномочий и властных функций Президента с одновременным увеличением роли Парламента в государственной системе управления. Так, было решено сократить с 7 до 5 лет срок правления Президента.

Во-вторых, опосредованное ограничение властных полномочий и верховенства Президента через увеличение возможностей и прав верхней палаты Парламента — Сената. Среди основных задач и механизмов для выполнения указанной цели были:

- повышение численности Сената за счет увеличения президентской квоты с 7 до 15 депутатов. Часть из них будет назначаться после соответствующих консультаций с Ассамблеей народа Казахстана;

- наделение Сената таким новым полномочием, как выполнение функций Парламента по принятию законов в период временного отсутствия Мажилиса, вызванного досрочным прекращением его полномочий;

- согласование с Сенатом кандидатуры на должность Председателя Национального банка.

В-третьих, повышение роли Парламента через расширение прав и функциональных возможностей депутатов Мажилиса. Среди предложений, которые нашли свое воплощение в Конституции, были:

- увеличение до 107-ми численности депутатов Мажилиса. 98 депутатов избираются по пропорциональной системе, а 9 депутатов представляют Ассамблею народа Казахстана, избираемых согласно закону;

- установление ответственности Правительства не только перед Главой государства, но и перед всем Парламентом. Для этого Мажилис может выразить вотум недоверия Правительству. Если ранее для этого требовались голоса двух третей, то теперь достаточно простого большинства голосов депутатов. Данное условие распространяется на каждого отдельного министра, который теперь досрочно может быть снят с должности каждой из палат в отдельности. Более того, для этого не требуется значительного количества голосов в две трети от состава, достаточно простого большинства;

- повышение роли каждой из палат Парламента за счет представительства депутатов при формировании Конституционного Совета, Центральной избирательной комиссии. Так, две трети состава Конституционного Совета, ЦИКа и Счетного комитета будут формироваться Парламентом;

- повышение роли Мажилиса перед исполнительной властью при назначении нового Премьер-министра. Теперь, согласно конституционным изменениям, Премьер-министр должен назначаться Президентом после консультаций с фракциями политических партий и с согласия большинства депутатов Мажилиса.

В-четвертых, впервые в Конституции утверждаются особые права и полномочия политических партий. Среди важнейших механизмов повышения роли партий в государственной системе управления были закреплены:

- по новым правилам и нормам выборного законодательства Мажилис формируется по пропорциональной системе. То есть депутаты избираются только по спискам политических партий. Это утверждает, что для кандидатов существует единственная возможность стать депутатом Мажилиса — быть членом политической партии;

- Премьер-министр должен представлять партию парламентского большинства. Наиболее большая фракция способна будет осуществлять свою экономическую и другую программу через правительство;

- впервые, после роспуска властной Коммунистической партии Казахстана вместе с принципами ее финансирования со стороны государства, утверждается возможность бюджетной поддержки прошедших в Мажилис политических партий.

В-пятых, демократизация государственной системы управления через развитие местного самоуправления:

- назначение новых акимов областей, городов республиканского значения и столицы будет осуществляться с согласия соответствующих маслихатов;

- упрощается процедура выражения маслихатом недоверия акиму. Аким может быть досрочно снят с должности при выражении недоверия ему. Если ранее де-

путаты должны были собрать не менее двух третей голосов маслихата, то теперь достаточно простого большинства голосов.

Новые конституционные изменения затронули вопрос о независимости и самостоятельности судебной системы. Необходимо отметить, что назначение судей ранее было прерогативой Министерства юстиции, глава которого назначался Президентом и действовал в рамках исполнительной власти. Таким образом, вплоть до отмены данного принципа инициативой Президента в 2000 г., институт президентства и исполнительная власть полностью контролировали судебную систему. После данного решения Президента вопрос о назначении и выдвижении кандидатур стал ответственностью и правом Комитета по судебному администрированию при Верховном суде. Можно напомнить, что судьи Верховного суда назначаются решением Президента и Парламента. Однако по итогам работы Государственной комиссии и инициативы Президента с 1 января этого года в стране заработали суды присяжных, отправляющие правосудие по уголовным делам.

Тем не менее данный период развития института президентства характеризуется не только некоторым ослаблением роли и единоличного права решения ключевых в государстве вопросов Президентом, но и усложнением связи с этническим аспектом в политике. Ранняя попытка решения и управления этническими процессами в республике на основе такой общественной организации, как Ассамблея народа Казахстана, ныне стала не только политической, но и государственной. Очевидно, что повышение статуса произошло по личной инициативе Президента. Понятно, что Глава государства налагает свои планы на организацию в обеспечении межэтнического согласия и управления этническими процессами в республике, которые в недавнее время показывали отрицательные примеры и конфликтные ситуации. Укрепление Ассамблеи народа Казахстана за счет ее становления как государственного органа, очевидно, преследует собой новые задачи и функции, которые берет на себя как организация, так и институт президентства. Более того, это становится опосредованным и скрытым фактором осложнения межэтнических проблем в Казахстане. Как ни странно, постоянная эволюция президентской формы правления в сторону повышения ее властных и административных полномочий сопровождается параллельным усилением государственной роли и значения Ассамблеи. Так, в настоящем выступлении Президента Н.А. Назарбаева подчеркивается, что важным условием политической модернизации государства является обеспечение общественной стабильности, межэтнического согласия, дружбы народов. Во многом именно на эту, уже государственную, структуру возлагается функция обеспечения постоянной связи между институтом президентства и крупнейшими этническими группами. Как и прежде, формирование Ассамблеи осуществляется Президентом страны. Становление Ассамблеи как государственного института по вопросам и проблемам этнических групп было отражено в новой конституционной реформе. Теперь представители этнических групп могут осуществлять свою работу как в Мажилисе, так и в Сенате.

Таким образом, прошедший 2007 г. стал очередным этапом развития института президентства. Несмотря на то, что некоторые функции палат Парламента были увеличены и расширены, сложно говорить о появлении в стране нового парламентского режима. Можно подтвердить, что весь ход исторического развития государственности Республики Казахстан показывает, что происходит постоянная и последовательная политика и процесс усиления роли института президентства.

Можно предложить этапизацию, которая была выделена депутатом Мажилиса Парламента Республики Казахстан Рамазаном Сарпековым. Он также подтверждает, что до периода конституционных изменений 2007 г. Казахстан представлял собой республику полностью президентской формы правления. «Все мы являемся свидетелями, как объективно обусловленный ход развития казахстанской государственности, переход к президентской форме правления потребовал существенной корректировки и перераспределения конституционных полномочий между Президентом, Парламентом, Правительством и судом. Таким образом, за годы независимости в стране произошел переход от парламентской к смешанной парламентско-президентской, а затем к президентской форме правления» [4].

Выделяя последние конституционные изменения как последний и современный период государственного и политического развития института, можно обратиться к мнению Е. Ертысбаева. Очевидно, что наиболее известным его мнением по отношению к эволюции президентской власти Н.А. Назарбаева является признание того, что современный Казахстан является не просто президентской республикой, но суперпрезидентской. Понятно, что в теории таких определений и терминов не существует, однако советник Президента негласно признает значительный и где-то чрезмерный характер властных и административных полномочий Н.А. Назарбаева в Казахстане. В своих статьях и выступлениях он часто подтверждает, что правление Президента имеет тенденцию постоянного развития и увеличения. В качестве важного фактора и причины называется переходный период и трансформация политической системы от тоталитаризма к демократии. Очевидно, что трансформация и переходный период имеют огромное значение для Казахстана, но это также дает ответ на конкретный вопрос, когда придет демократия, парламентское правление, разделение властей, выборность акимов, многопартийность, конструктивная оппозиция и т.п. На вопрос о том, когда завершится переходный период трансформации тоталитаризма, Е. Ертысбаев конкретно ответил, что это будет только в 2030 г. «Если принять во внимание, что в апреле 1990 г. мы внедрили институт президентства, избрали Назарбаева Президентом Казахстана, признали его своим лидером, который начал сложнейшие рыночные и политические преобразования, то мы всего лишь 15 лет "идем по своей пустыне". Впереди еще 25 лет. Если конкретно отвечать на ваш вопрос, то скажу так: переходный период завершится в 2030 г.» [5]. Понимая сложность вопроса, негласно подтверждается, что правление Президента Казахстана Н.А. Назарбаева будет продолжаться до конца переходного периода. Более того, необходимо подтвердить, что мнение советника Президента часто является пророческим и наиболее откровенным. В подтверждение своего мнения Е. Ертысбаев приводит пример различных стран, где в целях экономического развития государства, укрепления его независимости или суверенитета, перехода страны от тоталитарной политической системы к демократии вводится авторитаризм. «Ли Куан Ю 35 лет стоял во главе Сингапура. Он пришел к власти в 1965 г., когда среднегодовой доход на душу населения составлял 200 долларов США. А ушел этот выдающийся политик в 2000 г., когда этот доход составлял 20 тысяч долларов в год на душу населения, включая грудных младенцев. И Сингапур вошел в десятку самых развитых стран мира. США и Западная Европа, кстати, ни разу не возмущались тем, что в Сингапуре официально запрещена оппозиция. Напротив, Запад вкладывал громадные инвестиции в эту самую стабильную и надежную с инвестиционной точки зрения страну» [6].

Таким образом, в исследовании вопроса об эволюции президентской формы правления были определены следующие тенденции:

Во-первых, весь ход политической истории Казахстана показывает, что идет постоянная и непрерывная эволюция усиления власти института президентства за счет концентрации большинства функций и ответственности ветвей власти.

Во-вторых, усиление властной вертикали, влияния института президентства, ослабление позиций, самостоятельности Парламента, исполнительной и независимости судебной власти проходят при полной поддержке большинства граждан Казахстана. Общественная поддержка, негласное принятие всех конституционных реформ со стороны народа выступают основным и важнейшим критерием усиления властных полномочий института президентства.

В-третьих, усиление президентской формы правления и концентрации власти в руках Президента происходят при параллельном снижении активности и влияния оппозиции, в качестве альтернативного источника и субъекта власти, политической позиции, выражения общественного мнения. Весь исторический ход развития политической истории показывает постоянный темп ослабления роли и значения оппозиционных партий, лидеров и общественных объединений.

В-четвертых, наиболее известная и авторитетная элита, группировки политической, экономической, культурной элиты группируются вокруг Президента. Элита находит в рядах команды Президента возможности самовыражения, реализации своих проектов и программ. Большая часть элиты поддерживает руководство Президента. Так, среди культурной и научной элиты отсутствует критика политики и решений Президента.

В-пятых, весь исторический период развития Ассамблеи народа Казахстана показывает ее властное и политическое развитие и повышение роли в общественных процессах. Возрастание политической роли Ассамблеи происходит параллельно с усилением властной вертикали института президентства.

В-шестых, исторический период развития президентской формы правления показывает тенденцию сохранения и закрепления в Казахстане позитивных моментов и эффектов. Это также относится и к негативным моментам и последствиям сильной президентской вертикали управления. Позитивные, как и негативные, эффекты и результаты продолжают тенденцию своего усиления и развития. Положительные стороны президентской формы правления, проявившиеся на начальной стадии, продолжают действовать и существовать в настоящее время и так же, как негативные моменты, не имеют тенденции ослабления и не находят возможности своего разрешения, продолжая действовать в современном Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурханов К. Большой «Казахстанский транзит» // Казахстанская правда. — 2007, 6 июля.
2. Борисова Е.А. Институт президентства в Казахстане. Анализ механизма власти / Этнические национализм и государственное строительство / Под ред. Ю.В. Александрова. — М., 2001.
3. Грохмальский П. Политологическое исследование Казахстана. — Торунь, 2006.
4. Сарпеков Р. Конституция и парламентаризм // Байтерек. — 2007. — №6.
5. Пертов И. Советник уже не скучает. Ермухамет Ертисбаев: Переходный период завершен в 2030 г. // Литер. — 2005, 18—19 марта.
6. Там же.

Социальный оптимизм как социологическое открытие и идеология в Казахстане

КОНОВАЛОВ С.А.

В настоящее время в Казахстане наблюдается поступательное внедрение социологических терминов в политическую и идеологическую лексику.

В первую очередь это наблюдается по спичам Главы государства. Президент Н.А. Назарбаев имеет особое имиджевое свойство — чувствовать «общественное мнение на расстоянии». Это означает, что он не только знает о том, какое мнение имеется сейчас, но и каким оно будет наперед.

По данным социологического исследования, проведенного ИССИ «ЦЕССИ-Казахстан» в декабре 2006 г. по выборке 1200 респондентов, среди важнейших деловых качеств Президента были отмечены: работоспособность — 46%, профессионализм — 38%, умение стратегически мыслить — 37%, ответственность — 32%. Стратегическое мышление, или предвидение, таким образом, является важнейшим свойством характера Президента. В 2008 г. уровень доверия к Президенту сохранялся в пределах 77—94% в зависимости от индикаторов.

Стратегия развития Казахстана до 2030 г. является одним из важнейших интеллектуальных продуктов Главы государства, которым он в условиях неблагоприятной внутренней и внешней среды предложил проект оптимистического будущего. Тогда в Стратегию поверило меньшинство, если вообще не верил никто. Однако спустя десять лет в рамках социологического опроса более 70% населения заявило, что Стратегия поистине возымела действие и результаты достаточно ощутимы.

Безусловно, основная масса населения судит об эффективности Стратегии не по букве, не по диагностике выполнения ее конкретных направлений. По социологическим данным, хорошо о Стратегии знает менее половины респондентов, тогда как о ее результатах судят «хорошо» и «плохо» практически все. Следовательно, основная часть населения говорит о результативности Стратегии по общей динамике экономики и по собственному жизненному состоянию.

Исходя из этого, одним из важных ресурсов подкрепления социально-экономического развития, реализации базовой президентской стратегии развития является социально-психологическая сфера — доверие личности Главы государства и проводимому им политико-экономическому курсу.

В 2008 г. пришло полнокровное понимание данного фактора. Конечно, и до этого аспект общественной психологии учитывался в государственном управлен-

ческом процессе, но именно в этом году он стал доминировать в политических спичах на самом высоком государственном уровне.

В февральском Послании народу Казахстана Глава государства напрямую использовал социологический термин «социальное самочувствие» в качестве ключевой, опорной формулы всего обращения к казахстанцам. В документе так и было сказано: «Постоянное улучшение социального самочувствия казахстанцев, всех слоев и социальных групп казахстанского общества, является и будет оставаться на первом плане государственной политики» [1, с. 1].

Затем в течение всего полугодия, вплоть до торжественного празднования 10-летия Астаны, общественное сознание постоянно получало сигналы и ресурсы, способствующие общему подъему духа нации.

Как показали результаты мониторинга на волне воодушевляющих весенних праздников (8 марта, Наурыз, День единства народа Казахстана, успешное проведение эстафеты факела пекинской олимпиады), а также подготовки и проведения мероприятий, связанных с 10-летием Астаны, социальное самочувствие граждан улучшилось. В первую очередь это выразилось в росте доверия населения к государственным институтам. Индексы социальных настроений показали умеренный сдвиг в положительную сторону.

Наиболее высокую положительную динамику продемонстрировал Индекс доверия к власти (ИДВ), который впервые обошел по показателям Индексы социального самочувствия (ИСС) и общественно-политических настроений (ИОПН). Индекс доверия к власти вырос почти на пятую часть со 104,1 в мае 2008 г. до 125,9 баллов в июле 2008 г. Этот показатель выше того уровня, который был достигнут на фоне конституционной реформы и подготовки парламентских выборов 2007 г. Определенная позитивная динамика имела и по другим индексам. Так, Индекс социального самочувствия вырос на 0,6 балла, а Индекс общественно-политических настроений — на 0,5 балла.

На такой позитивной волне подъема социального самочувствия власть приняла важный идеологический ход. Впервые открыто был артикулирован социальный оптимизм в качестве одной из базовых идеологем, наряду с такими из них, как «стабильное развитие», «укрепление государственности» и «единство народа» [2, с. 1].

Президентское выступление в Парламенте 2 сентября 2008 г. [3, с. 1], а затем на расширенном совещании Правительства РК 13 октября 2008 г. [4, с. 1] — это закрепление мобилизационного тренда, по концентрации энергии социального оптимизма для преодоления критических внешних волн.

О важности социально-психологического состояния общества в новых условиях, когда наблюдаются сложные геоэкономические и геополитические процессы. Президент отметил вновь в своем интервью республиканским СМИ 16 октября 2008 г. [5, с. 4].

Таким образом, произошло окончательное преобразование важнейшего социологического открытия, сделанного за последние четыре года в Казахстане, в идеологическую доктрину. Власть сделала это намеренно, собирая в «один кулак» все имеющиеся ресурсы, даже если они такие на первый взгляд неочевидные, как социальный оптимизм.

О том, что социальный оптимизм свойственен природе казахстанского общества, отмечали еще в 2004 г. эксперты Европейского банка реконструкции и

развития, а также Всемирного банка, которые провели масштабное социологическое исследование на территории от стран Центральной Европы и Балтики до Монголии с охватом порядка 29 тысяч человек по 1 тысяче в каждой стране [6, с. 46—47]. При этом отмечалась весомая зависимость социальных настроений в казахстанском обществе от президентского фактора, то есть от доверия Лидеру нации.

Социальный оптимизм — загадочное, до конца не распознанное явление, но оно способно очень чувствительно влиять на то, успешной или наоборот будет нация.

По утверждению экспертов, данное явление «рассматривается одновременно и как составная часть, и как интегральный результат адаптивного поведения...» [7, с. 45—46].

Прямая интерпретация социального оптимизма сегодня наблюдается как в странах ближнего (в особенности в России), так и дальнего зарубежья.

Дело в том, что социальный оптимизм в современном мире используется не только в качестве объяснения динамики общественных настроений, но и как существенный идеологический ресурс экономического роста.

В рамках экспертных дискуссий складывается мнение, что до сих пор фактор культуры в экономике недооценивался. Одновременно социальный оптимизм, будучи элементом национальной культуры, способствует экономическому развитию не хуже, если не лучше, чем факторы государства, структурных и институциональных реформ.

Включение культурного компонента в экономическую теорию началось с религии — известного трактата М. Вебера по протестантской этике, которая считалась наиболее благоприятной для экономики, чем католицизм и другие религии. Действительно, для таких выводов были объективные условия — пассионарный толчок экономического прорыва стран северной Европы, включая Великобританию, Германию, Шотландию, Исландию, Данию, Норвегию, Финляндию.

Однако постепенно эксклюзивные преимущества протестантизма стали преодолеваются конфуцианской философией, ставшей основой возникновения особого психотипа наций, создавших экономическое чудо стран Юго-Восточной Азии — Японии, Сингапура, Китая, Тайваня, Южной Кореи. Важными их психологическими характеристиками стали умеренность населения, трудолюбие, коллективизм, сакрализация власти, склонность к накоплению, то есть все то, что лежит в русле ответственного оптимизма.

На этом фоне весьма характерно появление в западных экспертных кругах концепции «всеобщей культуры прогресса», которая исходит из оптимистического восприятия истории и будущего человечества.

По утверждению автора концепции — профессора школы Флетчера при университете Тафтс (США) Лоуренса Э. Харрисона, работавшего над этим совместно с такими известными экспертами, как П. Мойнихен, С. Хантингтон, Дж. Каган, М. Новак, опираясь на единые ценности в экономическом поведении, успех могут добиваться различные страны вне зависимости от их территориального расположения, климата, базовых национально-культурных или религиозных особенностей [8].

Согласно доводам такой концепции, «культура прогресса» отнюдь не заложена в генах всех обществ, но может быть достигнута в случае включения стимулиру-

ющих факторов политики. Все указывает на то, что именно национальный дух может способствовать экономическому развитию, расцвету, успешной модернизации и конкурентоспособности нации.

В этот контекст хорошо вписывается продвижение идей мусульманских технократов в Малайзии и Индонезии, которые ломают устоявшиеся стереотипы о якобы имеющем место сопротивлении исламской культуры экономическому прогрессу. Идея «золотого динара», рост исламского банкинга, примеры успешной модернизации исламских государств говорят о том, что прогресс вполне достижим и в условиях мусульманских обществ, если будут включены стимулы политики.

В этом плане западные эксперты очень активно приводят пример Испании.

Выступая 2 апреля 2008 г. на телеканале EuroNews, экс-комиссар ЕС по вопросам конкуренции, нынешний ректор Миланского университета Марио Монти, отметил, что Испания сегодня по темпам экономического развития начинает обгонять Италию и западноевропейские государства. В качестве главной причины выдвигается фактор политики и напрямую — фактор социального оптимизма. «В целом там хорошо работает правительство, и к тому же действует менее очевидный, но крайне важный фактор: испанцы сегодня более оптимистичны, они больше верят в себя и в свое будущее по сравнению с жителями некоторых других стран, в особенности Италии» [9].

Эксперт из Лондонской школы экономики и политических наук Марк Дакенфильд пример Испании интерпретировал, что социальный оптимизм обычно является ресурсом догоняющей экономики, то есть Испании еще необходимо предпринять некоторые усилия, чтобы выровнять свою экономику с итальянской.

Но такой конкретный пример, как победа сборной Испании над Германией в европейском первенстве 2008 г. по футболу, являющемся крупным экономическим, инвестиционным и имиджевым проектом современности, указывает на то, что стратегия активности и энергетики, то есть оптимизма, сегодня более эффективна, чем педантичность и упорядоченность.

Если продолжить брать примеры из сферы спорта, то это Китай, который занял первое место по количеству завоеванных медалей на Пекинской олимпиаде. Энергетику спортсменам придавала оптимистическая аура того, что у них в стране прошли долгожданные олимпийские игры, которые по затратности и эффекту стали беспрецедентными за всю историю Олимпийского движения.

Достаточно известны спортивные и иные достижения Российской Федерации, которая предприняла большие шаги по преодолению пессимизма россиян и замещению его на социальный оптимизм в рамках национальных проектов [10, с. 5].

Или возьмем идеологию американской мечты, главной основой которой является стремление к успеху.

Эксперты, в частности И. Задорин — директор ведущей российской социологической службы «ЦИРКОН», отмечают, что в более энергичных и оптимистических обществах быстрее проходят такие транзакционные акции, как торговые сделки, договоры о сотрудничестве, многое происходит через неформальные соглашения. В результате экономика работает интенсивнее, преодолеваются ненужные психологические барьеры и препятствия.

Некоторые российские эксперты излишне поверхностно интерпретировали лидерство Казахстана по уровню социального оптимизма населения. Так, В. Петухов отметил: «Можно было бы предположить, что это субъективная оценка, мало связанная с реальным положением дел... и обусловленная неприязнительностью, скромностью, готовностью довольствоваться малым... с одной стороны, и более высокой планкой общественных притязаний, «равнением» на европейские стандарты качества жизни россиян и украинцев» [11, с. 87].

Здесь очевидна некоторая поверхностность и предвзятость оценок. Это нежелание опровергнуть высказывания российского эксперта из-за того, что он якобы говорит о нас за нас. Попросту есть более глубокие интерпретации, высказанные также российскими экспертами, в частности руководителем проекта «Евразийский монитор», от данных которых черпал информацию В. Петухов. Речь идет о В. Задорине, который интерпретировал устойчивость различий в уровне социального оптимизма между Россией, Украиной, с одной стороны, и Казахстаном — с другой, фундаментальными культурно-цивилизационными факторами. Азиатское сознание более гибко, толерантно и религиозно. Для него проговаривание — это уже факт начала процесса, который после слов материализуется в осязаемые формы. Европейское сознание более критично и рационально. Оно старается все подавать, как есть, без семантических или символических украшений.

Казахстан благоприятно отличается от всех постсоветских стран тем, что здесь социальный оптимизм хорошо укоренился в общественной психологии населения. Обычно это связывают только с экономическим ростом, но, помимо него, здесь сыграл свою роль целый комплекс причин:

- наследие духа обретения независимости;
- осознание того, что в Казахстане удалось построить государственность со всеми атрибутами, избежав участи «несостоявшихся государств», и выйти на широкую магистраль развития, опираясь на первоначально не совсем завидные стартовые возможности;
- магия контрастов прошлого, настоящего и заманчивых перспектив будущего;
- превалирование азиатского типа мышления, акцентирующего внимание не на проблемах, а на позитиве, номадизм как желание быть не хуже, а лучше своего окружения.

Доминанта социального оптимизма среди казахстанцев — это поистине ценное приобретение развития нашей страны. Но как любой ресурс он требует пополнения.

Сложность сегодняшней ситуации в том, что в плане наших достижений мы слишком расточительны. Мы слабо верим в свои силы, скептически оцениваем инициативы, недостаточно продвигаем своих героев, с недоверием, некоторой предвзятостью относимся ко всему своему и одновременно склонны к гипнотизации чужим опытом, слабо поддерживаем свои таланты, что-то все время недоделываем, склоняясь преимущественно к имитационным моделям поведения, то есть «психологии временщиков».

Оптимизм первых лет роста был сродни некоторой социальной наивности, связанной с недостаточным знанием населения природы современного конкурентного мира, который могут сотрясать экономические кризисы и конфликты.

Есть еще менее очевидный, но достаточно чувствительный момент, лежащий в глубинах общественной психологии и составляющий, скорее, ее теневые стороны. Это мотив «ревности к чужим успехам».

Чужие — это результат практики «элитаризации», то есть искусственного размежевания населения по уровню престижа, статуса и привилегий. Население не чувствует своего единства как нации, включенности в единый проект строительства качественно новой, современной, успешной страны.

Ревность возникает в силу больших социальных контрастов, различий в возможностях продвижения групп населения. Сказывается также рост социальных амбиций под воздействием демонстрационного эффекта благополучия высокоразвитых потребительских западных обществ, а также мотивов конкурентоспособности.

На такой основе возникает феномен «социальной эксклюзии», то есть исключенности или недостаточной включенности основной массы населения в общий поток развития. Средний класс пока выглядит как призрачная перспектива. Поэтому возникают такие проблемы, как коррупция и погоня за прибылью в ущерб социальной ответственности бизнеса. Граждане мотивированы к улучшению своего благосостояния, но недостаточно видят, как это сделать законным, ответственным путем. На выходе мы получаем замещение оптимизма где-то апатией и пессимизмом, где-то протестными настроениями.

С учетом всего этого продвижение идеологии социального оптимизма в Казахстане является, как никогда, своевременным. **У Казахстана есть важное стратегическое преимущество, которого нет сегодня ни в одной постсоветской стране. Это сильный Национальный лидер, пользующийся абсолютной поддержкой внутри страны и авторитетом за ее пределами. Это очень сильный политический ресурс, который может с легкостью конвертироваться в общенациональный оптимизм.**

При этом должно быть правильное понимание социального оптимизма. Это не чисто идеологическая и политическая категория. Она очень тесно связана с экономикой, из нее исходит, ее подкрепляет, пронизывает и обволакивает. Чем выше энергетика социального оптимизма, тем сильнее конкурентные свойства нации, ее экономический и общественный тонус, иммунитет к манипуляциям.

Наступательная стратегия власти по укреплению социального оптимизма среди населения преследует вполне прагматические цели. Оптимизм — это идеология, которая сопровождает разворот государственной политики в сторону развития человеческого капитала. Теперь важно понимание, что именно синергетика (то есть совместные и встречные движения государства и гражданского общества) способна творить чудеса. У рядовых казахстанцев появляются реальные шансы укреплять свои социальные позиции через преобразование проблем в новые возможности.

Важно воодушевить нацию, показать, что каждый имеет возможность проявить себя, осуществить свой индивидуальный социальный прорыв, приложив к этому усилия, внимание, труд, энергию, веру в то, что все будет хорошо, несмотря ни на что. Главный залог успеха — это опора в первую очередь на собственные силы, это расширение возможностей через самосовершенствование, образование, работу над собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Повышение благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики // Казахстанская правда. — 2008, 7 февраля. — №26 (25473). — С. 1—2.
2. Приоритеты внутренней политики. О совещании идеологического актива // Казахстанская правда. — 2008, 26 июня. — №140 (25587). — С. 1.
3. Назарбаев Н.А. Выступление на открытии второй сессии Парламента Республики Казахстан // Казахстанская правда. — 2008, 3 сентября. — №192 (25639). — С. 1—2.
4. Активы стабилизации и роста. О выступлении Президента Н.А. Назарбаева // Казахстанская правда. — 2008, 14 октября. — №224 (25671). — С. 1—2.
5. Вместе мы добьемся успеха. Интервью Президента Н.А. Назарбаева республиканским СМИ // Казахстанская правда. — 2008, 17 октября. — №226-227 (25673-25674). — С. 4—5.
6. Жизнь в переходный период. Социологическое исследование опыта и мнения людей // Доклад Европейского банка реконструкции и развития об итогах сравнительного исследования в странах Центральной и Восточной Европы, Балтии, Юго-Восточной Европы, СНГ и Монголии. — 83 с.
7. Ахметова Г.К. Социальное самочувствие как интегральный показатель социальной адаптации // Международный Летний Университет «Менеджмент избирательной кампании: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Алматы, 2004. — 225 с. (С.45—55).
8. Культура и экономическое развитие // <http://www.cato.ru>.
9. Испания опередила Италию по уровню ВВП на душу населения. Интервью ректора Миланского университета Марио Монти телеканалу Euronews от 2 апреля 2008 г. // <http://www.spain.org.ru>.
10. Медведев Д.А. Вступительное слово. Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее: Сб. статей / Сост.: А.И. Иванов, В.О. Казанцев, М.Б. Карпенко, М.М. Мейер. — М.: Европа, 2007. — 116 с.
11. Петухов В. Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан: есть ли точки соприкосновения? // Свободная мысль. — 2006. — №4 (1566). — С. 85—100.

Молодежь как фактор цивилизационного развития Республики Казахстан

ИВАНОВ И.П.

Проблемы государственной молодежной политики оказывают воздействие на цивилизационные процессы внутри государства, в том числе и на самый широкий спектр проблем, которые могут ожидать Республику Казахстан в недалеком будущем. Актуальность проблем цивилизационного развития обусловлена быстро растущей динамикой модернизационных процессов в Республике Казахстан. В период с 2000 по 2008 г. прочно закрепилась тенденция доверия молодому профессиональному поколению первостепенных ролей в бизнесе и ключевых ролей на государственной службе. Цель данной статьи — попытка проследить линию разделения современной молодежи на активную и пассивную и описать отличие этих категорий друг от друга.

Цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины — все они обладают своей особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Деревня в Южной Италии по своей культуре может отличаться от такой же деревни в Северной Италии, но при этом они остаются именно итальянскими селами, их не спутаешь с немецкими. В свою очередь, европейские страны имеют общие культурные черты, которые отличают их от китайского или арабского мира [1, с. 3].

В этой связи политолог Хантингтон отводит цивилизациям первостепенную роль в мировом политическом процессе. При различных условиях развития политического процесса на территории бывшего СССР не может существовать универсальных методов политического анализа, поскольку главное значение для аналитиков, изучающих модернизационные процессы в Центральной Азии, имеет состояние ценностей в политической культуре.

Политическая культура Казахстанского общества впитала в себя этнические ценности тех народов, которые проживают на территории республики. Сегодня уже никто не может поставить под сомнение тот факт, что именно многонациональность казахстанского общества является главным конкурентным преимуществом государства на международной арене.

В связи с этим необходимо выделить наиболее яркие приоритеты современного государственного развития — в первую очередь это, конечно же, образование.

Став участником международного образовательного пространства, государство вышло на новый этап, когда возникает не просто необходимость гармоничного развития высшей школы в национальных рамках, но и адаптация ее к мировым условиям. Сегодня во всем мире возрастает интерес к тем процессам, которые затронули данную сферу. В образовании идет мощный процесс обмена информацией между студенчеством разных стран. Стираются границы, расстояние как таковое теперь не имеет значения. И если на уровне государства этот процесс идет медленно, то на уровне студенчества этот процесс становится все более и более активным [2, с. 56]. Болезненный переход от старой советской модели высшего образования открывает дополнительные перспективы для интеграции в мировое сообщество.

Многие эксперты и официальные лица страны отдают первостепенное значение экономике, не учитывая при этом, что развитие экономического потенциала во многом определяется динамикой подготовки квалифицированных специалистов, обладающих современными навыками. Утверждение, что «чем выше рост — тем лучше», не приемлемо, поскольку не всякий рост ВВП, как ни парадоксально, является благом для общества. Чрезмерно высокие темпы экономического роста в течение нескольких лет могут вызвать «перегрев» экономики, ведущий к финансовому кризису и экономической рецессии [3, с. 317].

В процессе государственного строительства экономика выходит на второй план, поскольку ее задача — это материальное и ресурсное обеспечение при строительстве нового общества. А вот авангардом строительства новой гражданской общности выступает именно образование. Поскольку, помимо характерных обучающих функций, система образования выполняет функции

идеологического воспитания молодежи. С этой целью в Казахстане создается множество молодежных организаций, подхватывающих эстафету комсомола в деле привития патриотизма молодому поколению. Однако правовая безграмотность молодых граждан, а также факты нарушения их прав сказываются на доверии молодежи государству, участии молодежи в политических процессах, а также избирательной активности.

Третье направление — это политика. Во все времена именно молодежь была доминирующей составляющей частью всех революционных процессов. Поэтому современное государство ставит перед собой задачу комплексного воспитания молодого поколения с учетом внутренних и внешних политических факторов. Однако государственная молодежная политика не в состоянии удовлетворить потребности молодежи по двум причинам.

Первая причина — неэффективность закона о государственной молодежной политике. Сам факт его существования свидетельствует о том, что молодежь не воспринимается государством в качестве полноправной социальной группы. Несмотря на пафосные заявления политиков от молодежи, на практике этот закон не работает.

Вторая причина — отсутствие альтернативного поля для независимых молодежных организаций. В первую очередь это, конечно же, финансовая проблема, решая которую «внесистемная» молодежь (находящаяся в меньшинстве) получает временное финансирование от международных фондов или оппозиционных партий. Как результат — «грантовая игла», которая не позволяет отвечать требованиям меняющегося каждый день мира.

Проблем с неинституализированной молодежью, тоже, как известно, немало. Качественное и доступное образование, трудоустройство, обеспечение жильем — вот основная головная боль современных молодых людей. Среди студенческой молодежи существует диспропорция между юридическими и экономическими специальностями, с одной стороны, и техническими — с другой. Долгое время не велось качественной работы по прогнозированию и планированию того, какие специалисты потребуются стране в ближайшее время. Отсутствие систематизированного подхода, единого руководящего центра, а самое главное, веры самих молодых людей приводят к тому, что многие инициативы не выходят за рамки резолюций и меморандумов.

Критерии оценки	Социально-активная молодежь	Социально-пассивная молодежь
Степень участия	Участие в общественных мероприятиях	Пассивное участие в общественных мероприятиях
Степень информированности	Активное использование интернет-пространства	Редкое использование интернет-пространства
Степень заинтересованности	Ставка на карьерный рост в контексте общественных ценностей	Ставка на индивидуальные ценности

Главная ошибка молодежных организаций заключается в непонимании специфики стратификации молодежи. Большинство проправительственных молодежных организаций стратифицируют молодежь по стандартным крите-

риям (например, по возрастному или национальному принципу), не учитывая при этом того, что молодые парни и девушки могут отождествлять себя по индивидуальным критериям (например, принадлежность к тому или иному музыкальному направлению).

А после распада Советского Союза в жизнь молодых людей стали вливаться свободные ценности западной цивилизации. И в результате у молодого поколения начало формироваться кардинально-отличное от советской молодежи мировосприятие. Сюда можно отнести культуру «распития спиртных напитков» и «культуру секса». А стремление быть всегда в центре всего нового и интересного прочно ввело казахстанскую молодежь в интернет-пространство. Интернет — это вообще отдельная тема для изучения, поскольку современный молодой человек при помощи Интернета собирает абсолютно любую информацию, устраивает свою личную жизнь и зарабатывает деньги.

Относительно личной жизни современных молодых людей можно много рассуждать. Очевидно только то, что молодой казахстанец относится к институту семьи совсем не так, как это делали люди старшего поколения во времена комсомольских субботников. Примером может послужить статья в одной из молодежных газет, в которой приводятся бытовые размышления о большом и светлом чувстве: «Нет, не бывает любви. Слишком уж я ценю эту свою независимость. И не могу ее, эту самую свободу, просто так принести кому-то на блюдечке. К чему это — мучиться, страдать — ведь все эти глупости скоро проходят. И что остается? Холодная ненависть. Щемящая тоска. И еще страх встретить этого человека потом и понять, что, оказывается, тебе еще больно, очень больно» [4].

Иными словами, объективно разделить современную молодежь можно только по степени социальной активности. Более активная молодежь делает ставку на участие в различных общественных мероприятиях с целью построения быстрой и успешной карьеры. Пассивная часть молодежи делает ставку на индивидуальный конформизм — это, как правило, брак и постоянное место работы.

И самое время задаться вопросом: «Какую роль эта молодежь играет в цивилизованном развитии страны?». В целом позитивную, так как более прогрессивная часть молодежи использует по максимуму все доступные контакты и образовательные возможности. Это значит, что будущее у страны будет прогрессивным. Ведь именно в них формируются активные гражданские ценности, основывающиеся на независимом анализе и еще более независимой позиции. Это, в свою очередь, должно оказать позитивное воздействие на процесс гражданского строительства в стране. Привитые с детства мультикультурные ценности должны выступить залогом межнациональной и межконфессиональной стабильности в будущем.

Более пассивная часть молодежи обладает конформистскими ценностями, которые преобладают в их политической культуре. Именно поэтому ею в будущем сформирован социальный страт приспособиться под более активный.

Определяющими факторами в сотрудничестве между активным и пассивным стратами в будущем станут те условия, которые заложат во внутренней политике ныне действующие парламентарии и государственные служащие:

■ Законодательная база, позволяющая перестраивать политическую систему Казахстана под конкретную политическую ситуацию.

■ Мобильные политические партии и неправительственные организации.

■ Структура безопасности, позволяющая противостоять любым вызовам и угрозам XXI в.

И наиболее важным условием для качественного развития будет являться способность обеспечить пропорциональный доступ к политической системе для всех граждан Республики Казахстан. При этом речь может идти не только о различных этносах, но и о гендере.

Не переживает ли наше женское движение вместе с глобальным феминизмом кризис идентичности? Это физическое старение его субъектов — утрата энтузиазма, энергии, смысла, рутинизации повседневности, стимуляции деятельности [5, с. 73].

Резюмируя все вышеизложенное, хотелось бы отметить то, что от современной молодежи зависит преемственность государственной политики. Их будущая первостепенная задача — эту преемственность передать другим поколениям. Главная ошибка современного государства заключается в том, что оно предпринимает попытки централизовать молодежные организации, что приводит к расколу молодежи на пассивную и активную. При этом следует заметить, что истинные молодежные лидеры выбирают альтернативное государству политическое поле, уходя в оппозицию. А те лидеры, которые делают выбор в пользу централизованной молодежной политики, впадают в зависимость от данного центра, что ставит их лидерство под большой знак вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Столкновение Цивилизаций. — М., 1997. — 230 с.
2. Абдуалы А.Б. Интеграционные процессы в образовании // Интеграция Казахстана в мировую систему образования: перспективы развития, проблемы и пути их преодоления // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти академика У.А. Джолдасбекова. — Талдыкорган, 2008. — 273 с.
3. Есентугелов А. Экономика независимого Казахстана: история рыночных реформ // Под ред. К.К. Еженовой. — Алматы: ЦИМЭК, 2007. — 356 с.
4. Айтмагамбетова А. Глаза цвета виски // За дело. — 2007, 12 июня. — №6.
5. Шакирова С. Женское движение Центральной Азии: «еще не» или «уже в прошлом»? // Современное женское движение: идеологии, практики и перспективы. Мат-лы междунар. конф. 18–20 сентября 2006 г. — Бишкек, 2007. — 259 с.

Интеллектуальный и человеческий капитал нации в условиях качественного изменения экономической системы

БАШМАКОВ А.А.

Казахстан отличается от стран со сходной структурой экономики и институциональным содержанием общественной среды существенно более высоким уровнем образования и мотивационными установками населения. Несмотря на то, что по основным экономическим показателям и структуре экономики, а также по продолжительности жизни нашу страну можно отнести к развивающимся странам, образовательные и культурно-идеологические характеристики населения Казахстана значительно ближе к аналогичным показателям развитых индустриальных государств.

В большом количестве публикаций разрабатывается концепция переориентации казахстанской экономики в сторону преимущественного развития наукоемких отраслей. Исходным пунктом этой аргументации является утверждение наличия в экономике Казахстана двух областей относительных конкурентных преимуществ:

- первая представлена ресурсодобывающим сектором, или, иначе говоря, отраслями с крайне низкой долей добавленной стоимости в общей стоимости продукции. Она базируется на огромных запасах минеральных ресурсов (нефти, газа, каменного угля, урана, железной руды, меди и т.д.);

- вторая сфера сравнительных преимуществ охватывала отрасли с очень высокой долей добавленной стоимости, развитие которых в большей степени зависит не от общего состояния технологии промышленности, а от качества задействованного интеллектуального и человеческого капитала. Эта сфера базируется на высоком качестве трудовых ресурсов.

Первая сфера привлекает внимание зарубежных инвесторов с самого начала экономических преобразований в Казахстане. Потенциал второй сферы остается пока недостаточно используемым. Именно этим обстоятельством вызвана острая потребность в разработке практических рекомендаций, научно обоснованных теоретических методик в развитии отечественного интеллектуального и человеческого капитала.

В Казахстане еще не сформировалась окончательная схема комплексного подхода к этой проблеме с позиций учета всей системы прямых и обратных

связей между экономическим ростом и факторами активизации человеческого капитала. Не совсем приемлемы методические подходы к оценке экономической эффективности инвестиций в человеческий капитал [1].

По-особому прозвучала роль человеческого капитала и значимость инвестиций в этот феномен в Послании народу Казахстана Президента страны Н. Назарбаева. По мнению Главы государства, это самый эффективный и перспективный инструмент формирования «умной экономики», а уже на ее основе — строительства информационного общества с соответствующей общественной средой.

Исходя из этого, целесообразно рассмотреть и методологически обосновать понятие «человеческий капитал» в сочетании с понятием «интеллектуальный капитал». По нашему мнению, именно в таком контексте, в таком концептуальном единстве следует рассматривать эти два неделимых, но в то же время имеющих отличительные признаки понятия. В отечественной и зарубежной практике существует уже немало исследований по этой проблематике. Если по вопросу концепции «человеческого капитала» есть уже достаточно серьезные работы, то в изучении понятия «интеллектуальный капитал» наблюдается определенный дефицит исследований. Рассмотрим вначале отличительные особенности и генезис становления концепции «человеческий капитал».

Сторонники теории человеческого капитала рассматривают настоящую категорию в узком и широком смысле этого слова. В узком смысле человеческий капитал имеет несколько форм своего проявления, одной из которых является образование. «Человеческим капиталом образование называют потому, что эта форма становится частью человека, а капиталом является вследствие того, что представляет собой источник будущих удовлетворений или будущих заработков либо того и другого вместе» [2].

На уязвимость понятия «человеческий капитал» обращал внимание и Т. Шульц: «Сама мысль о капиталовложениях в человеческие существа кажется недопустимой для некоторых из нас. Наши ценности и вера не позволяют нам смотреть на людей как на капитальные товары, за исключением рабства, а оно ужасает нас... Таким образом, рассматривать людей как богатство, которое может быть увеличено путем инвестиций, — значит, вступать в противоречие с глубоко укоренившимися ценностями. Представляется, что это снова низводит человека до простого материального компонента, человек превращается в нечто, напоминающее собственность» [3].

Эти и некоторые другие аспекты теории человеческого капитала по-прежнему подвергаются критике со стороны специалистов в области экономики и педагогики. Все дело в превалировании технократического подхода к характеристике элементов человеческого капитала и недооценке его социально-экономического содержания.

Недостаточная глубина раскрытия сущностных качеств человеческого капитала заложена в принадлежности этой концепции к неоклассическому направлению современной экономической науки. А для нее характерны позитивизм, сводящий задачи науки к описанию явлений, как они обнаруживаются на поверхности, внеисторизм и асоциальность.

Человеческий капитал как экономическая категория может быть раскрыт в полной мере при соблюдении ряда необходимых условий. Среди них на первое место следовало бы поставить научную методологию анализа этого сложного

явления. Лишь при таком подходе удастся преодолеть поверхностную характеристику понятия «человеческий капитал» и подняться до осознания того, что в нем нашли зеркальное отражение глубинные изменения в производственных отношениях, которые произошли в XX-м столетии в развитых странах мира.

Сегодня рельефно выделяются два методологических подхода к проблеме, обусловленных двумя ведущими направлениями экономической теории: неоклассическим и марксистским. Причем важно не поддаваться соблазну скоропалительного и в известной мере конъюнктурного отказа от марксизма. Именно такой подход ориентирует исследователя на выявление глубинных экономических сущностей, маскируемых их внешними проявлениями [4].

Руководствуясь принципом органического сочетания исторического и логического подходов в процессе экономического исследования, надо учитывать процесс зарождения не только человеческого капитала, но и капитала вообще. В категории человеческого капитала необходимо видеть то, что присуще капиталу в целом, а также специфические свойства, характерные именно для человеческого капитала.

Капитал представляет собой фундаментальную категорию рыночной экономики, базирующейся на использовании наемного труда. Для термина «капитал» характерна многозначность. Под капиталом подразумевается определенный запас материальных благ, денег, вещественный фактор производства, человеческие знания и способности. Классики политической экономии обычно рассматривали эту категорию как средство производства. Для физиократов капиталом были земля, для А. Смита и Д. Рикардо — все средства производства (накопленный и овеществленный труд). Такую классическую трактовку разделяют ряд известных экономистов XX в. По мнению П. Самуэльсона и У. Нордхауса, «капитал состоит из благ длительного пользования, созданных экономикой для производства других товаров» [5].

Аналогично трактуется понятие «капитал» рядом нынешних российских экономистов. В Современном экономическом словаре капитал определяется так: «...в широком смысле — это все, что способно приносить доход, или ресурсы, созданные людьми для производства товаров и услуг. В более узком смысле — это вложенный в дело источник дохода в виде средств производства (физический капитал)». По К. Марксу, капитал — это не просто сумма материальных производственных средств производства. Последние сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото и серебро сами по себе — деньгами.

Формирование теории человеческого капитала в том виде, в каком мы ее рассматриваем в настоящее время, осуществилось в конце 1950-х — начале 1960-х гг. XX в., а ее «первооткрывателем» стал американский ученый Т. Шульц. В 1960 г. увидела свет его работа «Формирование капитала образования», а в 1961 г. — «Инвестиции в человеческий капитал». Основное свое развитие теория получила в работах другого американского ученого Г. Беккера, прославившегося в истории экономической науки широким внедрением концепции «экономического империализма». Она подразумевала распространение методологии экономики (рациональное поведение индивида, максимизирующей свой доход) на другие социальные науки. Из работ Беккера в интересующем нас направлении следует отметить «Инвестиции в человеческий капитал» (1962) и «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ»

(1964). Каждый из исследователей получил Нобелевскую премию: Т. Шульц — в 1979 г., а Г. Беккер — в 1992 г.

Если говорить о теоретической основе концепции человеческого капитала, то следует сделать вывод, что она разрабатывалась в рамках неоклассического направления анализа предложения труда. Нам подобная классификация представляется вполне обоснованной, хотя следует отметить, что не все ученые соглашались с подобным выводом.

Одно из типичных определений выглядит следующим образом: «Человеческий капитал... состоит из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного времени в целях производства товаров и услуг» [6]. Однако в данном случае не учитываются многие важные аспекты, которые необходимо выделить:

- речь здесь идет о накопленном запасе знаний, навыков, способностей;
- указанные знания и т.п. используются человеком целесообразно и способствуют росту производительности его труда;
- применяя к предыдущему пункту неоклассическую теорию труда, мы приходим к выводу, что результатом указанного использования становится рост заработков работника;
- следуя и в дальнейшем целерациональному поведению, человек увеличивает доходы и получает стимул осуществлять (увеличивать) инвестиции в человеческий капитал.

Серьезные расхождения существуют в теории человеческого капитала с марксистским подходом. Они выразились еще в критике К. Марксом положения ряда экономистов (в том числе и У. Петти) о том, что рабочая сила представляет собой капитал. Немецкий ученый выделил два основных контраргумента:

1. Человек должен работать, чтобы получать проценты на подобный «капитал» (при этом постулировалось, что стоимость обычного капитала возрастает без участия труда его собственника).
2. У рабочей силы отсутствует капитальная стоимость (затраты на приобретение образования представляют собой возрастающую, а не самовозрастающую стоимость).

Позднейшая аргументация опиралась также на то, что концепция человеческого капитала отрицала изменение отношений относительно самого капитала на разных стадиях общественного производства. Иначе говоря, исчезала историческая детерминанта и социальная составляющая рассматриваемых отношений. Среди отечественных исследователей, по мнению автора, особого внимания заслуживают работы А. Майдыровой с ее авторской концепцией «человеческого капитала». Исследователь предлагает свой взгляд на историю становления «человеческого капитала», которое проходило по трем направлениям:

«Первое — политико-экономическое, так как оно развивалось в политико-экономических трактатах, в которых обосновывалась необходимость введения в экономический анализ категории «человеческий капитал».

Второе направление — финансово-экономическое. Оно объединяет исследователей, которые не просто включали человека и его приобретенные способности в категорию «капитал», но и считали необходимым дать экономическую оценку стоимости человеческого капитала и использовать свои расчеты в практических

целях, главным образом, для улучшения системы налогообложения и страхования жизни.

Третье направление — конкретно-экономическое, в рамках которого были предприняты первые попытки самостоятельного анализа отдельных видов человеческого капитала и измерения уровня их экономической эффективности.

Человеческий капитал, по ее мнению, это имеющийся у человека запас знаний, навыков, мотиваций. Инвестициями в него могут быть образование, накопление профессионального опыта, охраны здоровья, географическая мобильность, поиск информации» [7].

Вполне очевидным становится то обстоятельство, что основные положения теории человеческого капитала стали одним из главных факторов экономической теории в Казахстане. В условиях переходной экономики знакомство с концепцией человеческого капитала, помимо расширения теоретических горизонтов, имеет важное значение, в частности, для проведения государственной политики в области образования, медицины, культуры и в других сферах.

В итоге концепция человеческого капитала превратилась в одну из самых перспективных в экономической науке в XIX в. Уже во второй половине XX-го столетия она стала зримым достижением западной экономической теории и, прежде всего, экономики образования и труда. Несомненная заслуга теоретиков человеческого капитала — признание, пусть и запоздалое, первостепенной роли человека в общественном производстве. Широкое распространение данной теории на Западе и появление большого числа ее сторонников в нашей стране определяются тем, что в центре внимания концепции оказался главный фактор социально-экономического развития — человеческий в его качественно преобразованном виде. А это связано с усилением роли науки и образования, которое становится основным ресурсом и источником формирования высокоразвитой рабочей силы.

К настоящему времени в республике проведена масштабная работа по развитию инновационных процессов, в частности, сформирована соответствующая нормативно-правовая база для реализации инновационной политики государства. Среди основных документов можно отметить:

- Закон Республики Казахстан «О науке» от 9 июля 2001 г.;
- Закон Республики Казахстан «Об инновационной деятельности»;
- Стратегия индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003—2015 гг., утвержденная Указом Президента от 17 мая 2003 г. №1096 [8].

Экономический подход к человеку и его рациональному поведению, осуществляемый в рамках концепции человеческого капитала, широко используется в практике рыночного хозяйствования развитых стран. Многие зарубежные и казахстанские ученые рассматривают инвестиции в сферу образования как важный вид капиталовложений и один из главных источников умножения национального богатства. По мнению А. Кошанова, Е. Аймагамбетова и А. Мухамеджановой, человеческий потенциал Казахстана, его высокообразованная рабочая сила выступают более ценными производительными ресурсами, чем устаревший и сильно изношенный основной капитал. Поэтому авторы с позиций концепции человеческого капитала обосновывают важные меры по сохранению, увеличению и рыночной переориентации интеллектуального потенциала нашей страны для последующего экономического роста.

Сегодня главным фактором устойчивого развития общества становятся величины и качество человеческого капитала (знания, здоровье, мобильность, информация). Поэтому увеличение вложений государства и бизнеса в человека — стратегическая линия на повышение эффективности экономики. Это признание того, что реальное накопление происходит там, где обеспечивается увеличение удельного веса человеческого капитала в структуре общественного богатства. В этом заключается главное содержание явления, именуемого «человеческим капиталом».

В рамках осуществляемых мер по формированию научной сферы, оптимизации сети научно-исследовательских институтов решением правительства в 2004 г. созданы пять научных центров по направлениям науки в форме РГП на праве хозяйственного ведения — Центр химико-технологических исследований, Центр геолого-географических исследований, Центр астрофизических исследований, Центр физико-математических исследований и Центр биологических исследований. Созданы два центра прикладных исследований по проблемам биотехнологии и научно-технической информации. Основная деятельность центров направлена на сохранение информации и дальнейшее развитие потенциала ведущих научных организаций, осуществление междисциплинарного взаимодействия, интеграцию наук с производством и образованием.

В стране имеются восемь научно-исследовательских институтов, не имеющих аналогов в мире. Они работают в области языкознания, литературы, истории, востоковедения, археологии и экономики [9].

Теперь рассмотрим понятие «интеллектуальный капитал», его место в экономической модернизации общества, структуру и взаимодействие элементов интеллектуального капитала.

Смысл произошедших изменений состоит в том, что многие страны больше не ориентируются на увеличение размеров только лишь материально-вещественных элементов богатства. Уровень их развития все больше определяют темпы и пропорции накопления нематериальных элементов богатства. Произошла смена типа воспроизводства, форм накопления и представлений о критериях эффективности развития экономики, что не могло не привести к пересмотру фундаментальных признаков, отражающих характер экономических тенденций.

Условием экономического роста в значительной мере становятся интеллектуализация производства и мобильность работников. Целью экономического роста выступает абсолютное и относительное повышение в национальном богатстве доли развития, ранее относимых к так называемым «внеэкономическим». Критерием эффективности развития является увеличение доходов государства, предпринимателей и домашних хозяйств на накопление человеческого капитала.

Несмотря на отсутствие единого мнения об определении элементов интеллектуального капитала, большинство исследователей и практиков сходятся во мнении, что интеллектуальный капитал представляет собой систему слагаемых (К.-Э. Свейби, Л. Эдвинссон, М. Мэлоун, Э. Брукинг), совокупность взаимосвязанных элементов. Очевидно, что составляющие интеллектуального капитала неоднородны вследствие неоднородности самого знания. Несмотря на то, что все они порождены человеческим интеллектом, одни из них существуют в виде знаний, не отделяемых от обладающих ими людей, а другие образуют своего рода условия применения этих знаний для повышения производительности труда,

конкурентоспособности фирмы и экономического роста. Учитывая тот факт, что знание неоднородно, элементы интеллектуального капитала необходимо классифицировать. В поиске ответа на этот вопрос обратимся к присутствующим в литературе таксономиям интеллектуального капитала. Отметим, что преобладающими являются микроэкономические концепции интеллектуального капитала.

Концепции человеческого и интеллектуального капитала тесно связаны. Человеческий капитал — один из компонентов общего понятия интеллектуального капитала. Интеллектуальный капитал как более широкая из двух концепций включает в себя совокупные знания, которыми обладает организация в лице своих сотрудников, а также в виде методологий, патентов, архитектур и взаимосвязей. Она объединяет человеческий и структурный капитал, учитывает возможность будущих доходов фирмы с точки зрения вклада человека, его способности постоянно создавать и порождать еще большую стоимость. Человеческий капитал — подмножество этой концепции.

Отождествление интеллектуального капитала с человеческим, встречающееся в экономической литературе, на наш взгляд, неправомерно, поскольку формы интеллектуального капитала выходят за рамки знаний, лишь принадлежащих работникам как элемент их рабочей силы. В то же время человеческий капитал также не полностью входит в состав интеллектуального капитала, интегрирующего знания. Согласно мнению И.В. Ильинского, по своему строению человеческий капитал объединяет капитал образования, капитал здоровья и капитал культуры. До некоторой степени созвучным названной классификации является деление человеческого капитала на три компонента: витальный (жизненный), социальный и духовный капитал. Витальный капитал — это врожденная составляющая, то «богатство», которое человек получает изначально. Социальный капитал человек получает в течение жизни, в частности, за счет социальных расходов государства (образование, здравоохранение, социальные выплаты и т.п.). Духовный капитал приобретает человеком через внутреннюю жизнь путем самосовершенствования [10].

Второй компонент интеллектуального капитала включает патенты, лицензии, торговые марки, организационные структуры, базы данных, руководства, компьютерные программы, списки потребителей, электронные сети и прочие объективные факторы, обеспечивающие производительный труд работников [11]. Структурным капиталом являются, по мнению авторов, знания, «овеществленные» в политических и процедурных руководствах, соглашениях с потребителями. Они обладают определенной степенью объективизации, отчуждаемы и воспроизводимы. Структурный капитал, по образному выражению Л. Эдвинссона, — это та часть фирмы, которая остается, когда служащие уходят домой. Этот капитал обеспечивает среду, которая поощряет человеческий капитал создавать, а затем конвертировать в капитал (капитализировать) знание. «Предприятия выступают как хранилища “производственной памяти”, которая концентрируется и в человеческих ресурсах, для которых эта память имеет форму знаний, навыков, правил поведения и т.п., и в материальных, где находит выражение в конструкциях, технологиях» [12].

Иными словами, структурный капитал — это опыт и мастерство коллектива, фирмы в целом, воплощенные в производственных процессах и системах в организации, стратегии и тактике деятельности. По мнению Б.М. Генкина, структурный капитал — это система организации знаний, включающая стро-

туру управления, информационную систему, процедуры накопления, обработки и использования знаний [13].

Поддерживая общепринятый подход, полагаем, что первым и главным слагаемым интеллектуального капитала является *человеческий капитал* — совокупность знаний, навыков, умений, творческих способностей. Эта группа знаний, которыми располагают работники, может быть продемонстрирована, но ее трудно выделить. Передача таких знаний может осуществляться путем демонстрации или обучения на рабочем месте. Такие знания трудно защитить. Однажды, передав их, создатель, или собственник, не сможет контролировать использование этих знаний.

Человеческие ресурсы (человеческий фактор) — наиболее активная и динамичная компонента интеллектуальных возможностей производства — являются основой всех слагаемых интеллектуального капитала. Человеческий капитал представляет собой интеллектуальную (производительную) силу, которая создает и реализует инновации производственного организационного характера. В современных условиях неизмеримо возрастает роль высокообразованной человеческой личности, способной не только воспринимать ранее накопленное научное знание, но и обобщать, анализировать, создавать новые знания в виде передовых технологий, услуг, продуктов.

Преимущество наукоемкой фирмы заключается в превращении, трансформации активов человеческого капитала, знаний, инноваций, произведенных человеком, в технологический и вещественный капитал, которым фирма может владеть, использовать и распоряжаться. Таким образом, человеческий капитал занимает центральное место в структуре капитала, являясь его активным, ведущим элементом.

Интеллектуальные ресурсы, становясь объектами интеллектуальной собственности, требуют правовой охраны. Согласно законодательству, можно использовать патентное право, авторское право, засекречивание. Каждый вид охраны позволяет осуществить разные стратегии бизнеса, основанного на получении исключительных прав.

Предложенная классификация интеллектуального капитала, подобно всякой классификации, носит условный и открытый характер. Представляется достаточно сложным провести четкую грань между технологическим и социальным, культурным и структурным. Так же, как предлагаемый нами вариант составных частей интеллектуального капитала не является исчерпывающим и носит дискуссионный характер, он может быть оспорен и изменен как с точки зрения внесения дополнительных составляющих, так и за счет сегментирования или дробления уже предложенных. К примеру, среди зарубежных ученых существуют принципиально иная точка зрения на понимание капитала вообще и интеллектуального и человеческого в частности.

Пьер Бурдьё, известный французский автор, объединяет оба понятия (интеллектуальный и человеческий капитал) в одно целое, дав ему обобщенный термин — «культурный капитал». В работе «Форма капитала» он писал: «Капитал, в зависимости от области, в которой он функционирует, и ценой более и менее серьезных трансформаций, являющихся предпосылкой его эффективного действия в данной области, может выступать в трех основных обликах:

■ экономического капитала, который непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности;

■ культурного капитала, который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций;

■ социального капитала, образованного социальными обязательствами, который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован, например, в форме аристократического титула» [14].

Как видим, при различной оценке «капитала» и разных институциональных составляющих конечный вывод один: интеллектуальный, человеческий капитал (и назовем его по Бурдье, «культурный капитал») конвертируется или трансформируется в экономический.

Неизмеримая социальная и политическая ценность теории интеллектуального и концепции человеческого капитала определяется тем, что в Казахстане удалось быстрее преодолеть заблуждения в том, что затраты на науку, культуру и образование являются потребительскими расходами, признать их воспроизводительную и созидательную природу. Ведь инвестиции в человека — самые эффективные, обеспечивающие значительный и долговременный экономический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майдырова А.Б. Человеческий капитал в условиях информационной экономики и его влияние на формирование целостной системы экономических отношений в Казахстане. — Алматы, 2005. — С. 11.
2. Кузьминов Я.И., Набиуллина Э.Г. и др. Отчуждение труда: история и современность. — М., 1989.
3. Марцинкевич В.И. США: человеческий фактор и эффективность экономики. — М., 1991. — С. 18.
4. Нуреев В.М. Предпосылки новой экономической парадигмы: онтология и гносеология // Вопросы экономики. — 1993. — №4.
5. Самуэльсон П., Нодхаус У. О человеческом в человеке. — М., 1991. — С. 64.
6. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. — М., 1993. — Вып. 3. — С. 53.
7. Майдырова А.Б. Человеческий капитал в условиях информационной экономики и его влияние на формирование целостной системы экономических отношений в Казахстане. — Алматы, 2005. — С. 11.
8. Гусева Л.Ю. Стратегия экономических реформ Республики Казахстан / Под ред. Б.К. Султанова. — Алматы, 2005. — С. 65.
9. Еспаев С.С., Сыргыбаева А.Т., Калиев Н.К. Развитие науки в Казахстане / Под ред. А.А. Башмакова. — Астана, 2006. — С. 38.
10. Ахопян А.С., Бушуйев В.В., Голубев В.С. Эргодинамическая модель человека и человеческого капитала // Общественные науки и современность. — 2002. — №6. — С. 99, 98—106.
11. Эдвидсон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Инноченца. — М., 1999. — С. 429—447.
12. Клейнер Б. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. — 1996. — №4. — С. 83.
13. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. — М., 2001. — С. 130.
14. Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая идеология. — С. 60.

Проблема учета нематериальных активов в инновационной деятельности Казахстана

ТУРГИНБАЕВА А.Н.

В современном обществе с информационно-интеллектуальными приоритетами стоимость бизнеса определяется уже не столько ценностью материальных активов, сколько ценностью активов нематериальных. Согласно данным британского Института защиты торговых знаков, за последнее двадцатилетие в Великобритании и США отношение балансовой стоимости компаний к их рыночной стоимости уменьшилось в пять раз. В частности, лишь 30% рыночной стоимости английской компании отражается в балансе, все остальное приходится на нематериальные активы: ноу-хау, патенты, деловую репутацию, авторские права, брэнд. К примеру, в British Petroleum соотношение материальных и нематериальных активов оценивается как 29:71, в Coca-Cola — 4:96 [1].

Поэтому можно утверждать, что сегодня нематериальные активы играют не менее важную роль в формировании совокупного капитала компании, нежели материальные активы. Следовательно, традиционные методы управления бизнесом, нацеленные на максимизацию эффективности и ценности материальных активов, уступают место методам, основанным на максимизации ценности нематериальных активов бизнеса.

На основе опыта оценки большого количества различных компаний, отдельные авторы пришли к выводу, что структуру совокупного капитала компании можно представить в виде: финансового (материального) капитала, квазиматериального капитала и нематериального капитала компании [2] (рис. 1).

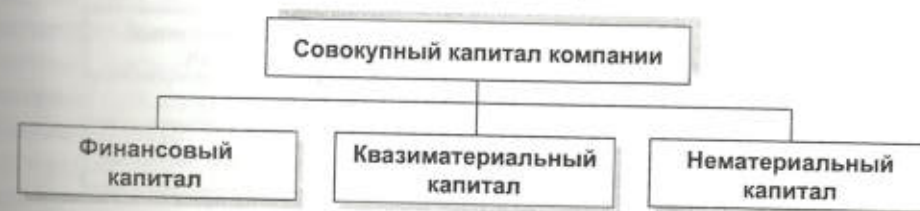

Рис. 1. Структура совокупного капитала компании

Материальный капитал компании представляет собой чистые материальные активы (без соответствующих обязательств) на «классическом» балансе бизнеса. Рыночная стоимость этих активов на данный момент времени оценивается либо по текущей равновесной цене этих активов на открытом ликвидном рынке, либо

по модели оценки дисконтированных денежных потоков (ДДП), создаваемых соответствующим активом в течение всего жизненного цикла этого актива.

Квазиматериальный капитал компании — это те чистые нематериальные активы, оценка которых осуществляется с помощью специализированных моделей ДДП. К квазиматериальному капиталу могут относиться продукты, бренды, группы клиентов и других «заинтересованных лиц» бизнеса — поставщиков, партнеров, государственных структур, СМИ и т.д.

К нематериальному капиталу компании относятся такие чистые нематериальные активы, как человеческий/интеллектуальный капитал, культурно-эмоциональный капитал, технологический капитал, а также информационный капитал — совокупность структурированных корпоративных знаний. Оценка этих нематериальных активов осуществляется с помощью специальных моделей оценки стоимости соответствующего нематериального капитала (в частности, основанных на потенциале нематериального капитала по приумножению материального и нематериального капитала).

Другие специалисты считают, что современные представления о неосязаемых факторах производства новой стоимости воплощаются в понятии «интеллектуальный капитал» [3]. При этом понятие интеллектуального капитала используется в узком и широком смысле. В узком смысле под интеллектуальным капиталом понимаются активы компании, которые представляют собой совокупность знаний ее персонала и результат воплощения этих знаний в других неосязаемых активах: внутрифирменных структурах, клиентском капитале и др. [4] (рис. 2).

Рис. 2. Структура интеллектуального капитала в модели «Skandia Value Scheme»

В приведенной схеме человеческий капитал рассматривается как компетенции и способности персонала компании. Эта часть интеллектуального капитала пока дает компании вместе с работниками после окончания рабочего дня. Структурный капитал — это то, что остается в компании после окончания рабочего дня и ухода

работников. Он делится на клиентский и организационный капитал. Клиентский капитал представляет собой ценность, заключенную в отношениях с клиентами. Организационный капитал делится на инновационный и процессный капитал. Инновационный капитал состоит в основном из законных прав (патентов, лицензионных соглашений), а также из того, чему трудно дать точное определение, но что в большой степени определяет стоимость компании (идеи, торговые марки). Процессный капитал — это инфраструктура компании (информационные технологии, рабочие процессы и т.д.).

В широком смысле интеллектуальный капитал — это совокупность всех неосязаемых активов компании, в том числе тех, которые не являются результатом мыслительной деятельности. Например, природные факторы, способствующие высокому качеству добываемой руды, или внезапно возникшая мода на производимый продукт и т.п. Результатом в итоге является такой актив, как предпочтения клиентов с соответствующей покупательской способностью.

Приняв во внимание эти аргументы, будем считать, что неосязаемые активы создаются не только интеллектуальными (мыслительными) усилиями, поэтому не все могут называться интеллектуальным капиталом. Кроме того, существуют неосязаемые активы типа улучшений арендованного имущества, организационных расходов, расходов будущих периодов и пр., которые имеют место в жизнедеятельности компаний и отнести которые к какому-либо другому виду имущества (например, материальному, финансовому или денежному) невозможно.

Однако согласимся с мнением И.И. Просвириной о том, что расширение понятия интеллектуального капитала до уровня всей совокупности неосязаемых активов неоправданно [5]. Это связано с тем, что, во-первых, само понятие интеллектуального капитала становится ненужным, если есть более привычный термин, во-вторых, размывается такая важная характеристика интеллектуального капитала, как его управляемость известными в менеджменте методами. Среди неосязаемых активов есть такие, которые слабо или вообще не являются управляемыми (в первую очередь, это те, которые являются результатом действия внешних факторов).

Понятие неосязаемых активов также используется в узком и широком смысле. В узком смысле неосязаемые активы — это совокупность активов организации, удовлетворяющая критериям признания активов в бухгалтерском учете. В состав этих активов включается интеллектуальная собственность (патенты, зарегистрированные товарные знаки и др.), деловая репутация приобретенных компаний, расходы на обучение, исследование и разработки при соблюдении критериев признания. Признание этих активов регулируется международными и национальными стандартами финансовой отчетности. Эти активы имеют определенную денежную оценку. В отечественной практике неосязаемые активы часто называются нематериальными активами. В широком смысле неосязаемые активы — это совокупность всех неосязаемых активов, включая те, которые не удовлетворяют требованиям стандартов учета: рабочая сила, внутрифирменная структура, списки клиентов и др.

Понятие гудвилла используется как в узком, так и широком смысле. В узком смысле под гудвиллом понимают бухгалтерский актив, удовлетворяющий критериям стандартов финансовой отчетности. Признается лишь приобретенный гудвилл; внутренне созданный гудвилл запрещено отражать в балансе. Величина

гудвилл определяется как разница между стоимостью приобретения компании и балансовой стоимостью ее материальных, нематериальных и денежных активов, а также обязательств. В русском переводе Международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) эта разница названа деловой репутацией. В широком смысле гудвилл — это совокупность всех неосозаемых активов компании.

Таким образом, понятие «гудвилл» должно осмысливаться так, как оно трактуется и признается стандартами бухгалтерского учета, то есть превышение цены покупки фирмы над стоимостью отраженных в ее балансе чистых активов. Другими словами, это ничто иное, как репутация, деловая репутация, бренд компании (рис. 3).

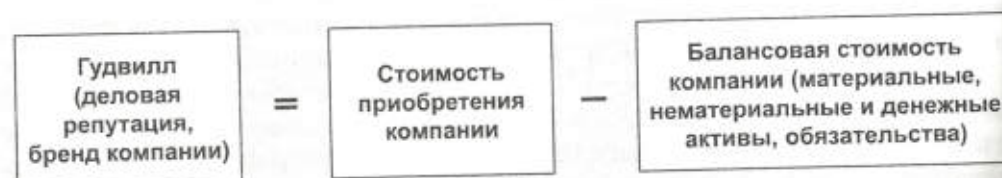

Рис. 3. Гудвилл компании

Говоря о роли бренда в повышении стоимости компании, можно привести массу примеров из мировой и даже отечественной практики. Так, в 1988 г. Nestle приобрела Rowntree за 5 млн фунтов стерлингов, когда материальные активы последней оценивались всего в миллион. В середине 1980-х гг. отделение Schweppes компании Cadbury заплатило 220 млн долларов за фирмы Hires и Crush. При этом стоимость купленных производственных мощностей составляла лишь 9% от суммы сделки, остальные деньги уплачены за нематериальные активы, бренды. Можно привести примеры сделок, когда компания платила только за бренд. Один из крупнейших сделок по покупке брендов — приобретение у Seagram Company семи алкогольных брендов за 371,2 млн долларов компанией American Brands Inc. Компания Grand Met за 1,2 млрд долларов приобрела у компании Heublein право на использование бренда Smirnoff на территории США. В прошлом году итальянский концерн Aprilia купил бренд Moto Guzzi за 68 млн долларов [6].

Однако следует заметить, что и в Казахстане имеется определенная практика в этой области. В частности, завершилась первая волна исследования стоимости отечественных брендов, в результате которой у компаний-участников появился дополнительный инструментарий для анализа и управления бизнесом на новом уровне [7]. В листинге 2006 г. участвовали компании из девяти отраслей Казахстана. Суммарная стоимость 11 брендов составила 0,5 млрд долларов. Самым дорогим брендом стал «Альянс Банк» — 240 млн долларов. Самый эффективный бренд (соотношение стоимости к объему продаж) — «Интеллект» (компания, оказывающая образовательные услуги).

По отраслям было представлено: 3 бренда — строительство, 3 бренда — FMCG-рынок (макароны, мука и минеральная вода), 2 бренда — сетевые компании Dent-Lux и «Астана Моторс», 1 бренд — сектор транспорта («Транссистема») и 1 бренд — образовательные услуги («Интеллект») (табл. 1).

Табл. 1. Увеличение стоимости нематериальных активов казахстанских компаний за счет бренда в 2006 г.

Компания	Отрасль	Стоимость бренда, млн долларов	Уровень бренда	Рейтинг
Альянс Банк	Банковская сфера	240,4	N/A	1
Корпорация «Куат»	Строительная сфера	80,6	0,23	2
TS Engineering	Строительная сфера	59,3	1,45	3
«Имсталькон»	Стальные конструкции	58,6	0,27	4
КМК «Астана Моторс»	Торговля	23	0,2	5
Транссистема	Логистика	13,4	0,84	6
«АСЕМ-АЙ»	Пищевая промышленность	10,8	0,94	7
«Корона»	Пищевая промышленность	9,1	0,35	8
Dent Lux	Сервис	5,0	1,17	9
Мука «Цесна»	Пищевая промышленность	4,9	0,25	10
«ИНТЕЛЛЕКТ»	Сервис	0,9	1,64	11

Источник: Ибраев А. Листинг Казахстанских брендов 2006. Настоящее и будущее // <http://www.v-ratio.ru>.

В целом 8 участников измеряли бренды компаний и лишь 3 — бренды продуктов. Подавляющее большинство участников работают на потребительских рынках, большая часть — на потребительских и корпоративных рынках. Пожалуй, только компании «Транссистема» и «Имсталькон» в основном сконцентрированы на корпоративных клиентах.

Таким образом, увеличение доли нематериальных активов в совокупном капитале казахстанских предприятий является хорошим признаком их развития в условиях модернизации экономики и ориентации ее на внешние рынки, определенных в недавнем Указе Президента РК Н.А. Назарбаева [8].

Характеризуя деятельность предприятий Казахстана в сфере максимизации нематериальных активов, можно отметить в последние годы тенденцию роста инновационности отечественной экономики. По оценкам Агентства РК по статистике, на 01.01.2007 г. осуществляли разработку и освоение инноваций 4,8% отечественных предприятий. В сравнении с предыдущим годом рост показателя составил 141% [9]. В сравнении с другими странами рост незначителен: в России доля инновационно-активных предприятий составляет 10%, в странах Восточной Европы — до 40% (Румыния — 28%, Словения — 32%, Польша — 38%), в странах ОЭСР — около 50% [10].

Согласно данным Национального института интеллектуальной собственности Комитета по правам интеллектуальной собственности Министерства юстиции РК, динамика выдачи охранных документов по объектам промышленной собственности Казахстана также свидетельствует о «вялом» процессе роста (табл. 2).

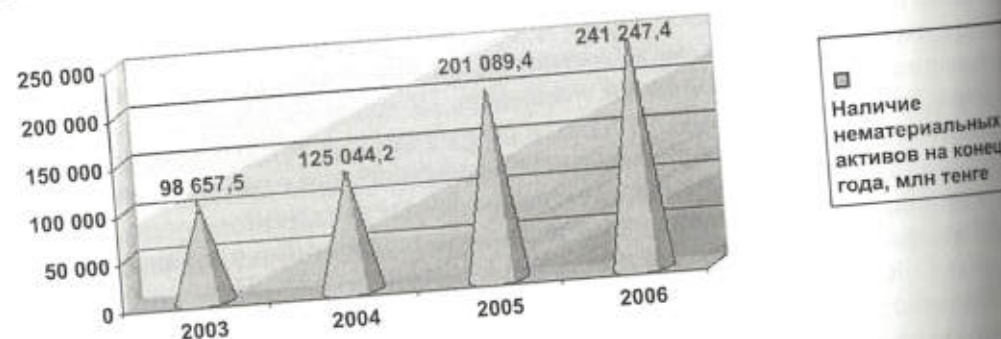
Табл. 2. Выданные охранные документы по объектам промышленной собственности в 2003—2006 гг.

	Годы			
	2003	2004	2005	2006
Охранные документы на изобретения	1521	1542	1672	1671
Патенты на полезные модели	42	38	45	59
Охранные документы на промышленные образцы	73	126	91	109
Свидетельства на товарные знаки и знаки обслуживания	1575	1164	2226	2215
Патенты на селекционные достижения	—	3	—	43

Источники: Наука и инновационная деятельность Казахстана в 2006 г. Статистический сборник / Под ред. Э.А. Кунаева. — Алматы: Агентство РК по статистике, 2007. — С. 43.

Из представленной таблицы видно, что практически ни один показатель не имеет стабильного роста: в один из годов динамики непременно присутствует снижение показателя. Так, снижение числа охранных документов на изобретения в 2006 г. составило 1 единицу, на промышленные образцы в 2005 г. — 35 единиц, патенты на полезные модели в 2004 г. — 4 единицы, свидетельства на товарные знаки в 2004 г. — 411 единиц и в 2006 г. — 11 единиц [11], [12].

При такой нестабильности показателей трудно прогнозировать стремительный рост нематериальных активов казахстанских предприятий. Действительно, согласно данным Агентства РК по статистике, в 2006 г. наличие нематериальных активов казахстанских предприятий составило 241 247,4 млн тенге, что в сравнении с предыдущим годом больше на 19,9%. В 2005 г. рост данного показателя достиг своего пика (на 60,8%), в 2004 г. превышение составило 26,7% [12]. При этом компьютерное обеспечение (24,3% в 2006 г.) и лицензионные соглашения (10,5%) имеют наибольший удельный вес. Аналогичное соотношение наблюдается и в предыдущие годы: 2005 г. — 20,7:11,2 соответственно, 2004 г. — 22,9:14,1, 2003 г. — 20,3:17,3 (рис. 4).

Примечание: составлено автором по данным источника [12].

Рис. 4. Инвестиции в нематериальные активы предприятий РК в 2003—2006 гг.

Таким образом, западные специалисты давно занимаются вопросом стоимости нематериальных активов компании. Причинами оценки нематериальных активов могут быть либо совершение сделки купли-продажи компании, либо внесение, к примеру, цены бренда в финансовую и бухгалтерскую отчетность. Поэтому специалисты отмечают низкую заинтересованность отечественных компаний в такой услуге. Частично это связано с отсутствием соответствующих правовых норм. Если в западной бухгалтерской практике четко определены случаи, когда нематериальные активы следует включать в баланс, то в нашем бухгалтерском учете эти случаи практически не регламентированы. Более того, по нашим нормативам, постановка актива на баланс происходит по цене его приобретения, то есть, например, в Казахстане цена бренда Coca-Cola в балансе была бы не 72,5 млрд долларов, как ее оценивает главный международный оценщик Interbrand, а всего столько, сколько было потрачено в 1886 г. на регистрацию этого торгового знака.

К сожалению, в большинстве случаев даже при покупке предприятия в Казахстане оценка стоимости нематериальных активов до сих пор не проводится. Наше правительство, как утверждают специалисты, только сейчас осознало, что предприятия, к примеру авиакосмического комплекса, были приватизированы по цене, не учитывающей нематериальные активы. Поэтому сейчас активно обсуждается идея учета нематериальных активов этих предприятий с целью повышения государственной доли. Кроме того, большинство экспертов уверены, что многие известные отечественные компании могли бы уже сегодня получать колоссальные доходы, если бы отнеслись к стоимости нематериального актива серьезно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигунок И.А. Неучтенные миллиарды // Эксперт. — 2006. — №4 // <http://www.v-atio.ru>.
2. Черемных О.С. Модель оценки совокупного капитала компании: основа системы управления бизнесом в XXI в. // <http://www.akdi.ru>.
3. Просвирина И.И. Интеллектуальный капитал: новый взгляд на нематериальные активы // Финансовый менеджмент. — 2004. — №4 // <http://www.dis.ru>.
4. Edvinsson, L. The Intellectual Capital Partner Community // <http://www.intellectualcapital.se>.
5. Просвирина И.И. Указ. соч.
6. Жигунок И.А. Указ. соч.
7. Ибраев А. Листинг Казахстанских брендов 2006. Настоящее и будущее // <http://www.v-ratio.ru>.
8. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. Новый Казахстан в новом мире. Астана, 28 февраля 2007 г. // <http://www.stat.kz>.
9. Об инновационной деятельности предприятий в Республике Казахстан за 2006 г. — Алматы: Агентство РК по статистике, 2007. — С. 17.
10. Тычинский А.В. Управление инновационной деятельностью компаний: современные подходы, алгоритмы, опыт. — Таганрог, 2006. — С. 15.
11. Об инновационной деятельности предприятий в Республике Казахстан за 2006 г. ...
12. Наука и инновационная деятельность Казахстана в 2006 г. Статистический сборник / Под ред. Э.А. Кунаева. — Алматы: Агентство РК по статистике, 2007. — С. 31.

Опыт критического переосмысления некоторых положений концепции «гражданское общество»

МАМИРАИМОВ Т.К.

История человечества пронизана борьбой различных идеологических систем, каждая из которых предлагает свой вариант общественного устройства и жизнедеятельности. Прошедший XX в. в этом плане можно считать наиболее показательным. Его большая часть прошла под знаком борьбы, противостояния двух идеологических систем — коммунизма и либерализма. После того как в ходе «холодной войны» фактически победил Запад, в мировой политической системе стала доминировать либеральная идеология. Ценности, символы и принципы либерального демократического режима были возведены в разряд наиболее адекватных идей для успешного общественного обустройства и выдающихся интеллектуальных достижений человечества. Более того, некоторые ученые, например Ф. Фукуяма, заявили в связи с этим о конце истории ввиду победы либерализма, предлагающего, на их взгляд, модель идеального устройства для общества, государства [1]. После того как потеряла авторитет и легитимность коммунистическая идеология, на территории бывшего Советского Союза образовался идеологический вакуум, который тут же, не без помощи Запада, стал заполняться идеями либерализма.

Одной из базовых, системообразующих идей либеральной идеологии, получившей широкую популярность на территории большинства стран СНГ, стала концепция «гражданского общества». Данный термин стал одним из самых модных как в строго научном, так и бытовом лексиконе бывших советских граждан. Как в свое время в СССР по любому поводу ссылались на авторитет Маркса, Энгельса и Ленина, так и сейчас понятие «гражданское общество» используется практически во всех аргументационных схемах в качестве истины в последней инстанции. Между тем строгий научный анализ показывает, что данное понятие в большинстве своем отражает мифические отношения, объекты и свойства, не существующие в объективной реальности.

Собственно, любая идеологическая система, если воспользоваться терминологией М. Вебера, может быть охарактеризована как «идеальный тип» общественных взаимоотношений, роли и места в них человека. Как показывают научные исследования, каждая идеология включает в себя в качестве составного элемента социальную утопию «и характеризуется тенденцией к мистификации реальности» [2]. В этом смысле идеология либерализма выступает системой идей, в которой

несколько искаженно отражается социальная действительность, что, соответственно, не могло не коснуться и теории гражданского общества.

В настоящее время к базовым признакам гражданского общества в большинстве своем относят следующие условия.

Во-первых, гражданское общество рассматривается как независимая от государственной власти сфера, которую характеризует «определенный тип организации или самоорганизации, существующий благодаря существованию формальных и неформальных институтов, процедур и отношений».

Во-вторых, большинство специалистов к числу институтов и элементов гражданского общества относят «гарантируемые конституцией гражданские права и свободы, включая свободу предпринимательской деятельности»; «так называемая публичная сфера, то есть социальное пространство, в котором граждане могут влиять на государство и где формируется... общественное мнение»; «сети добровольных объединений, обществ, организаций, выполняющих различные социальные функции, например образовательные» [3].

Теперь давайте выясним, соответствуют ли данные определения гражданского общества реальной действительности?

Сравнительный анализ показывает, что определение гражданского общества как независимой от государства сферы не выдерживает объективной критики. Так, не так давно университет имени Джона Хопкинса провел исследование некоммерческого сектора США. Выяснилось, что американские НПО, позиционирующиеся как самые независимые от государственной власти организации в мире, на самом деле таковыми не являются. После проведенного исследования стало ясно, что третий сектор Соединенных Штатов практически полностью контролируется государством и, «несмотря на огромное количество фондов и корпоративных специализированных программ, правительственный бюджет все еще остается главным источником финансирования некоммерческих организаций и вдвое превышает объем частных пожертвований» [4].

Главной причиной этого положения вещей, судя по всему, стал тот факт, что НПО стали использоваться некоторыми мировыми державами в качестве вспомогательного инструмента достижения своих геополитических целей. В настоящее время преимущественно на Западе такую деятельность неправительственных организаций рассматривают как проявление народной дипломатии, то есть неофициального канала международных отношений. На такую позицию западные неправительственные организации вышли в конце 1980-х гг. прошлого века, когда стали существенным фактором развала социалистического лагеря Европы. Именно массированное распространение идеи гражданского общества, в том числе и посредством НПО, по мнению ряда ученых, сделало возможным появление «антикоммунистических революций» в Восточной и Центральной Европе [5]. Данное обстоятельство признает один из «духовных» отцов — основателей деятельности международных неправительственных организаций в Восточной Европе Дж. Сорос: «Я начал с робких попыток проковырять небольшие трещины в монолитной структуре коммунистической системы, исходя из убеждения, что... конкурирующая система мышления может уничтожить монопольное положение существующих убеждений и способствовать их критическому пересмотру. Это будет означать конец традиционного типа мышления и начало критического типа» [6].

Вышесказанное служит одним из подтверждений того, что гражданское общество до некоторого времени не было существующей реальностью и стало таковым в большей мере с помощью государственной власти западных стран. Известный британский исследователь Т. Нейрн показал, что идея гражданского общества была просто пищей для «академических дебатов» до тех пор, пока ее не стали использовать в идеологическом противостоянии «времен «холодной войны» (1950—1989)» [7].

Таким образом, институты гражданского общества впервые стали появляться под патронажем государственной власти, в первую очередь США, и выступали составным элементом идеологической борьбы капитализма против коммунизма. В настоящее время организации третьего сектора продолжают играть важную роль в геополитических планах Запада. К примеру, согласно принятому в 2005 г. в США Закону о распространении демократии и демократических ценностей в недемократических странах, международным НПО отводится одна из ключевых ролей в реализации доктрины «ненасильственных демократических революций».

На укрепление сотрудничества с НПО в целях поддержки демократии в недемократических странах направлена также разработанная в 2006 г. Госдепартаментом США программа «Десять руководящих принципов в отношении НПО». Достаточно наглядными свидетельствами использования НПО для вмешательства во внутренние дела других стран со стороны Запада являются события в Сербии, Грузии, Украине, Кыргызстане.

Учитывая, что Казахстан выступает для мировых геополитических игроков зоной жизненно важных интересов, существует высокая вероятность применения ими здесь в качестве орудия реализации своей внешней политики также и международных НПО. По крайней мере, большинство действующих в нашей стране международных неправительственных организаций при содействии ряда официальных государственных структур западных стран (USAID, посольства и т.п.), международных организаций (ООН, Всемирный банк) финансируют деятельность казахстанских НПО, СМИ в общественно-политической сфере, что содержит в себе потенциальную угрозу. С другой стороны, организации третьего сектора Казахстана осуществляют свою деятельность также во многом благодаря помощи государства (государственный социальный заказ и т.д.). Эти обстоятельства опять-таки отражают высокий уровень зависимости институтов гражданского общества от заинтересованных в их деятельности сторон.

Вместе с тем современный уклад экономической жизни Запада все-таки создает некоторые условия для появления относительно независимых элементов гражданского общества. Д. Белл в свое время показал, что одной из базовых характеристик постиндустриального общества является преобладание сферы услуг в структуре экономики [8]. В этом аспекте один из базовых элементов гражданского общества НПО заняли значительное место в развитых странах Запада в сфере социальных услуг. В этой связи заметим, что во Франции, например, сеть неправительственных организаций определяется как «сектор социальной экономики» [9].

В развитых странах (США, Великобритания, Италия, Франция, Германия, Япония) почти половина бюджета НПО (47%) формируется за счет их гонораров за предоставленные услуги социального характера. При этом около 43% бюджетных средств третьего сектора этих государств составляют также в большинстве своем социально ориентированные заказы государства, других общественных

организаций. В результате в этих шести странах в начале 1990-х гг. в организациях НПО работало 12 млн человек, что составляло «1 к 8 занятых в сфере предоставления услуг» [9].

Вышеприведенные данные позволяют утверждать о том, что третий сектор, по сути, является производным явлением трансформации природы социально-экономических взаимоотношений на Западе. Не случайно, например, российский исследователь третьего сектора А.И. Сухарев пришел к выводу: «Сектор НПО — это масштабный индустриальный комплекс, предоставляющий услуги в сфере нематериальных активов и поставляющий на социально-политический «рынок» самостоятельный гуманитарный продукт» [9]. В этом плане относительная независимость гражданского общества от государственной власти является производным явлением либерального капитализма.

Главные постулаты идеологии либерализма во многом производны от признания благотворной роли экономических отношений, рассмотрения частной собственности в качестве фундаментальной основы общества. Один из основоположников либерализма А. Смит полагал, что эгоистическое стремление человека к собственной выгоде в конечном итоге посредством так называемой «невидимой руки» рыночной экономики, без контроля со стороны государства, ведет к выгоде и пользе для всего общества [10]. Так, эгоистический принцип наживы стал трактоваться как индивидуализм. Тем самым одним из базовых положений либеральной идеологии стало положение теории А. Смита, согласно которому «экономическая жизнь общества протекает по своим собственным законам, неподвластным государству, вследствие чего оно не только не должно, но и при всем своем желании не может управлять экономикой и другими сферами общественного бытия, не дезорганизуя их» [11]. Такого рода воззрения и привели либералов к выводу о том, что большинство общественных проблем разрешимо лишь в рамках гражданского общества, которое, по их мнению, характеризуется свободным сотрудничеством «заинтересованных лиц, объединенных в добровольные ассоциации» [11].

Ряд исследователей, в частности А. Зиновьев, указали на то, что институты гражданского общества, по большому счету, защищают не общественные, а материальные, узкогрупповые интересы. В этом аспекте гражданское общество является совокупностью удачливых бюргеров, успешных, самодовольных людей. В данном случае проявляется давно укоренившаяся в западном обществе традиция создания «гарантированных должностей и доходов для представителей тех видов деятельности, которые не являются непосредственными производителями материальных ценностей и услуг, и к усилению частного предпринимательства как самого эффективного средства принуждения людей к трудовой деятельности и повышения ее производительности... и к превращению демократии в средство манипулирования массами и в камуфляж для тоталитарного аспекта» [12].

В свете вышесказанного необходимо также отметить, что многие базовые элементы идеи «гражданского общества», в сущности, можно отнести к социал-дарвинизму. В частности, основой, фундаментом данного общества считается средний класс. Настоящее положение можно рассматривать как логическое продолжение кастового деления общества, что сводит к нулю весь ценностный базис концепции гражданского общества.

Таким образом, в определении третьего сектора как сферы, выступающей посредником между государством и обществом и защищающей интересы пос-

ледного, есть много надуманного и не соответствующего действительному положению вещей.

Доминирование на политической арене мира западного либерального капитализма привело к всемирному распространению ценностей его культуры, цивилизации, что по-иному называется глобализацией, или вестернизацией. В итоге в настоящее время принципы рыночной экономики либерального капитализма наполняют собою общественные структуры практически во всех уголках земного шара. Современные социальные взаимоотношения людей стали выстраиваться подобно рыночным операциям, когда консенсус интересов людей достигается лишь на взаимовыгодной материальной основе. Значительную роль в данном процессе, на наш взгляд, как раз и сыграло распространение идеи «гражданского общества», которая, как мы это показали выше, является порождением западной культуры, цивилизации. Казахстан в этом плане также не стал исключением.

Массированное распространение ценностей западной культуры, либерального капитализма пагубно сказалось на духовно-моральных устоях казахстанцев. В результате в нашем обществе такие принципы, как нажива, обогащение, рыночный эгоизм, были возведены в ранг высших ценностей, что привело к утилитаристско-эгоизму восприятию человека. Между тем если в качестве главного признака «гражданского общества» рассматривать способность его членов ставить общественные интересы выше своих личных, то тогда казахский традиционный коллективизм оказывается более моральным и гражданственным, чем индивидуальный, утилитарный коллективизм Запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2004. — 588 с.
2. Быданов В.Е. Сциентистский утопизм в России и историзм позитивистской эсхатологической идеологии // <http://www.ideahistory.org.ru>. — С. 29.
3. Паеленко Ю.Г. Гражданское общество: теория, модели, перспективы // <http://linecon.ru>. — С. 14.
4. Литвин В. Гражданское общество: мифы и реальность // <http://www.ukraine.ru>.
5. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. — 2002. — №10. — С. 5—6.
6. Сорос Д. Советская система: к открытому обществу / Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1991. — С. 8, 58—59.
7. Нейн Т. От гражданского общества к гражданскому национализму: эволюция мифа // Логос. — 2007. — №1 (58). — С. 14—15.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 1999. — С. LXXXV.
9. Сухарев А.И. Сектор НПО — проблемы субъектности, критериев и классификации (западная методологическая модель) // <http://www.rusintercenter.ru>.
10. Аскильдсен Я.Э. Адам Смит и «невидимая рука» рыночного механизма // Теория и методы в социальных науках / Под ред. С. Ларсена. — М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — С. 147—163.
11. Кортунов С. Метаморфозы либеральной идеи // <http://www.vorona.hse.ru>. — С. 5.
12. Зиновьев А. Запад. Феномен западизма // <http://www.bookread.ru>. — Из предисловия.

Суфийские тарикаты в Центральной Азии: особенности и деструктивный характер деятельности

НЕСИПБАЙ Р.Т., ИЗБАИРОВ А.К.

Суфизм (от *арабск.* *sufi*, облаченный во власяницу) — мистико-аскетическое учение в исламе. Принято различать западный (арабский) суфизм — учение, признающее в Боге мировой разум и творца природы, и восточный (персидско-индийский) суфизм, в котором имеет место отождествление Бога с природой и почитание природы как воплощение божества. Арабский суфизм близок к мистическому деизму. Ему свойственно стремление примирить Коран с мистикой. Восточный суфизм, распространенный в Центральной Азии, представляет оригинальную пантеистическую теософию (мировоззрение ибн Араби, получившее оригинальную трактовку и развитие в деятельности Ходжа Ахмада Иассаи и Мухаммада Парса).

Суфийское течение представлено в Центральной Азии тарикатами Йасавийа и Накшбандийа. Эти тарикаты придерживаются двух диаметрально противоположных мировоззренческих концепций — вахдат аль-вуджуд («все есть Бог») у Йасавийа и вахдат аш-шухуд («все от Бога») у Накшбандийа. Эволюция в Накшбандийском ордено происходила по линии «Хваджаган — Накшбандийа — Муджадидийа — Хусаиния».

Основные различия между этими двумя направлениями суфизма прослеживаются в следующем:

1. Ритуальная практика — использование разных видов зикра (богопоминания) — тихого, громкого, индивидуального, коллективного и др.

Две ключевые фигуры ордена Накшбандийа — ал-Гидждувани и Накшбанд, взгляды которых отчетливо соотносятся с традицией *увайси*, ввели тихий вид зикра. Так, ал-Гидждувани, благодаря общению с Хизром, становится основоположником практики тихого богопоминания (*зикр-и хафи*). Позже эту практику возрождает Накшбанд уже в результате якобы общения с духом ал-Гидждувани, делая ее отличительным признаком своей общины.

В Йасавии, напротив, доминировал громкий коллективный вид зикра. Российский исламовед А.А. Хисматулин отмечает, что в действительности громкий зикр в традиции машаих-и турк представляет собой практику громкого радения (сама). Особенности громкого зикра описываются в сочинении «Ламахат мин нафахат ал-кудс» («Отблески дуновений святости»), написанном в 1625—1626 гг. Автор сочинения — Мухаммад ал-Алим ас-Сиддики ал-Алави (известен так же, как

*Алим-шейх *Азизан) был последователем особой ветви тариката Накшбандийа, носившей название Джахрийа-йи Султанийа, основателем которой считается Ходжа Ахмад Иассави. В данном труде приводятся сведения о том, как Ходжа Иассави решил наставлять свой народ на путь истинный только посредством зикра «джахр» и ввел в использование новый вид зикра — «зикр-и арра», особый вид зикра, напоминающий звук пилы.

Существенные расхождения между этими суфийскими традициями возникали также по вопросам применения в практике мусульман музыки и танца, созерцательного затворничества, сорокадневного уединения (халват арабиин чилла) и отшельничества.

2. Основы мировоззрения.

Различия мировоззренческих позиций сравниваемых тарикатов обуславливались во многом обстоятельствами их бытования. Одной из отличительных особенностей Накшбандийа было то, что этот тарикат получил распространение среди оседлого персо- и тюркоязычного населения Средней Азии, где мусульманское духовенство пользовалось большим влиянием. Орден Йасавийа бытовал большей частью среди кочевых народов Средней Азии, у которых прослойка улемов практически отсутствовала. Кроме того, Накшбандийа был более ортодоксален по сравнению с Йасавийа, а именно, основой идеологии этих двух тарикатов были две диаметрально противоположные мировоззренческие теории — вахдат аль-вуджуд у Йасавийа и вахдат аш-шухуд у Накшбандийа.

3. Принципы духовного наследования.

В Йасавийа основой традиции наследственной преемственности был принцип генетического родства — от отца к сыну. Истоком его послужили, очевидно, местные патриархальные традиции, несколько трансформировавшиеся с приходом ислама. Социальная дифференциация по новому религиозному принципу привела к образованию различных привилегированных сословий «белой кости» (*ок-суяк*) — *сайидов* (потомков из рода Мухаммада), *амиров*, *тура*, *ишанов*, *махсумов*. Выражением данной тенденции в суфизме стало появление так называемых наследственных шайхов (*шайх-и мираси*). В Накшбандийа данный принцип наследования не признавался.

4. Цепь духовной преемственности (силсила).

Согласно тюркским источникам, в частности *Ламахат мин нафахат ал-куде*, Ахмад ал-Иассави, наряду с силсилью Хваджаган от Йусуфа ал-Хамадани, возводил другую независимую силсилью к старцу Арслан-бабу — прародителю тюркских шайхов и халифу 'Али, с одной стороны, а с другой — к шайху Шихаб ад-дину 'Умару ас-Сухраварди. В ордена Накшбандийа силсилью возводили, с одной стороны, к халифу Абу Бакру, с другой — к халифу 'Али, называя ее аз-захаб силсила (золотая цепь).

Таким образом, между суфийскими направлениями в Центральной Азии, как мы видим, существовало очень много внутренних противоречий, приводивших в истории к столкновениям и кровопролитию.

Несмотря на огромную роль суфизма в истории и культуре народов Центральной Азии, на современном этапе мы нередко сталкиваемся с деструктивными феноменами в деятельности суфийских тарикатов, что дает нам основание определять данные явления как псевдосуфизм.

Независимый Казахстан, начиная с 1998 г., является, как ни парадоксально, центром обновленного суфизма, в котором ярко выражены псевдосуфийские

элементы. Очагами этих процессов стали южные районы Казахстана, в которых действуют группа последователей пира Исмагуллы и Накшбандийская группа «Хазрат Ибрахим». Первая из них относится к тарикату Йасавийа, вторая же продолжает линию «Накшбандийа — Хусайнийа». Соответственно, приведенные выше различия свойственны также и этим тарикатам.

Деструктивное влияние псевдосуфизма проявляется двояко. Во-первых, на личностном уровне. На начальном этапе религиозной практики неофита — в зикре, сухбате, рабите — активно используется метод гипноза. Это неизбежно ведет к зомбированию человека, потере личностного, индивидуального мировосприятия и миропонимания. Налицо опасность разрушения личностного начала, самости человека. Во-вторых, на групповом уровне. Религиозная проповедь, подкрепляющаяся зикром и воздействующая на подсознание людей, имеет своей целью создание подконтрольной четкой структуры с внутренней иерархией, проявляющейся, прежде всего, в отношениях мюрид — мюршид (учитель — ученик). Кроме того, использование различных мистических приемов является, как мы знаем, одним из психологических приемов внушения. Так, суфийские лидеры отмечают, что суфизм как норма жизни доступен далеко не каждому верующему. Ярко выраженный эзотерический характер стал предпосылкой его сближения с шиитским и исмаилитским эзотеризмом. Важнейшей составляющей этих концепций была символично-аллегорическая интерпретация коранического текста (тавил), извлечение его «скрытого» смысла, доступного лишь «посвященным». Традиция тавила привела к выработке теософского учения о мироздании и мистическом откровении (кашф), ставшем философским обоснованием суфийской практики. Этот путь (тарика) мистического познания истины суфий может проделать только под руководством наставника, роль которого чрезвычайно велика. Данный фактор также способствует формированию четкой иерархизированной структуры, подчиняющейся приказам только одного человека (учителя), в которой слово учителя — закон для учеников (членов суфийского тариката).

Этот радикализм четко выражен на первоначальном этапе воспитательной практики суфиев в отношении мюрида, которая унижает его личность. К примеру, «мюрид должен чувствовать себя перед шейхом, как мертвец перед тем, кто его омывает», «кто сказал шейху "нет", тот не преуспеет», «кто возражает, тот будет изгнанным». Данная практика применялась последователями пира Исмагуллы в медресе п. Карасу Алматинской области.

На современном этапе активизация суфийских орденов и тарикатов привела к усилению противостояния по линии суфизм — фундаментализм. Так, последователи суфийских тарикатов соперничают в Казахстане в основном с пакистанским мусульманским фундаменталистским направлением «Таблиги джамагат», ортодоксальными направлениями ислама и ДУМК.

Исходя из этого, можно прогнозировать распространение деструктивного влияния суфизма в четырех вариантах. Первый, как указано выше, определяется противостоянием суфизм — фундаментализм. Подобный сценарий развивался в Чечне, где имело место соперничество между суфийскими орденами Кадария, Накшбандийа и фундаменталистами. Спор по вопросу об «истинности» религии между двумя в корне различными направлениями может спровоцировать конфликт, подобный тем, что имели место на Северном Кавказе. Извечное для всех религиозных систем противостояние «истинного правоверия» и «заблуж-

дения» может вспыхнуть с новой силой и уже стать реалиями сегодняшнего Казахстана.

Второй вариант. Объективным этапом развития организационной иерархизированной структуры суфизма по мере ее укрепления, как доказывает история, является позиционирование ее в социуме как организации оппозиционной. В Казахстане уже есть прецеденты. Оппозиционные суфийские организации — группа «Тарихатшылар» и последователи пира Исмагуллы — вели агитационные действия против ДУМК. Достигнув своего апогея, противостояние между ДУМК и последователями пира Исмагуллы затронуло один из наиболее важных каналов массовой информации — телевидение. В 2005 г. жесткая дискуссия между телеканалом «Казахстан» и КТК всколыхнула всю общественность. [Согласно видеоматериалам, транслировавшимся по телевидению, один из ведущих государственных телеканалов страны «Казахстан» оказался в то время под контролем последователей (учеников) пира Исмагуллы].

Однако самой опасной тенденцией развития современных суфийских тарикатов является то, что по мере своего укрепления они могут оформиться в некую структуру, оппозиционную уже по отношению к государственным институтам, и выражать «антисистемные», «антиконституционные» взгляды. Мессианская направленность суфизма призвана служить интересам только одного человека — пира, учителя. Ведь его воля — это, якобы, воля Бога, а сам он — мессия, ожидаемый посланец Бога, который объединит правоверных для лучшей жизни на земле и на небе. За такими идеями, как известно из истории, как правило, следовали определенные оппозиционные действия, а нередко и государственные перевороты.

Третий вариант — противостояние между различными суфийскими направлениями. В Казахстане наблюдается острое соперничество между последователями Накшбандийа и пира Исмагуллы. Отличия между этими тарикатами прослеживаются как в ритуальной практике, например в зикре (громкий или тихий, коллективный или индивидуальный), так и в идеологии. Собственно зикр — это поминание и прославление Бога с произнесением определенных формул или имен Бога двумя способами: про себя, «внутре» (*хафи*) или вслух (*джахр*).

Четвертый вариант. Самогенерация в суфийских организациях может привести к трансформационным изменениям в структуре, идеологии и деятельности религиозных организаций, которые характеризуется непредсказуемостью развития и еще большим усложнением религиозной сферы. Этот процесс не поддается прогнозированию и контролю. В Северной Индии в XIX в., к примеру, имела место трансформация Накшбандийа в неовахабитскую идеологию и возникновение ваххабитского направления Ахмада Барлеви.

Таким образом, анализ современной практики распространения идеологии суфизма в Казахстане ставит исследователей перед непростым вопросом: насколько оправдано обращение к суфизму в качестве платформы традиционного ислама? На сегодняшний день, как показывает опыт, попытки обращения к суфизму привели лишь к появлению псевдосуфийских направлений, которые по мере своего развития формируются в хорошо слаженную организацию с постепенной радикализацией целей.

Сложная мистико-философская концепция, сплоченная структура, подчиняющаяся только одному человеку, и другие атрибуты современных форм суфизма

требуют взвешенного подхода и комплексного анализа. При нынешней ситуации с достаточно низким уровнем религиозной культуры основной массы верующих игры с суфизмом достаточно опасны. Более адекватным, на наш взгляд, было бы восприятие суфизма как одной из форм духовного наследия, нашедшего свое отражение в творчестве, культуре и искусстве.

На данном этапе мы переживаем начальный период становления суфийских организаций в Казахстане. Дальнейшее их развитие — перспектива будущего, в котором, однако, уже сегодня явно проступают устойчивые тенденции к проявлению и активизации деструктивных элементов.

Ближний Восток, Центральная Азия и исламоведение в германской ориенталистике

КАРСАКОВ И.Б.

Германия имеет одну из наиболее сильных научных школ востоковедения в Западной Европе по изучению проблем Ближнего и Среднего Востока и исламского мира. Исторически сложилось так, что для Германии мусульманские страны Передней и Центральной Азии были объектом проникновения, вложения капитала, плацдармом для дальнейшего продвижения на Восток и сферой научных интересов. В данной статье пойдет речь о ближневосточных и центральноазиатских исследованиях в германском востоковедении, а проблемам изучения Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии и Африки в Германии посвящена отдельная публикация.

Культурные, торговые, политические и военные контакты между христианской Европой и мусульманским миром, общие цивилизационные корни и активная миссионерская деятельность двух религий на протяжении нескольких столетий предопределили тот непреходящий интерес ученых к региону Ближнего Востока и Северной Африки, который более тысячелетия находится на переднем крае диалога двух цивилизаций.

Католическая Европа начала развивать отношения с мусульманскими странами значительно позже православной Византии, когда арабы в VIII в. завоевали Иберийский полуостров и вторглись в королевство франков. Образование исламских государств в Испании и Северной Африке, их тесные культурно-торговые связи

с Южной и Юго-Восточной Европой способствовали знакомству европейцев с античным наследием через источники, написанные на арабском и других восточных языках. Европейский ренессанс и становление западной науки были бы невозможны без посреднической роли Востока и «восточного наследия» в средние века.

Возникновение во второй половине XV в. Османской империи и военные успехи турок в XVI—XVII вв. привели к установлению их гегемонии в Малой Азии, на Ближнем Востоке и Балканах, в Северной Африке, бассейне Средиземного и Черного морей. Оттоманская империя стала не только ведущей державой на мусульманском Востоке, но и смогла бросить вызов христианскому Западу. Европейские государства вынуждены были признать новую расстановку сил на международной арене, и дипломатические отношения с «Блистательной Портой» стали важнейшим направлением их внешней политики. На протяжении нескольких столетий Османская империя представлялась Западу классической восточной деспотией, оплотом тюрко-мусульманского мира, через посредничество которой Запад мог поддерживать торгово-культурные контакты с остальными странами Востока. Это во многом определило необходимость изучения истории, культуры и государственного устройства Османской империи. Несмотря на свое исчезновение с политической карты после поражения в первой мировой войне, «османское наследство» наложило свой отпечаток на обширные регионы Ближнего Востока, Северной Африки, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Знаменитый немецкий поэт Иоганн Вольфганг фон Гёте, бесспорно, является одним из основоположников германской школы востоковедения. В своем произведении «Западно-восточный диван» он смог проявить интерес немецкой общественности к исламским странам. Гёте поощрял развитие восточных исследований в Йенском университете [1] и превращение востоковедения в самостоятельную науку. Уже в начале XIX в. германские востоковеды громко заявили о себе трудами Георга Вильгельма Лорсбаха по странам Леванта, затем произведениями Иоганна Готтфрида и Людвига Козегартена. Фундаментальный труд последнего «*Hudaylitendiwan*» до сих пор используется в качестве источника.

Давнюю традицию в изучении исламских наук имеет старинный Тюбингенский университет [2], основанный в далеком 1477 г. Изучение восточных языков и культур началось в этом университете еще в XV в. В 1521 г. кафедра семитских языков отделилась от теологии, а изучение древнееврейского и арабских языков стало самостоятельным направлением. Это было связано с начавшейся Реформацией в Германии и расширяющейся торговлей Европы с восточными странами. Однако окончательно востоковедение становится самостоятельной наукой только в эпоху Просвещения, когда в 1775 г. заведующим кафедрой восточных языков Тюбингенского университета стал Кристиан Фридрих Шнуррер. С 1872 по 1889 г. кафедрой возглавлял Альберт Социн. Его труды по грамматике арабского языка легли в основу используемой и по сей день арабской грамматики Карла Брокельмана.

Затем академические традиции продолжил Энно Литтманн, который был профессором кафедры в период с 1921 по 1951 г. Его преемником стал Руди Паре, чей перевод Корана и комментарии к Корану на европейские языки стали признанными пособиями по исламоведению. Благодаря его усилиям, в университете в 1963 г.

открывается кафедра языков и культуры христианского Востока. После Паре более 30-ти лет кафедрой бессменно возглавлял известный востоковед Йозеф ван Эсс в период с 1968 по 1999 г. Его фундаментальный труд в шести томах «Теология и общество во 2-й и 3-й хиджре» изучается студентами и магистрантами как новаторская работа по идеологии раннего ислама. С 2000 г. кафедрой восточных языков Тюбингенского университета возглавляет Лутц Рихтер-Бернбург. В 1970 г. была дополнительно создана кафедра арабской лексикографии, поэзии и истории естественных наук исламского мира. В 1978 и 1980 гг., в связи с бурными событиями в Иране и Афганистане, открылась кафедра Иранистики и вторая кафедра исламских языков [3].

Славные традиции Тюбингенского университета были по достоинству оценены в 1949 г. с образованием ФРГ, когда университетская библиотека была избрана Германским научно-исследовательским сообществом (DFG) в качестве специализированного библиотечного фонда по семитологии и исламоведению. После объединения Германии в 1990 г. эту фундаментальную архивно-коллекционную деятельность продолжил Галльско-Виттембергский университет [4].

Исторически сложилось так, что германское исламоведение (Islamwissenschaften) имеет, прежде всего, историко-филологическую направленность. Так, студенты института востоковедения Тюбингенского университета большее внимание уделяют изучению истории, исламской теологии и философии, особенно шиитской. В Галльско-Виттембергском университете основные усилия профессоров и студентов направлены на изучение истории развития исламской идеологии и политики. Помимо обязательного знания арабского языка, каждый выпускник должен владеть еще одним языком народов, исповедующих ислам. Это могут быть дари, фарси, пушту, урду, турецкий и тюркские языки и др. Отличительной чертой выпускников восточных отделений немецких вузов является их сильная языковая и страноведческая подготовка. Германские исследования по языкознанию, филологии, культуре, истории религии или географии мусульманских стран вызывают особый интерес не только в Европе, но и в мире как научно-объективные и интересные.

Помимо указанных университетов, кафедры исламоведения существуют в Бамбергском и Байройтском университетах, Свободном Берлинском университете, Университете им. Гумбольдта в Берлине, в Боннском университете, Эрлангенско-Нюрнбергском университете, а также в университетах Франкфурта-на-Майне, Фрайбурга, Гиссена, Гамбурга, Гейдельберга, Кёльна, Майнца, Мюнстера.

Кроме того, в Германии существует десяток кафедр тюркологии. Активное проникновение Германии на Восток в XIX и XX вв. способствовало становлению германской школы тюркологии. Феноменальные научные открытия немецких ученых в Центральной Азии, Сибири и на Дальнем Востоке, расшифровка орхоно-енисейских текстов и перевод на немецкий язык поэмы «Кюль-Тегин» и «древнетюркских надписей Монголии», предопределили ведущие позиции германских исследователей в этом направлении востоковедения. В конце XIX — начале XX в. в Западной Европе утвердилось мнение, что изучение языков, истории и культуры тюркских народов и их мусульманского уклада жизни является прерогативой немецких ученых. Именно в этот период германские

музеи и университеты пополняются уникальными восточными рукописями и манускриптами, памятниками архитектуры, искусства, предметами восточной роскоши.

В настоящее время подготовка преподавателей турецкого и тюркских языков осуществляется в Институте тюркологии Свободного Берлинского университета; Институте Центральной Азии университета им. Гумбольдта в Берлине; в Центре тюркологии Франкфуртского университета им. И.В. Гёте; Институте востоковедения Гиссенского университета; на отделении тюркологии Гамбургского университета; на восточных факультетах Эссенского и Бамбергского университетов; на отделении тюркологии и Центральной Азии Гёттингенского университета; в Центре востоковедения и тюркологии Университета им. Иоганеса Гуттенберга в Майнце и отделении тюркологии Мюнхенского университета им. Людвига Максимилиана и др. [5].

Ведущим учреждением по подготовке тюркологов и специалистов по неарабским мусульманским странам является Институт тюркологии Свободного Берлинского университета, находящийся в Западном Берлине. Руководит подразделением уже долгие годы профессор Барбара Кельнер-Хайнкеле. Она читает лекции по истории государственных институтов и учреждений Османской империи, истории крымских татар и ногаев в Османской и Российской империях. Доктор Зигрид Кляйнмихель преподаёт узбекский язык, а Маргарита Эрсен-Раш — азербайджанский, башкирский и татарский языки. Помимо этого, студенты изучают историю и культуру тюркских народов, проживающих в Турции, Иране и Средней Азии [6].

Его главный конкурент — Институт Центральной Азии Гумбольдтского университета, расположенный в Восточном Берлине. С 1991 г. сначала кафедру, а затем институт возглавляет профессор Ингеборг Балдауф. Студенты отделения изучают литературные языки народов Средней Азии, историю и культуру региона, а также тибетологию и монголистику [7].

Важнейшим университетом по подготовке специалистов по исламским странам является Институт восточной и восточно-азиатской филологии Франкфуртского университета. Заведующий кафедрой тюркологии профессор Марсель Эрдаль является выпускником скандинавской школы востоковедения. Он изучал тюркологию и алтаистику в Копенгагене и стал признанным специалистом не только по турецкому, но и по древнетюркским языкам. В 1998 г. из университета Гиссена на отделение тюркологии Франкфуртского университета перешел профессор Марк Кирхнер, который в начале 1990-х гг. несколько лет проработал в Казахстане и защитил диссертацию по фонологии казахского языка в Германии [8].

Другой крупнейший центр по подготовке исламоведов и тюркологов — Институт истории и культуры Ближнего Востока Мюнхенского университета им. Людвига Максимилиана. На отделении тюркологии плодотворно работает профессор Ганс Георг Майер, читающий студентам курсы по истории и культуре Ближнего Востока, Османской империи, религиозным орденам и течениям в исламе. Важнейшим направлением исследований института является турецкая диаспора в Германии, образовавшаяся в результате привлечения в 1950—1960 гг. «гастарбайтеров», когда в 1961 г. между ФРГ и Турцией был подписан договор о вербовке рабочей силы.

Иностранные рабочие во многом способствовали успеху германского экономического чуда. Однако первоначальное представление о том, что «гастарбайтеры» после нескольких лет работы вернутся домой, было ошибочным. Высокий уровень жизни в Германии сделал ее весьма привлекательной для того, чтобы остаться здесь на постоянное жительство. Даже материальные стимулы не помогли вернуть их на родину. В середине 1970-х гг. правительство ФРГ прекратило политику привлечения иностранной рабочей силы, но к этому времени в стране уже сформировалась крупная турецкая диаспора, а ислам стал частью западно-германского общества.

Подавляющее большинство мусульман, проживающих сегодня в Германии, являются турецкими суннитами. Они составляют около двух миллионов из трехмиллионного мусульманского населения в Германии и являются самой крупной группой иностранцев постоянно проживающих в ФРГ. Несмотря на то, что уже появилось второе поколение турков, родившихся и выросших в Германии и имеющих право на получение немецкого гражданства, они не готовы отказаться от своего турецкого гражданства и поддерживают тесные связи с Турцией. Лишь около 3% всех мусульман, проживающих в Германии, имеют немецкое гражданство.

Появление мусульманской диаспоры и стремление Турции вступить в ЕС заставляют европейцев более пристально относиться к «турецкому феномену». В этой связи появились новые предметы для исследований — поведение, культурная адаптация и этническая идентификация мусульман в христианской Европе.

Несмотря на то, что Германия является светской страной и религия официально отделена от государства, во многих государственных школах в учебную программу входят уроки религии. Если преподавание уроков по двум христианским конфессиям не вызывает вопросов среди общественности, то введение занятий по исламу вызывает острые дискуссии. Это объясняется тем, что лекции по христианским религиям читают специалисты, получившие образование на теологических факультетах государственных университетов. Их назначение и освобождение от должности регламентируется законом и согласуется с решением епископов, а также соответствующим договором между правительством ФРГ и Ватиканом.

Хотя преподавание ислама в школах не только не запрещается, но даже и поддерживается отдельными представителями официальных властей (например, в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия), однако проблема заключается в том, что мусульмане в Германии не имеют центрального религиозного органа, подобного католической или евангелической церкви, который мог бы взять на себя юридическую ответственность за теоретическую и практическую сторону занятий. Тем не менее в некоторых государственных школах, где большинство учеников являются мусульманами, преподаются основы ислама.

В соответствии с германским законодательством, официальные уроки ислама в немецких школах должны безоговорочно отвечать конституционным принципам ФРГ. В частности, это равноправие мужчины и женщины, отделение церкви от государства, признание независимой от государства и религии системы юстиции, принцип разделения властей, независимость суда, демократические нормы самоуправления, коллегиальность в решении вопросов и т.д. Несоответствие вышеуказанным требованиям предопределило решение Дюссельдорфского ад-

министративного суда осенью 2001 г. отклонить притязания Исламского совета ФРГ и Центрального совета мусульман в Германии признать их центральными органами мусульман, постоянно проживающих в Германии. Отсутствие единого религиозного центра, серьезные различия в воззрениях мусульманских групп вызывают юридические коллизии и тормозят введение уроков по исламской религии в немецких школах.

Вместе с тем Боннский университет [9] готов открыть кафедру исламской религиозной педагогики для подготовки необходимых кадров. Известная ученая Аннемари Шиммель уже разработала соответствующую программу — «Исламское религиозное учение для учителей первой и второй ступени гимназий» по аналогии с подготовкой преподавателей по христианской теологии. Необходимые для этого средства готовы предоставить частные инвесторы. Предусматривается аккредитация кафедры при Университете Аль-Азхар в Каире, одном из старейших и авторитетных исламских вузов в мире.

Университет в Оснабрюке предложил альтернативную модель. Профессора Оснабрюкского университета планируют реализовать вместе с тремя турецкими вузами проект бинационального обучения преподавателей исламской религии. Выпускники турецких вузов, имеющие ученую степень бакалавра, должны будут продолжать свою учебу в немецких вузах для получения ученой степени мастера или магистра, чтобы иметь возможность преподавать в Германии. При этом ставится задача также на третье поколение иммигрантов, получившее европейское образование, которое, по идее, должно стать «культурным мостиком» между их исторической родиной и Европой.

Учитывая опыт этнических и религиозных столкновений во Франции и рост национализма и нетерпимости во многих европейских странах, немецкие ученые и политики пристальное внимание уделяют проблеме адаптации мусульман в плюралистическом обществе Германии. На рубеже XX и XXI столетий Германия столкнулась с феноменом исламского фундаментализма. По оценкам Федерального ведомства по защите конституции [10], эти экстремистские организации насчитывают около 30 тысяч человек, которые ставят своей целью создание теократического исламского государства на территории Германии. Они поддерживают контакты с различными радикальными группировками во многих странах. При этом фундаменталисты необязательно пропагандируют террор, но однозначно выступают против интеграции и ассимиляции мусульман в Германии. В целом немецкая общественность осознает, что простые мусульмане, как и христиане, не имеют ничего общего с экстремистскими взглядами и деятельностью фундаменталистов и готовы помочь иностранцам интегрироваться в германское гражданское общество. В свою очередь, это требует от мусульман-иностранцев готовность выработать совершенно новые подходы, принципиально отличающиеся от тех, которые были приняты на их исторической родине.

Более того, сама история ислама приводит примеры религиозной терпимости и уважения к евреям и христианам еще во времена существования Арабского Халифата или Османской империи. Вместе с тем архаичные представления о превосходстве одной религии над другой, ущемление прав людей по этническому или религиозному признаку несовместимы с современной действительностью. Ведь в современном обществе под толерантностью подразумевается не только религиозная и культурная терпимость, но и уважительное отношение к воззрениям

и мнению, отличающимся от твоих собственных. Это означает также отказ от воинственных споров и конфронтации. Пропагандируемый же исламскими фундаменталистами джихад — как «война против неверных» и переустройство мира в соответствии с нормами шариата — одинаково неприемлем как для христианской теологии, так и для современного мира. В этом плане мусульманам-иностранцам предстоит пройти еще долгий путь для адаптации в объединенной Европе [11].

Традиционно сильным центром подготовки специалистов-востоковедов являются морские ворота Германии — свободный ганзейский город и федеральная земля Гамбург. История города неразрывно связана с развитием международной торговли. Здесь на севере Германии еще в средние века зародились традиции свободной торговли и образовался союз вольных городов — Ганза. Именно Гамбург стал плацдармом немецких коммерсантов и промышленников для «броска за океан» и ключевым центром развития отношений с заморскими странами. Поэтому не случайно этот портовый город стал центром научных учреждений и общественных ассоциаций, занимающихся изучением мировой экономики и международных отношений, содействующих развитию всесторонних связей ФРГ с зарубежными странами, в том числе и с Востоком.

Преимуществом факультета востоковедения Гамбургского университета является то, что, помимо вузовских профессоров, им преподают академические ученые из Германского института изучения зарубежных стран (Deutsches Übersee-Institut). Он является крупнейшим научным объединением, в структуру которого входят Германский институт Востока (Deutsches Orient-Institut), Институт азиатских исследований (Institut für Asienkunde), Институт Африканских исследований (Institut für Afrika-Kunde), Иберо-американский институт (Institut für Ibero-Amerika), Институт сравнительных международных исследований (Institut für Allgemeine Überseeforschung) и Центр зарубежной информации (Übersee-Dokumentation).

Эти академические институты имеют преимущество перед вузами в том, что, помимо научных исследований зарубежных стран и системы международных отношений, они занимаются аналитическим обеспечением внешнеэкономических интересов Германии. Учитывая также то, что развитие международных экономических связей является одним из двигателей германской экономики и за счет экспорта страна занимает второе место в мировой торговле, немецкие коммерсанты и предприниматели заинтересованы в получении оперативной и объективной информации о политической, экономической ситуации, конъюнктуре рынка и инвестиционном климате в странах — экономических партнерах Германии. Оплата информационных услуг служит одним из основных источников финансирования соответствующих направлений науки — наряду с государственным финансированием и взносами благотворительных организаций. Развитию взаимовыгодных контактов между наукой и бизнесом способствуют шесть германских международных предпринимательских ассоциаций, также расположенных в Гамбурге: Германо-африканская, Германо-ближневосточная, Иберо-американская, Германо-тихоокеанская, Восточно-европейская и Австралийско-новозеландская ассоциации.

По данным Конференции ректоров высшей школы, в региональных исследованиях неарабских мусульманских государств — Ирана, Центральной Азии, Южной Азии и Юго-Восточной Азии немецкие ученые-востоковеды

отстают от своих коллег из Великобритании, США и Франции. Это связано было с тем, что традиционно интересы Германии были устремлены в Переднюю Азию, Ближний Восток, Восточную Европу и Россию. Исходя из этих страноведческих приоритетов, и формировалась германская школа востоковедения. Поэтому неарабский исламский мир представлялся немецким ученым — «периферийным» или сферой интересов англо-американской или французской ориенталистики.

Однако бурные события на Востоке, крах биполярной системы международных отношений, образование новых независимых государств на постсоветском пространстве, стремительное развитие НИС АТР изменило приоритеты германских востоковедов. Если раньше под исламскими науками в Германии подразумевалось изучение филологии, истории, традиционного и религиозного права, то сегодня все больше возрастает спрос на политологов, экономистов, социологов, этнографов, культурологов, специализирующихся по странам региона.

Эти направления исследований активно поддерживают крупные немецкие корпорации через свои фонды или ассоциации. Наиболее авторитетным и известным является Германское восточное общество [12], образованное немецкими учеными-востоковедами еще в 1845 г. и воссозданное после второй мировой войны. Цель организации состоит в том, чтобы углублять и расширять знания о Ближнем Востоке и его влиянии на другие регионы Африки и Азии. С 1947 г. регулярно выходит журнал Германского восточного общества. Уникальными публикациями по-прежнему остаются *Bibliotheca islamica* с классическими арабскими текстами и Словарь классического арабского языка. Помимо этого, общество занимается каталогизацией всех статей по востоковедению, публикуемых в Германии. В 1961 г. Общество открыло Институт Востока в Бейруте, который со временем превратился в ведущее научное учреждение, исследующее проблемы Ближнего Востока и Центральной Азии. Помимо классической арабистики и семитологии, институт активно изучал наследие христианского Востока и исламской археологии. Так, фонд библиотеки института в Бейруте насчитывает свыше 120 000 томов [13].

Благодаря поддержке со стороны правительства ФРГ и финансовой помощи фондов «Фольксваген» и «Тиссен», представительство института в Бейруте стало связующим звеном между полевыми исследованиями в регионе и теоретическими разработками в Германии. В 1987 г. открылось представительство института в Стамбуле [14]. Это существенно расширило область научных исследований. Приоритетными стали такие дисциплины, как тюркология, османистика и исследование республиканской Турции. Немецкие ученые и их коллеги из Европы и США получили возможность непосредственно пользоваться рукописями Центрального архива Османской империи в Стамбуле.

Как уже было ранее отмечено, ведущим научным учреждением по изучению государств Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии является Германский институт Востока в Гамбурге [15], который входит в состав Германского института изучения зарубежных стран (*Deutsches Übersee-Institut*). Он был основан в 1960 г. ассоциацией Ближнего и Среднего Востока, то есть немецкими коммерсантами, которые были заинтересованы в получении аналитической и научной информации для успешной торговли со странами региона. В правление института и попечительский совет входят научные деятели, политики, экономисты

и управленцы. Финансирование учреждения осуществляют на паритетных началах Сенат федеральной земли Гамбург и федеральное министерство иностранных дел Германии. Помимо этого, привлекаются целевые средства организаций и фондов, оказывающих содействие науке.

Научные изыскания Германского института Востока охватывают Северную Африку, Ближний и Средний Восток, Центральную Азию. Многие профессора и доценты института преподают на факультете востоковедения Гамбургского университета, а студенты проходят научно-исследовательскую практику в институте. Наиболее способные студенты могут продолжить стажировку в представительствах института в Бейруте или Стамбуле, а также в филиалах германских компаний в странах изучаемого региона. Тем самым осуществляется связь академической и вузовской науки с бизнесом в Германии.

Приоритетными темами исследований института по традиционному мусульманскому Востоку являются проблемы демократизации на Ближнем и Среднем Востоке; религиозные и этнические факторы политической и социальной трансформации; арабо-израильский и другие региональные конфликты; государственное строительство и экономическое развитие; политическая и экономическая интеграция в регионе; развитие отношений государств Ближнего Востока с ЕС (и в первую очередь с ФРГ); политическая оппозиция и права человека; роль средств массовой информации в общественной жизни и др.

Еще до распада СССР в 1990 г. Институт начал полномасштабные исследования политических, экономических, социальных и этнических процессов на Кавказе и Средней Азии. С образованием новых независимых государств на постсоветском пространстве основными темами научных изысканий стали проблемы распространения исламского фундаментализма в регионе: этническая консолидация и самоидентификация; политико-правовая реформа и права человека; перспективы демократии и гражданского общества; место и роль государств Южного Кавказа и Центральной Азии в современной системе международных отношений и др.

Помимо монографий и сборников статей, Институт Востока издает «Ближневосточный ежегодник», журнал *Orient*, многочисленные информационные папки и доклады (*research papers, discussion papers*). Институт регулярно проводит международные конференции и семинары, занимается популяризацией научных знаний и достижений в прессе, на радио и телевидении, в сети Интернет. Это дает ученым института значительные преимущества по сравнению с вузовскими коллегами. Именно к их мнению прислушиваются политики и бизнесмены для принятия решений, а директор института профессор Удо Штайнбах стал лучшим экспертом в Германии по современным проблемам Ближнего и Среднего Востока. В частности, его критический прогноз относительно американского плана «умиротворения» Ирака путем принятия новой конституции во многом подтвердился, так как американцы не учли исторические традиции и реалии страны, а также сложившиеся этнические и религиозные структуры. В этой связи он не исключил возможность вооруженного конфликта «между арабами и курдами, а также арабскими суннитами и шиитами» [16].

Германия обладает богатой информационной базой, которой пользуются не только местные, но и зарубежные ученые, политики, предприниматели, дипломаты. Основанный в середине 1960-х гг. Центр зарубежной информации

(Übersee-Dokumentation) [17] собрал огромный массив информации о странах Азии, Африки, Латинской Америки и Тихоокеанского региона. Регулярно издаются библиографические сборники, включающие выходные данные и аннотации на книги и журнальные статьи, изданные как в Германии, так и в странах Востока. Сведения о библиотечных фондах компьютеризированы и легко доступны. Данные об имеющихся материалах включены в информационную сеть ФРГ и Европейского Союза. Такое информационное обеспечение не может не повышать конкурентные преимущества экспортируемых Германией товаров и услуг.

Что касается Германской ассоциации ближневосточных исследований (DAVO), то она имеет репутацию одной из наиболее многочисленных и сильных в научном отношении национальных объединений ученых-востоковедов. Организация была создана в 1993 г. и в нее входят более 600 специалистов — не только из ФРГ, но и из европейских, североамериканских и ближневосточных стран. Она служит связующим звеном между германскими исследовательскими структурами и аналогичными зарубежными объединениями, в первую очередь — ведущими региональными союзами в этом направлении — Североамериканской ассоциацией ближневосточных исследований и Европейской ассоциацией ближневосточных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Friedrich-Schiller-Universität. Institut für Sprachen und Kulturen des Vorderen Orients, Islamwissenschaft Lobdergraben 24 a, D-07743 Jena. Homepage: <http://www.uni-jena.de>.
2. Institut für Orientalistik der Universität Tübingen. Münzgasse 30, D-72070 Tübingen. Homepage: <http://www.uni-tuebingen.de>.
3. Orientalisches Seminar der Universität Tübingen. Homepage: <http://www.uni-tuebingen.de>.
4. Universität Halle-Wittenberg. Homepage: <http://www.uni-halle-wittenberg.de>.
5. Карсаков И.Б. Туркология в германоязычных странах (Германия, Австрия и Швейцария): Справочник. — Алматы: Қазақ университеті, 2005. — 48 с.
6. Freie Universität Berlin. Institut für Turkologie. Schwendenerstr. 33, D-14195 Berlin. Homepage: <http://www.fu-berlin.de>.
7. Humboldt-Universität zu Berlin. Institut für Mittelasienswissenschaft. Unter den Linden 6, D-10099 Berlin. Homepage: <http://www.hu-berlin.de>.
8. Institut für Orientalische und Ostasiatische Philologien — Turkologie. Dantestr. 4-6, D-60325 Frankfurt am Main. Homepage: <http://www.uni-frankfurt.de>.
9. Seminar für Theologie der Universität Bonn. Adenauerallee 4-6, D-53113 Bonn. Homepage: <http://www.uni-bonn.de>.
10. Германская служба безопасности и контрразведки.
11. Томас Леммен. Исламские организации в Германии. — Бонн, 2000. — 86 с.
12. Deutsche Morgenlandische Gesellschaft. Homepage: <http://www.dmg-web.de>.
13. Эккехард Рудольф. Систематизация, культура и социально-научное исследование мусульманского мира в ФРГ. — Гамбург, 1999. — 201 с.
14. Orient-Institut der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. Istanbul, Susam Sokak 16—18, D. 8 TR-80060 Cihangir-Istanbul. Homepage: <http://www.sim.net.tr>.
15. Deutsches Orient-Institut. Homepage: <http://www.doi-hh.de>.
16. Олег Артюшин. Проект конституции Ирака несет в себе опасность гражданской войны // <http://www.iraq.itar-tass.com> — 30.08.2005.
17. Übersee-Dokumentation. Homepage: <http://www.rz.uni-hamburg.de/ueei-dok>.

Политическая обстановка в Кокандском ханстве в конце 30-х — середине 40-х гг. XIX в. и «Бухарский эмират»

ТИМЧЕНКО С.В.

Последние годы правления кокандского хана Мухаммед-Али /Мадали/ отличаются состоянием крайней политической нестабильности. Вступив на ханский престол в двенадцатилетнем возрасте в 1822 г., Мадали-хан оказался под влиянием беспринципных царедворцев, заботившихся не о благе государства, а о своей личной выгоде, потворствовавших всем прихотям малолетнего правителя. Запросы же юного хана были весьма далеки от моральных устоев, установленных шариадом.

Известный хивинский посол Шукуруллах-бай Мискинов, неоднократно посещавший Россию и оставивший подробные сведения о политических событиях, происходивших в среднеазиатских ханствах в 40-е гг. XIX в., следующим образом оценивал время правления Мадали-хана. Он отмечал: «Воспитанный в неге Мадали-хан, вступив на ханство, предался полному распутству, завел в своем арыке (правильно арке — С.Т.) (дворце) огромный гарем. Кроме гарема, у него было до 500 девушек, и Мадали все время проводил в гареме, в пиршествах, не показываясь народу, не хотел видеть сановников. Следствием сего было полное безначалие в Кокандии: сильный стал притеснять слабого, во всех делах управления был страшный беспорядок и никто не мог найти правосудия. Ханство явно приходило в упадок» [1].

Помимо того, находясь под влиянием окружавших его льстецов, Мадали-хан стал преследовать сановников из бывшего окружения своего отца, Омар-хана. Некоторые из них были отправлены в ссылку, другие казнены, отдельные представители кокандской знати были вынуждены бежать в Бухару.

Положение при ханском дворе еще более осложнилось после смерти мингбаши Хаккулы, который управлял государственными делами в ханстве и имел влияние на Мадали-хана. После смерти высшего военного советника, кокандский хан окончательно освободился от всякой опеки, продолжая свои увеселительные развлечения. Отдельные чиновники все еще надеялись, что хан образумится, прекратит кутежи и займется государственными делами. Однако этого не произошло. Все оставалось по-прежнему.

И тогда среди кокандской знати начинает зреть заговор. Его активными инициаторами стали: новый мингбаши, сменивший Хаккулы, Лашкар-кушбеги, кази-калан, военачальник Иса-ходжа, ташкентский беклар-беги и другие знатные чиновники [1].

Заговорщики решили обратиться за помощью к бухарскому эмиру Насруллаху*. Выбор заговорщиков на бухарского владельца пал не случайно. С самого начала образования Кокандского ханства между Бухарой и Кокандом шла ожесточенная борьба за гегемонию в Средней Азии. После прихода к власти в 1809 г. Омар-хана, предпринимается попытка урегулирования отношений с Бухарским эмиратом [2]. В Бухару направляется посольство с Ишаном хан-торе. Однако период «мирного сосуществования двух ханств оказался крайне недолговечным. Возвращаясь из Бухары, кокандское посольство посетило уратюбинское владение, где было пышно принято его владельцем Махмуд-хан-ходжей.

Польщенный оказанным приемом своим подданным, Омар-хан отправляет специальное посольство к правителю Ура-Тюбе. Махмуд-хан-ходжа заявляет кокандским посланцам о своем желании присоединиться со всем уратюбинским вилайетом к Кокандскому ханству [3]. Подобный шаг был прямой изменой Бухаре, под патронажем которой находилось Ура-Тюбе. После этого происходит новое обострение отношений между двумя ханствами. Между ними вновь возобновляется борьба за преобладание над Ура-Тюбе и Джизаком [4].

Однако к концу правления Омар-хана отношения между Кокандом и Бухарой заметно улучшились. Стороны прекратили всякие военные действия друг с другом и заключили «вечный мир», «завещая своим наследникам хранить его свято и нерушимо» [5].

Но, к сожалению, наследники не очень-то стремились выполнять заветы своих предков. В первое время после прихода к власти в Коканде Мадали-хана соблюдалась внешняя видимость добрососедских отношений между двумя среднеазиатскими государствами, тем не менее это ни в коей мере не ослабляло скрытого противостояния между ними.

Внешне все выглядело весьма дружелюбно. Оба хана называли друг друга братьями и продолжали обмениваться посольствами. Однако охваченный непомерным честолюбием бухарский эмир стремился заручиться поддержкой турецкого султана и получить от него признание считаться ведущим владыкой мусульманского мира Мавераннахра [5].

Это вызывало обоснованное опасение у Мадали-хана, который не собирался уступать пальму первенства в данном вопросе своему сопернику. Настоящее обстоятельство было одной из причин тайной вражды между ними [5].

Тем временем для утверждения своего приоритета в Среднеазиатском регионе Насруллах отправляет бухарское посольство в Константинополь. Узнав об этом, Мадали-хан немедленно направляет своего посланника в Порту, обеспечив его богатыми подарками для турецкого султана. Как только об этом стало известно бухарскому эмиру, он предпринимает попытку захватить и ограбить кокандскую миссию. Однако на сей раз усилия Насруллах-хана не достигли цели [6].

Потерпев провал с задержанием кокандского посольства, бухарский эмир продолжал проявлять внешние формы уважения Мадали-хану. Однако одновременно с этим Насруллах тайно предпринимает шаги по налаживанию контактов с противниками кокандского хана. С этой целью бухарский эмир вступает в родственные связи с находившимся в изгнании братом Мухаммед Али-хана,

* В другой транскрипции — «Насрулла».

Султан-Махмудом, организовав ему брак со своей свояченицей, дочерью владельца Шагрисябза. Эмир обещает Султан-Махмуду возвести его на кокандский престол [6].

Окончательному ухудшению отношений между Кокандским ханством и Бухарским эмиратом послужил инцидент все с тем же кокандским посольством, направленным в Константинополь. Оно отправилось в Порту в 1831 г. в составе 40 человек [7]. По сведениям российского чрезвычайного посланника в Константинополе А.П. Бутенева, изложенным в письме директору Азиатского департамента К.К. Родофиникину от 7 ноября 1832 г., целью кокандской дипломатической миссии было получить от турецкого султана признание кокандского хана «как властителя первенствующего между мусульманами» в Среднеазиатском регионе [8].

А.П. Бутенев выражал сомнение в положительном исходе для кокандской миссии этого мероприятия, поскольку на ту же роль претендовала также и Бухара. И, в случае выбора между двумя ханствами, султан, конечно же, поддержит последнюю, поскольку, подчеркивал автор письма, между Портой и ханом бухарским существовали давние дружественные связи. И о враждебном отношении Бухары к Коканду также было известно [9].

Путь кокандского посольства лежал через Ташкент и Сырдарью в Хиву, минуя Бухарское ханство. Пробыв три месяца в Хиве, посланцы кокандского хана отправились с торговым караваном в Мешхед, чтобы продолжить свой путь до Стамбула [9].

На обратном пути многие участники миссии заболели и умерли вследствие свирепствовавшей в Персии эпидемии чумы. Оставшиеся в живых шесть человек вместе с сыном кокандского посла с трудом добрались до Бухары через Мешхед. О прибывших было немедленно доложено бухарскому эмиру [10]. Насруллаху также сообщили, что кокандские посланцы везут с собой клинок, переданный султаном в дар кокандскому хану. Эмир изъявил желание взглянуть на подарок, но получил отказ. Сын посла ответил, «что если хан (бухарский — С.Т.) имеет твердое намерение совершить над ним насилие и оскорбить кокандского хана, его господина, и халифа (султана), сломав печать, то должен завладеть этой саблей силой, так как добровольно он не согласится отдать ее в чьи бы то ни было руки, кроме своего господина» [10].

Эмир, сочтя такое поведение кокандцев за оскорбление, приказал изгнать их из Бухары. И хотя инцидент был урегулирован мирным путем, улучшения отношений между государствами так и не наступило [11].

Насруллах был хорошо осведомлен о недовольстве, царившем среди придворных Коканда, политикой своего хана. И, как отмечал известный русский востоковед Н.И. Веселовский, «он (бухарский эмир — С.Т.) искал случая вмешаться в дела Мухаммед-Гали» [12].

И такой случай вскоре представился. Мухаммед-Али заключил брак с одной из жен Омар-хана. Бухарский эмир тотчас после этого известия отправил к кокандскому двору своего посланника Раим Калмака с риваятом*, в котором обвинял хана в нарушении законов шариата за незаконный брак с женой своего отца и называл Мадали кяфиром [13].

* Риваят — постановление, толкование статьи закона.

Насруллах обвинял кокандского хана в том, что он, «обуреваемый страстями и пороками, решился на сочетание браком со своей мачехой». «На такой поступок, — упрекал эмир Мадали, — которого доселе ни в каком государстве, ни в какой нации, ни в какой вере и ни в каком народе не бывало, тем самым лишил себя уважения, которое прилично его сану, потерял истинное расположение к себе благомыслящих людей». Насруллах заявлял, что, не говоря уже о прочих пороках, за одно это преступление (Мадали — С.Т.) «заслуживает, как и всякий мусульманин, мучительную казнь» [14].

Знакомство кокандского хана с бухарской грамотой привело Мухаммеда-Али в состояние полного иступления. Он приказал интернировать бухарского посланника со всей его свитой и заключить в темницу. Некоторым из бухарцев обрили головы и бороды, что считалось крайне унижительным для правоверных, и отобрали все имущество [14].

Через несколько дней Раим-Калмак был выпущен из под ареста и отправлен в Бухару с предписанием передать эмиру, что он дурак [15]. Таким образом, противостояние между двумя ханствами достигло высшей точки. Это понимали как в Бухаре, так и в Коканде. Мадали-хан отдает приказ о введении военного положения в Кокандском ханстве и объявляет сбор войск в назначенном пункте. Одновременно дается предписание огласить с минаретов и башен на всей территории ханства указ, согласно которому все гражданское население, способное носить оружие, должно вооружиться и следовать в названный пункт. Наряду с этим, были отправлены посланцы в кокандские провинции с требованием, чтобы все правители вилайетов собрали войско и двинулись по направлению к Ходженту, а потом в общий пункт сбора для присоединения к ханскому войску [16].

Ташкентский кушбеги также получил распоряжение присоединиться к войску Мадали. Однако, будучи настроенным пробухарски и имевшим в течение длительного времени тайные связи с бухарским эмиром, наместник Ташкента под разными предлогами медлил с выполнением ханского указа, ссылаясь на возникшие затруднения со сбором войска и снабжением людей оружием и продовольствием. Наконец ташкентское войско выступило в поход с преднамеренной задержкой и двигалось очень медленно, примкнув к кокандским войскам в военном лагере, расположенном у бухарских границ. Примерно также поступали и другие военачальники, не проявляя особой активности [17].

По приказу Мадали-хана начались работы по укреплению военного лагеря, расположившегося в местечке Пшагар. Кокандцы стали возводить каменные стены, предполагая расположить в этом укреплении от 3 до 4 тысяч человек. По мнению известного кокандского чиновника ишана Магомед-Халиля, кокандский хан упустил время, занявшись возведением укреплений. Между тем, с точки зрения этого кокандского сановника, было необходимо двинуть войска на Джизак, в котором находился малочисленный гарнизон, а затем и на Самарканд, который в то время был совершенно не подготовлен к защите [17]. Тем временем бухарский эмир приступил к подготовке войска для наступления на Коканд. Насруллах внимательно наблюдал за всеми приготовлениями своего противника, получая достоверную информацию от своих сторонников как из самого Коканда, так и из кокандского военного лагеря [18].

Эмир собрал довольно большое по численности войско, усилив его артиллерией, и выступил по направлению к Кокандскому укреплению [18]. В это время в кокандском стане происходит довольно необычный инцидент. Оставив в укреплении Пшагаре 1000 человек во главе с Гадай-баем, кокандский хан с небольшим отрядом (количеством в 100 человек) отправился по направлению к Джизаку. Лашкар Кушбеги и наместник Намангана Мухаммед-Шариф аталык с трудом его нагоняют и пытаются отговорить от безрассудной затеи. Они ему говорят: «Если вы хотите позабавиться осадой Джизака, то ведите туда весь отряд, а не 100 человек, ибо в Джизаке стоит никак не менее 3000. Во-первых, нельзя, не следует так рисковать ни собой, ни людьми, а во-вторых, такие поступки совершенно неприличны хану» [19].

Однако Мадали-хан продолжал упорствовать в своем решении, не желая прислушиваться к разумным советам своих приближенных. По свидетельству Магомед-Халиля, Мухаммед-Али-хан вместе со своим немногочисленным окружением подвергся нападению вышедшего из Джизака бухарского отряда и лишь бегство спасло кокандского хана от пленения и возможной гибели [20].

После этого, бросив войско, Мадали-хан отправляется в Ура-Тюбе, оттуда в Ходжент, а потом в Коканд. Оставленные ханские войска находятся в полной растерянности, не решаясь на какие бы то ни было шаги [21].

По утверждению дореволюционного исследователя истории Кокандского ханства В.П. Наливкина, кокандские военачальники брошенного ханского войска в течение недели посылали письменные запросы на имя хана, ожидая дальнейших указаний [21]. Но Мадали-хан не ответил ни на одно из этих посланий.

Тем временем бухарский эмир во главе 18-тысячного войска приблизился к кокандским позициям [22]. Подойдя к Пшагару, Насруллах вступает в переговоры с кокандским гарнизоном, главным вопросом которых была судьба брата Мадали-хана Султан-Махмуд-бека, которого эмир собирался посадить на кокандский престол [23]. Но, поскольку подобные вопросы не входили в компетенцию кокандских военачальников, переговоры закончились безрезультатно.

Вскоре между кокандскими и бухарскими войсками началось сражение. Какое-то время ни одна из сторон не могла одержать победу [23]. Гадай-бай-датха во главе Пшагарского гарнизона напал на передовые силы эмира и опрокинул авангард бухарских войск [24]. Так закончился первый день бухарско-кокандского противостояния. Кокандцы укрылись за стенами укрепления и стали готовиться к защите. Эмир начинает понимать бесперспективность применения пехотных подразделений, учитывая при этом решительность осажденных. И тогда Насруллах принимает решение ввести в бой артиллерию. В результате обстрела были повреждены стены укрепления [25]. Это дало преимущество наступающим бухарцам и затруднило положение осажденных. По сведениям Магомед-Халиля, в результате обстрела и последовавшей затем атаки бухарских войск из находившихся в Пшагаре «3-х или 4-х тысяч человек убито, ранено и взято в плен бухарцами несколько сот человек» [26]. В плен попал и Гадай-бай-датха. Правда, на этот раз эмир, видимо, из тактических соображений «проявил великодушие» и отпустил плененного военачальника, который вскоре с оставшимся отрядом

присоединился к основным кокандским силам, расположившимся между Ямом /Иамом/ и Замином [27].

В описании дальнейших событий, касающихся кокандско-бухарских отношений, в различных источниках имеются некоторые разночтения. Так, В.П. Наливкин, опирающийся при написании своей работы на среднеазиатские нарративные источники, описывает последующий ход военных действий между Бухарой и Кокандом и сложившуюся вследствие этого политическую ситуацию как непрерывную цепь следовавших друг за другом эпизодов, вызванных походом Бухарского эмира [28].

Другие источники указывают на то, что эмир совершил несколько походов против Коканда. И события, которые В.П. Наливкин относил к первому походу Насруллаха, происходили в другое время. Одним из первых обратил на это внимание казахстанский исследователь Т.К. Бейсембиев, детально изучивший различные списки кокандской хроники «Тарих-и Шахрухи» [29]. Он указывает на три похода в Коканд бухарских войск — в 1840, 1841, 1842 гг. [30]. О трех походах бухарцев в Коканд говорит в своей записке известный кокандский сановник и дипломат ишан Магомед-Халиль [31]. О двух походах эмира в Коканд в 1841 и 1842 гг. рассказывает в своей записке, составленной с его слов переводчиком пограничной комиссии И. Батыршиным, хивинский посланник Шукуруллах-бай Мискинов [32].

Вычленив эти события и материалы донесений русских чиновников, отложившиеся в русских архивах [33]. Да и сам В.П. Наливкин без хронологических указаний говорит о нескольких бухарских походах в Коканд [34]. Однако детали этих походов, как и вообще подробности кокандско-бухарского противостояния, могут стать предметом других публикаций.

По сведениям российских источников, Мадали-хан был схвачен людьми эмира в Маргелане. Произошло это весной 1842 г. (5 апреля 1842 г. бухарские войска вступили в Коканд). По приказу Насруллаха, Мухаммед-Али-хан и его брат Султан-Махмуд были казнены. Затем была казнена и мать двух братьев — известная узбекская поэтесса Надира. Однако, истребив представителей кокандской династии, бухарский эмир напрасно надеялся тем самым завершить военную кампанию против Коканда. Противостояние продолжилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив Национальной Академии наук Республики Казахстан (далее — ЦА НАН РК). Ф. 11. Оп. 4. Д. 547. Л. 184.
2. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). — М., 1958.
3. Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 118. Оп. 1. Д. 333. Л. 2.
5. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. СПб. Гл. Архив. 1—9. 1843—1864. Оп. 8. Д. 5. Л. 4.
6. Там же. Л. 4 об.
7. АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Архив. 1—6. 1832—1864. Д. 1. Л.
8. Там же. Л. 2.
9. Там же. Л. 2 об.
10. Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). — М., 1983. — С. 69.
11. Там же. С. 69—70.
12. РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 333.

13. Наливкин В.П. Указ. соч. С. 136—137.
14. АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Архив. 1—9. 1843—1864. Оп. 8. Д. 5. Л. 5.
15. Наливкин В.П. Указ. соч. С. 137.
16. АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Архив. 1—9. 1843—1864. Оп. 8. Д. 5. Л. 5 об.
17. Там же. Л. 6 об.
18. Там же. Л. 7.
19. Наливкин В.П. Указ. соч. С. 137.
20. АВПРИ. СПб. Гл. Архив. 1—9. 1843—1864. Оп. 8. Д. 5. Л. 7—7 об.
21. Наливкин В.П. Указ. соч. С. 138.
22. ЦА НАН РК. Ф. 11. Оп. 4. Д. 547. Л. 185.
23. АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Архив. 1—9. 1843—1864. Оп. 8. Д. 5. Л. 7 об.
24. Наливкин В.П. Указ. соч. С. 138.
25. АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Архив. 1—9. 1843—1864. Оп. 8. Д. 5. Л. 7 об.—8.
26. Там же. Л. 8.
27. Наливкин В.П. Указ. соч. С. 138.
28. Там же. С. 108—109.
29. Бейсембиев Т.К. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. — Алма-Ата, 1987.
30. Там же. С. 108—109.
31. АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Архив. 1—9. 1843—1864. Оп. 8. Д. 5.
32. ЦА НАН РК. Ф. 11. Оп. 4. Д. 547.
33. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 374. Д. 62.
34. Наливкин В.П. Указ. соч. С. 140.

К проблеме десятичной системы и военной тактики монголов

КУШКУМБАЕВ А.К.

Практически все письменные источники, освещающие период монгольских завоеваний, характеризуют монгольскую военную организацию как систему, которая была основана на десятичном принципе деления войска и народа (10, 100, 10 000). Ее функционирование у кочевых народов Евразии уходит в седую древность. Достаточно четко десятичная модель войсковой организации зафиксирована у сюнну (первая известная кочевая империя — Хунну). При Маодунь-шаньюе десятичная система была распространена на все кочевое население хуннской империи, разверстанной по так называемой крыльевой (дуальной, триальной) структуре — левое, правое крыло и центр. Так, известный российский кочевниковед Н.Н. Крадин отмечает: «Важность “десятичного” принципа заключается в том, что иерархические системы в военном отношении гораздо выгоднее. Они способны гораздо быстрее организоваться из составляющих частей, нежели неиерархические организованные системы, состоящие из того же количества компонентов. Войско, имевшее более организованную структуру (при прочих факторах),

обладало значительным тактическим преимуществом в сравнении с войском, не имевшим никакой или худшую военную организацию» [1]. И это действительно так. Реальное бытование (действие на практике) десятичной военной организации в кочевой среде имело свою определенную специфику, которая заключалась в том, что сила владения — улуса (удела) у средневековых монголов «определялась, с одной стороны, количеством *ayilov*, то есть кочевых родов, а с другой стороны, количеством воинов (*cerig*), которые мог он выставить» [2]. В этой связи достаточно трудно однозначно согласиться с мнением некоторых исследователей, которые считают, что формирование монгольской армии шло с учетом не «родовой принадлежности», а исходя из «соображения здравого смысла» путем создания туменных и тысячных подразделений армии из разношерстной массы [3]. Как мне представляется, формирование военной организации любой армии — это сложное социальное явление и далеко не все здесь ясно.

При создании централизованного монгольского государства Чингиз-каан, как известно, сам формировал первоначальный руководящий состав монгольского войска через прямое назначение «тысячников» (выражаясь современным языком командиров полков) в количестве 95-ти человек. Например, в Тайной истории монголов 1240 г. (более известная как Сокровенное сказание) четко отмечается устами Чингиз-каана следующее: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако с (тысячниками) Тахаем и Ашихом». Другой сподвижник монгольского владыки, Онгур, отвечая на его вопрос о награде, которую он заслужил перед государем, сказал: «Если мне дозволено... выбирать, то дозволю мне собрать воедино братьев моих Баяутов, которые разбросаны и разметаны по всем концам». — «Хорошо — изволил он повелеть, — разрешаю тебе собрать твоих братьев Баяутов. Будь у них тысячником» [4]. Впрочем, в том же Сокровенном сказании есть также примеры создания воинских «тысяч» за счет представителей разных родов. С другой стороны, справедливости ради надо все же отметить, что по мере разрастания раннего монгольского государства до уровня всемирной империи («Еке Монгол Улус») монгольское военно-политическое руководство из-за расширения трансконтинентальных военных кампаний на Евразийском континенте и, соответственно, закономерного роста воинских контингентов за счет лояльных (союзных), насильственно мобилизованных племен и народов, естественно, стало отходить от комплектования вооруженных сил по кланово-родственному принципу и создание новых «десятков» «арбан», «сотен» «джагун», «тысяч» «минган» и, конечно, «десятитысячных» «тумен» отрядов шло за счет разноязычной массы. Источники, как восточные, так и западные, подтверждают такую «интернационализацию» монгольской армии. Более того, такой, так сказать, «военно-организационный замес» в перспективе привел к тому, что в «монгольской» армии численность этнических монголов (если быть точнее, выходцев с территории Центральной Азии и Монголии) не только уменьшилась, но и практически оказалась «распыленной» среди этой разнородной массы. По всей вероятности, этот процесс применительно к обозначенной нами теме протекал в следующих формах: монголы (сюда можно включать близких им выходцев из центральноазиатских племен) в

формируемой ими десятичной структуре армейской организации выполняли или, точнее, занимали командные функции на уровне десятников, сотников, тысячников. На это прямо указывают источники: «Строй свой они [то есть татарин, а над сотней человек — один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики никак не могли укрыться среди них, а если на войне случится как-либо выбить кому-нибудь из них, чтобы можно было заменить его без промедления, и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены» [5] — сообщает венгерский монах Юлиан. Так, этнический состав золотоордынской армии был крайне пестрым, так как «природных монголов» было очень мало. Помимо тюрков-кыпчаков, источники не раз упоминают отряды, набранные из русских, черкесов, маджаров, асов и др. Воинские части постоянно пополнялись за счет кочевников Дешт-и Кыпчака и других покоренных народов. «У султана этого государства рати Черкесов, Русских и Ясов... Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадой; сколько раз он убивал их мужчин, забирал в плен их жен и детей, уводил их рабами в разные страны» [6]. Весьма трудно (скорее всего, невозможно) будет подсчитать их количество. Рекрутированные «новобранцы», попадая в военную систему монголов, перенимали набор вооружения, военный костюм, воинскую дисциплину и даже прическу завоевателей, так что их порой иногда нельзя было отличить. В то же время и сами монголы через несколько поколений ассимилировались с местными кыпчаками, о чем свидетельствует ставшее хрестоматийным сообщение ал-Омари. Для нас является несомненным, что кыпчаки (в широком смысле тюркоязычные кочевники) со временем стали основным военно-людским ресурсом золотоордынской армии, развернутым по всем улусам джучидов.

Было бы интересно узнать, какое положение в военной иерархии Золотой Орды они занимали? Военачальники из их числа упоминаются в источниках наравне с остальными командирами (эмирами). Скорее всего, их удельный вес и военное значение менялись в зависимости от внутренней политической ситуации в Золотой Орде и силе патронажно-вассальных отношений с тем или иным правителем.

Таким образом, разноплеменной состав «десятков», «сотен», «тысяч» находился под руководством «настоящих монголов», а они — рядовые воины — принимали общее «общинно-родовое» имя племени (рода), откуда был выходцем их командир. Именно этот «энтропийный» процесс, например, в тюркской кочевой среде (Дешт-и Кыпчак, Могулистан) привел к обилию монгольских названий в традиционной тюркской родо-племенной номенклатуре — *барлас*, *мангыт*, *баарин*, *сулдуз*, *уйшун*, *меркит*, *курлаут*, *хушин*, *йисут* и т.д.

Управление все этой военной машины шло по нисходящей линии, когда «нойоны-тысячники, сотники и десятники обязуются довести об этом нашем [то есть Чингиз-каана — А.К.] указе до всеобщего сведения» [7], где, в случае невыполнения приказов вышестоящих командиров, следовало суровое наказание независимо от занимаемой должности и звания, вплоть до лишения жизни виновного. Об этой стороне военной жизни монголов существует всем

известное описание, оставленное Плано Карпини в § I его сочинения «О разделении войск»: «Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообщая, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются» [8]. Отсюда строжайшая дисциплина и внутренний порядок в монгольской армии, в которой все ее микроэлементы и составные части действовали как единый слаженно работающий военно-политический организм с бесперебойной точностью, которую можно было проверять по часам. Чего, к сожалению, не хватает некоторым народам, пытающимся до сих пор создать свою модель государственности...

Другой, не менее важный, вопрос касается реального состава десятков, сотен, тысяч и тем самым реальной численности монгольской армии. Все военно-обязанное население (прежде всего, кочевники) в монгольской империи было приписано к реально существовавшим десяткам — первичным ячейкам военной организации. Человеку, который был приписан к конкретному десятку, под страхом жесткого наказания запрещалось покидать данный десяток. При всей стройности и четкости такого военного деления есть серьезные сомнения в ее настоящем практическом функционировании в военной обстановке. Здесь речь идет не столько об изменении состава десятка, сотни и тысячи в силу объективных причин (например, боевые потери, свирепство заразных заболеваний), что было очень часто в средние века. В этой связи вполне уместно мнение такого авторитетного монголоведа, как Б.Я. Владимирцов, который писал, что «не следует забывать также того, что обозначение числовое *отоков* и *туманов* с течением времени могло перестать соответствовать действительности, и у нас в распоряжении много примеров, свидетельствующих о том, как старые названия с числовыми показателями *отоков* или *туманов* жили даже тогда, когда всем было ясно и очевидно несоответствие с действительностью. Возьмем название *Dosin Monggol*. Все хорошо знали, что сорока туманов монгольских давно уже не существует, тем не менее название это употребляется еще в XVII в.» [9]. Более того, можно сказать, продолжая мысль вышеназванного автора, что десятичная система при всей реальности ее существования была явлением лабильным и весьма изменчивым даже на протяжении не очень большого промежутка времени одного-двух поколений. В то же время существенно осложняет изучение этой проблемы то обстоятельство, что, по мнению монгольского исследователя Ч. Далай, монголы в период правления первых каанов «держали в тайне свою численность» [10]. На это косвенно указывают также материалы по золотоордынскому войску. Так, многие арабские и персидские авторы при приведении сведений о численности золотоордынской армии — 200 000, 250 000, 300 000, или было отправлено, мобилизовано 30 туменов, 60 туменов — одновременно оперируют такими понятиями: «так говорят», «рассказывают», «говорят» и т.д., таким образом, передавая данные, которые, естественно, никем не проверялись. По-видимому, в монгольской военной организации существовали специальные службы, которые с целью сокрытия настоящей мощи и силы монгольской армии

занимались специальной дезинформацией своих противников относительно численности и состава их войска. Отсюда искаженное (очень преувеличенное во много раз) как прошлое, так и современное представление о численности монгольских войск.

Как видно, после радикальных военно-политических преобразований, проведенных Потрясателем Вселенной, «монгольский народ превратился в "правильно организованное войско, в котором старинный родоплеменной принцип организации сменяется милиционно-территориальной системой с правильным делением на десятки, сотни, тысячи и тумены (10 тысяч)»», и что самое главное в рассматриваемой мной теме, «являющиеся одновременно и военно-мобилизационными и административными единицами» [11]. Как же в исторической действительности проходила военная мобилизация кочевников в монгольскую армию? Неужели весь десяток, занесенный в военно-мобилизационные списки, отправлялся на войну? Реально ли все боеспособное (прежде всего, мужское) население не только мобилизовать, но и обеспечить его полное материальное снабжение (вооружение, запасные кони, хозяйственно-бытовое обеспечение и т.д.)? Поднятые мной вопросы требуют ясного и адекватного ответа. При ответе на поставленные проблемы уместно обращение к письменным первоисточникам с их многократно доказанной исторической репрезентативностью. Считаю закономерным, что интересующий меня сюжет приведен в § 270 Сокровенного сказания, в котором речь идет о мобилизации и отправке военных сил на помощь знаменитому монгольскому военачальнику Субеетай-баатуру, проводившему покорение воинственных западных народов Евразии. Преемник своего великого отца каан Угэдэй издал указ, который гласил: «В отношении всех посылаемых в настоящий поход было повелено: **«Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны, и зятя»**». При этом Огодай-хан присовокупил: «Точно так же и настоящее положение, о посылке на войну старшего из сыновей, исходит от старшего брата, Чаада. Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетай. **По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско.** Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, острые. Вот почему я, Огодай-хан, повсеместно оповещаю о том, чтобы нам, со всею ревностью к слову нашего старшего брата Чаада, **неукоснительно выслать на войну старших сыновей.** И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие» [12]. Из этого текста четко видно, что в известный западный военный поход монголов 1236—1242 гг. были направлены как старшие сыновья царствующего «*Алтан уруга*» чингизидов, так и старшие отпрыски «нойонов-темников, тысячников, сотников и десятников» и простых воинов.

Думается, здесь и заложен ответ на первый, поставленный мной, вопрос и частично на третий. Расхожее и довольно распространенное мнение как среди историков, так и в широких кругах общественности о том, что в период военных действий все активное (военно-дееспособное) кочевое население отправлялось на войну, требует не только существенной поправки, но и может быть отвергнуто вообще. Во всяком случае, как мы убедились только что, достоверный исторический материал это опровергает.

При поиске ответа на второй вопрос мне попали данные по военному сбору монгольских войск для переднеазиатской военной кампании Хулагу, подробно описанному в сочинении знаменитого персидского историка монгольской эпохи Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих». Так, автор пишет, что после большого курултая Менгу-каан решил, чтобы «сверх этих войск, определили, чтобы из всех дружин Чингиз-хана, которые поделили между сыновьями, братьями и племянниками [его], на каждые десять человек выделили бы по два человека, не вошедших в счет, и передали в качестве инджу Хулагу-хану, чтобы они отправились вместе с ним и служили бы здесь. В силу этого все, назначив [людей] из своих сыновей, родичей и нукеров, отправили их вместе с войском на службу Хулагу-хану. По этой причине в этом царстве всегда были и есть эмиры из ханского рода и из родственников каждого из эмиров Чингиз-хана. Каждого [из них] назначили на наследственное поприще и дело» [13]. В другом месте своего труда Рашид ад-Дин также подчеркивает, что «еще при жизни Бату Менгу-каан назначил своего третьего брата, Хулагу-хана, с многочисленным войском в Иранскую землю и определил из войск каждого царевича по два человека с десятка, дабы они отправились вместе с Хулагу-ханом и стали его помощниками. Орда отправил через Хорезм и Дехистан своего старшего сына Кули с одним туманом войска, а Бату послал через Дербенд Кипчакский Балакана, сына Шейбана, и Тутара, сына Мингкадара, сына Бувала, седьмого сына Джучи-хана, чтобы они, прибыв, стали подкреплением войску Хулагу-хана, служили ему» [14]. Из этого отрывка становится понятным, что отбор волонтеров для этого похода проводился по принципу «от десятка по два человека». Это подтверждается и другими источниками. При мобилизации вооруженных сил золотоордынской армии Берке «отдал приказание, чтобы все войско, из каждого десятка по восемь человек село на коней» [15], «войско его [Токты — А.К.] было огромное. Говорят, что он (однажды) отрядил из каждого десятка по одному и что отряд достиг 150 000 человек» [16], встречается и невероятная численность мобилизованных — «...он (Токта) отрядил против него из каждого десятка по одному человеку, и число отряженных дошло до 250 000. Это, сказал Ну'ман, те, которые вошли в счет и смету сверх набора и добровольцев» [17].

Теперь становится ясно, что в монгольской военной системе уровень «десятка» (низшее звено) был основным в военной вертикальной организации, от которого велся отсчет. Данный «десяток» не только выделял требуемое количество воинов, но и занимался его военным обеспечением (боевые кони, транспортные лошади, вооружение, военное имущество). По словам того же Шейха Ала ад-дина Ну'мана, при отправлении на войну «каждый всадник... взял с собой двух слуг, 30 голов овец, пять голов коней, два

медных котла и телегу для перевозки оружия» [18]. Отсюда можно предположить, что «боевая тысяча» включала в себя от одной до нескольких тысяч тяжеловооруженных всадников, 3000—4000 оруженосцев (ев-огланов), участвующих в бою как вспомогательная сила, 1000 обозников, которые могли использоваться как пехота или легкая конница. Эта «тысяча», скорее всего, и была искомым туменом. В состав тумена также входил огромный обоз около 1000 арб, запасные, выючные кони и стада скота для пропитания. Кроме того, нередко привлекались «добровольцы» из военной молодежи, которые тоже могли отправляться на войну со своими приближенными и снаряжением и включались в состав тумена. Это заставляет нас пересмотреть утвердившееся представление о золотоордынской войне как об огромной массе легковооруженной кавалерии, «курсирующей» по безбрежным степным просторам Дешт-и Кыпчака.

Вполне вероятно, что воинская повинность распределялась по податному населению не только как обязанность служить в войсках, но подразумевала уплату обязательных военных налогов, приписанных к «десяткам» лиц. Понятно также, что весь «десяток» полностью никогда не отправлялся на войну. Случаи так называемой «тотальной мобилизации», видимо, были редки, но, тем не менее, как пишет один из авторов, «когда Берке услышал, что войско Хулагуна уже вторглось в страну, он сделал воззвание к своему войску, чтобы сажился на коня всякий, кому десять лет (и более) от роду. Село народу столько, что не видно было ни начала, ни конца» [19]. Такой вариант экстренного сбора военных сил можно считать крайней мерой описываемой действительности. Тем самым следует отметить, что численность тумена (войскового корпуса) могла варьироваться в пределах от 2 до 8 тысяч бойцов. Примерно в среднем в каждом тумене находилось в период боевых действий 5—6 тысяч человек, включая сюда и не боевые (обслуживающие, хозяйственные) части.

Как я отмечал выше, при постановке вопроса любое серьезное военное предприятие требует необходимого материально-технического обеспечения, без которого вообще трудно представить себе проведение активных боевых действий. «Поэтому, — продолжает Рашид ад-Дин, — когда это назначение было сделано, [Менгу-каан] послал в Китай гонцов, чтобы доставили тысячу китайцев камнеметчиков, огнеметчиков и арбалетчиков. Вперед выслали гонцов, чтобы они на протяжении принятого в расчет перехода войск Хулагу-хана от начала Каракорума до берегов Джейхуна объявили заповедниками все луговья и пастбища и навели прочные мосты на глубоких протоках и реках. Было повелено, чтобы Байджу-нойон и дружины, которые до этого прибыли с Чурмагуном, отправились в Рум и со всех владений на каждого человека приготовили бы для довольствия войск по одному тагару муки и бурдюку вина. Затем царевичи и нойоны, которые были снаряжены, с ратными тысячами и сотнями двинулись в поход. Вперед отправили головным отрядом Китбука-нойона, из рода найман, имевшего чин баурчия, с двенадцатью тысячами человек, и он поспешно устремился вперед» [20]. Указание на ратные (то есть боевые «сотни» и «тысячи») косвенно подтверждает мое мнение о том, что, по всей вероятности, в структуре войска существовали какие-то не боевые соединения (выполнявшие другие, например, хозяйственные функции).

Разнообразная (многовариантная) тактическая модель поведения монгольской армии в бою была и остается объектом постоянного внимания как в специальной (военной, научной), так и в широкой популярно-публицистической литературе [21]*. Интересно, что военное искусство средневековых монголов преподается в лучших военных академиях мира (например, французском Сен-Сире, американском Вест Пойнте). А нацистский генерал-фельдмаршал Э. Роммель в период второй мировой войны специально изучал военные операции монголов при планировании своих военных действий. Также обращался к опыту военных действий монгольской армии американский генерал Паттон. Военное дело монголов внимательно анализируется современными американскими военными экспертами**, которые пришли к заключению, что монгольская армия XIII—XIV вв. — это вооруженная сила, которая далеко опередила свое время и может считаться по своим боевым качествам армией XX в. [22]. С точки зрения авторитетного российского специалиста по вооружению кочевых народов Центральной Азии Ю.С. Худякова, «многое в тактике монголов XIII в. настолько современно, что заслуживает самого глубокого изучения» [23]. В общем спектре интереса к тактическим приемам монголов в бою для нас очень важным, считаю, является исследование тактико-технических возможностей монгольских войск в полевом сражении на равнинной (открытой) местности, так как именно здесь проявлялись типологически-характерные черты формы ведения военных действий, а на этой основе также можно понять и, соответственно, правильно интерпретировать не только достижения и особенности оперативно-тактического мышления их командного состава, но и, используя методику диахронно-синхронного исследования, разработать в дальнейшем типологию военного искусства евразийских кочевников в целом.

Монгольские военачальники накануне любого сражения особое значение придавали месту (расположение, ландшафт, наличие естественных возвышенностей, лесных массивов, водоемов и т.д.) предстоящего боевого столкновения, так как его благоприятный исход зависел во многом от этого. Одним из главных элементов тактического искусства кочевников являлся не только выбор поля боя, но и его навязывание неприятелю. По словам знаменитого средневекового итальянского путешественника Марко Поло, «Чингисхан со всем своим народом пришел на большую, славную равнину по имени Ивана [киреитский Тоорил Ван-хан — А.К.], Тандук, тут он стал станом; и было их там много, никто, скажу вам, и счету им не знал. Пришла весть, что идет сюда поп Иван; обрадовался Чингисхан; равнина была большая, было где сразиться, поджидал он его сюда, хотелось ему сразиться с ним». Его противник «выступил... со своими против него; и все шел, пока не дошел до той самой равнины Тандук, и тут, в двадцати милях от Чингисхана, стал станом; отдыхали здесь обе стороны, чтобы ко дню схватки быть посвежее да пободрее. Так-то, как вы слышали, сошлись на той равнине Тандук две величайшие рати» [24].

* Работы западных исследователей: Синора Д., Питтард Дж. М. любезно предоставлены кандидатом исторических наук В.П. Костюковым (г. Челябинск), которому приношу глубокую признательность.

** См. интервью американского историка Д. Райта (телеканал «Астана»); историко-документальный фильм «Тайны Чингис-хана», 2004 г. Переведен на русский язык в 2006 г.

В другом месте своего информационно-насыщенного сочинения этот автор также указывает, что «*пошел великий хан [то есть Хубилай — А.К.] со своей ратью в поход и дней через двадцать пришел на равнину, где был Наян со своим войском*» [25], однажды, «*все татары, двенадцать тысяч всадников, собрались на равнину Вочиан, тут они ждали врага сразиться с ним; и было то ловким делом умного военачальника. У той равнины, знайте, был густой лес. И вот так-то, как мы слышали, поджидали врага в равнине татары*» [26]; «*стал тогда Акомат станом на очень большой и прекрасной равнине и решил там подождать Аргона; потому что хорошо было тут драться*» [27]; «*снарядился царь Токтай и поехал; пошел в поход со всеми своими воинами; вел он с собою двести тысяч конных. Скакали они без всяких приключений до тех пор, пока не приехали в славную и великую равнину Нерги. Тут он стал станом и поджидал Ногая: знал он, что и тот спешит на битву*» [28]; «*сошлись два царя на равнине Нерги и стали отдыхать, чтобы быть свежими и не утомленными в день битвы*» [29]. Думается, таких сведений достаточно, чтобы сделать предположение (или даже вывод) о том, что монгольские полководцы старались вести боевые действия на территории с обширным плоским рельефом. Открытое пространство выбиралось с таким расчетом, чтобы воинские соединения, принимавшие участие в сражении, получили оперативный простор для развертывания и глубокого маневра, что давало возможность свободно перемещать свои силы, так как войска кочевников были преимущественно конно-мобильными подразделениями, которые охватывали (включали) весь (если так можно выразиться) «рабочий ландшафт». Недостаток такого оперативного простора ставил боевые единицы кочевников в сжатое (стесненное) положение и не позволял своевременно и гибко реагировать на постоянные изменения в ходе боя войсковым начальникам. В качестве наглядного примера можно вспомнить тактическую неудачу золотоордынской армии беклярбека Мамай в Куликовской битве 8 сентября 1380 г., когда ордынцам не удалось охватить фланги русского войска из-за того, что они были прикрыты болотистой местностью. На равнинной местности также можно было предугадать контрманевр врага, не позволить ему внезапно окружить собственные фланги, предотвратить его непредсказуемый удар по наиболее уязвимым местам собственного боевого построения, исключить опасность атаки с тыла, быстрее и эффективнее нейтрализовать неблагоприятный ход битвы и т.д.

Другим немаловажным фактором успешного завершения планируемого боя являлось умелое и грамотное построение войск на поле брани. В основу полевого расположения воинских контингентов кочевников был положен наиболее апробированный принцип разделения армии на три (реже две) взаимосвязанные составные части: *барунгар*, *он кол* (правое крыло, фланг), *джунгар*, *сол кол* (левое крыло, фланг) — игравшие роль ведущих фланговых группировок, *гол* или *Улуг кул* (центр, Великий центр), где располагался «Великий средний полк». Переднюю линию войска составлял караул, хараул, выдвинутый на определенном расстоянии от главного строя, впереди которого ставился *манкыла* — авангардный отряд (другое монгольское название — *туму*) — передовой отряд, а позади основного состава (*асль*) базировался *арьергард* — *кечка*, который прикрывал тылы. Боевое построение в глубину кочевых армий могло достигать нескольких базовых линий — три, четыре и более. Так, по уложению

Амира Тимура — преемника монгольского военного искусства в XIV—XV вв. боевой строй его войск доходил до семи-восьми линий, который пробить было практически невозможно. В монгольских войсках, прежде всего, тяжеловооруженная кавалерия, полностью защищенная доспехами вместе с боевыми конями, располагалась в середине и по флангам боевых сил, оснащенная длинными копьями и пиками — *джида*, ударными средствами — *гулда* (булавы, палицы), саблями — *хэлмэ* и мечами — *йулду*, *мэсэ* выстраивались в сомкнутые шеренги, что усиливало плотность бронестойкой атаки. Легковооруженные воины, имевшие на вооружении тугие (большие) луки (обычно их было два), дротики и сабли, занимали передовые позиции и крайние части флангов (*канбул*), тем самым прикрывали с фронта основные (бронестойкие) тактические единицы и традиционно начинали (завязывали) сражение посредством непрерывного дистанционного обстрела врага специальными дальнебойными (тяжелыми) стрелами.

При оперативно-стратегическом планировании крупномасштабных военных операций монгольское командование делило наличные вооруженные силы на две-три и более основные войсковые группы: сторожевое *лашкар-и-караул*, передовое *алгинчи* войско и главные силы, которые сопровождали высокоомобильные дозорные *дидбан*, разведывательные *езек*, отряды, направленные широко по сторонам и далеко вперед. В этих летучих отрядах находились специальные проводники (опытные следопыты) *гачарчи* и *кылауз* — знатоки этого региона и театра военных действий, набравшиеся также из местных жителей. По оценке западного исследователя Д. Синора, «скоординированные продвижения монгольских отрядов, разделенных тысячами миль, могли быть достигнуты только твердым следованием плану, который обязывал отдельных командующих появляться в должное время в должном месте, и вместе с тем оставлял на их усмотрение действия между контрольными датами» [30].

Монгольские боевые караулы (иначе сторожевые отряды, не путать с *хараулом* войска), прочесывая территорию, должны были определить местонахождение и сторону направления движения и численность неприятеля, обозреть место предстоящей битвы. С географическим пространством будущего сражения знакомился также хан и его военачальники. После обязательного усиленного (многодневного) отдыха, вооружившись и надев боевые доспехи, к полю брани войска передвигались отдельными подразделениями — колоннами (*ясал*) в режиме *мурчил* (определенный порядок, в котором следуют друг за другом отряды войск в походе и на военных мероприятиях) «волна за волной, полк за полком подходило оно. Как только подходили они, так тут же начинали принимать напротив него боевой порядок. Выстроили несколько боевых линий. [Когда] подтянулись последние полки, то разглядеть края их войска стало невозможно» [31], — повествует источник. Выстраивание линий боевого строя осуществлялось под командованием специальных «офицеров» (*ясаулов*), ведавших размещением войска в бою, на смотрах. Высшее военное командование в лице хана (или главнокомандующего) и его окружения специально располагалось на самой высокой точке оперативного пространства — естественные возвышенности (холмы, бугры) позади войска. «Великий хан, как я сказал — подчеркивает М. Поло, — стал на возвышении, в тереме...» [32], с которого он обозревал ход боя, отдавал

соответствующие приказы и команды, то есть руководил и направлял действия своей армии. Координация боевых действий осуществлялась с помощью барабанов (*накар*), знамен (*туг*), штандартов-бунчуков, труб, стрел, боевых кличей (*уран*, *сурен*), светодымовых эффектов. Например, сигналом к атаке был удар большого барабана. «Изготовились и выстроились, забил накар, и немедля обе стороны побежали друг на друга» [33]. В ханской ставке, как правило, находились отборные гвардейские части (*кешиг*, *турхауд*, *бахадур*), которые не только охраняли «мозговой центр» войска, но и функционально исполняли роль тактического резерва.

О тактических приемах средневековых монголов сохранилось большое количество сведений, которые свидетельствуют о том, что в полевом бою они старались, главным образом, окружить (охватить) неприятеля с разных сторон. Это древний кочевнический прием (кстати, весьма сложный по исполнению) был выработан на протяжении веков на больших коллективных облавных охотах, а затем был перенесен в тактическую модель военных действий евразийских кочевников. Вот как говорят об этом источники: «Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели их противники, и таким образом *окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон*. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много» [34]. Поэтому папский посол и разведчик П. Карпини настоятельно советует при встрече с монголами: 1) «всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда; *ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середину; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение*», 2) «если возможно, то место для сражения должно выбрать такое, где простирается гладкая равнина и Татар можно отовсюду видеть; если можно, *то с тыла или с боку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы Татары не могли проникнуть между войском и лесом*» [35]. В то же время этот средневековый очевидец, характеризуя военное дело монголов, особо подчеркивает, что «однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой» [36]. Другой информатор — брат це Бридиа существенно дополняет: «Когда же они должны сойтись с врагами, многие из них вооружаются большим количеством колчанов и стрел, и прежде чем стрелы противника достигнут их, они выпускают свои, даже если это преждевременно и они не могут выпускать [стрелы] прицельно. *А когда они могут достать [противника] стрелами беспрепятственно, говорят, что [это напоминает] скорее дождь, чем летящие стрелы*. И это [происходит] по причине крайней густоты [летящих] стрел» [37]. Действительно, кочевые народы при боевом столкновении придерживались или, если быть точнее, предпочитали дистанционный конно-лучный бой на большом расстоянии, оставаясь при этом недосягаемыми для своего противника. Например, еще до н.э. «хунну не изменили своей тактике и не ввязывались в ближний бой. Они медленно отступали, держа ханьские войска на дистанции, и обескровливали их массированным обстрелом из луков» [38].

Начальному этапу боевого столкновения монголы придавали первенствующее значение, так как очень часто от этого зависел дальнейший процесс всего боя. Венгерский монах Юлиан акцентирует внимание на следующем обстоятельстве: «Сообщу вам о войне по правде следующее. Говорят, что стреляют они дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются» [39]. Об этом же неоднократно сообщает и Марко Поло: «Стрелами, как дождем, воздух переполнился. Мертвые всадники и кони падали на землю; «схватились за луки и стали пускать стрелы. Переполнился весь воздух стрелами, словно дождем; много людей и коней было смертельно поранено»; «и видно было, как стрелы пускались и летели во все стороны; словно дождем, наполнился воздух стрелами»; «и видно было, как стрелы пускались и летали повсюду, да так часто, словно дождь с неба»; в битве между Берке и Хулагу войска «схватились за луки, пускают стрелы и метят ими во врага. Летают стрелы с той и другой стороны, и через немного времени воздух ими так наполнился, что и неба не было видно. Видно было, как много людей падало на землю и много также коней; и должны вы этому верить: не могло быть иначе, столько стрел зараз было выпущено. Не переставали они пускать стрелы до тех пор, пока стрелы были в колчане, и вся земля покрылась мертвыми и насмерть ранеными» [40]. Боезапас различных типов стрел (бронестрел, дальнебойных и др.), по-видимому, был достаточен для такого кучного (густого) многозалпового непрерывного обстрела и держал их противников в постоянном психологическом напряжении. У монгольских кочевников «заведено, чтобы каждый воин в сражении имел шестьдесят стрел; тридцать маленьких — метать и тридцать больших с железными широкими наконечниками; их они бросают вблизи, в лицо, в руки, перерезывают ими тетивы и много вреда наносят ими друг другу; после того как перестреляют все стрелы, берутся они за мечи и палицы и крепко дерутся» [41]. Такое преимущественное использование ручных метательных средств у монголов привело самого Юлиана к ошибочному мнению, что «мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно» [42].

В случае «если же они застают врагов неготовыми [к сражению], то неожиданно окружают их, словно венцом [то есть со всех сторон] и гонят их по одному [специально оставленному] пути, с тем чтобы они побежали, и как бы обрушиваются на них, метая без меры [стрелы]». Так что если кто-либо в середине [не продолжает] сражаться, то погибает, спасаясь бегством. Поэтому я полагаю, что лучше умереть, достойно сражаясь, чем высматривать [путь] для позорного бегства» [43]. Последний совет брата це де Бридиа достаточно разумен, так как при массовом бегстве воинов этот хаос и паника во вражеском войске, что примечательно, контролировались и обращались в нужном им направлении самими монголами, которые посредством открытия ложного прохода (выхода) из созданного ими кольца стремились как можно плотнее сбить бегущих в кучу, тем самым стремясь подвести (подогнать) под массированный многосторонний обстрел своих лучников. Поэтому в этой фазе боя убитых, что неудивительно, было иногда больше, чем пораженных непосредственно в самом сражении. По моему мнению, и этот тактический прием был заимствован из опыта проведения облавных охот, когда охотники

сгоняли зверя и в определенной точке расстреливали из луков несчастных животных, а потом добивали его копьями и ножами. В подтверждение этого довода уместно, как мне кажется, сослаться на мнение персидского историка XIII в. Джувейни, который писал, что монголы, «когда они не заняты военным делом, то всегда занимаются охотой и войско свое к тому приучают, и не только ради добычи, но также для того, чтобы воины были привычны к охоте и обучались стрельбе из лука и перенесению тягот» [44]. Таким образом, Чингис-каан и вообще все кочевники рассматривали охотничий промысел как специальную тренировку для своих бойцов.

Скорее всего, вполне уверенно можно говорить, что в начальный период боя монголы применяли на значительном (безопасном для себя) расстоянии лук и стрелы, ставя боевую задачу нанести максимальный урон врагу, перебив и ранив его людей и лошадей и тем самым расстроив его боевые порядки. После этого отправляли в наступление тяжелую конницу, пускали в ход боевые средства первого удара — копы, пики, буквально яростно тараня и рассекая боевые ряды противника, а затем уже применяли палицы, булавы, сабли и мечи. Иначе говоря, тактическая схема боя у монголов реконструируется следующим образом: первая стадия — дистанционный конно-лучный бой, вторая — рукопашная схватка и третья (завершающая) — преследование и окончательный разгром неприятеля. Такая последовательность применения оружейного комплекса — 1) ручные метательные средства, 2) колюще-режущее древковое оружие, 3) предметы ближнего боя — находит как логическое, так и, что очень важно, практическое подтверждение. И, тем не менее, это не исключает других еще более сложных комбинаций боя, которые могли меняться стремительно, в зависимости от конкретно-тактической боевой обстановки. Вполне естественно, что наглядным результатом «работы» монгольского оружия после боевого столкновения с неприятелем были утыканные стрелами тела, проломленные черепа и разбитые вдребезги (отрубленные) головы, разрубленные плечи и ключицы, отсеченные руки и пальцы, изуродованные конечности, кровоточащие раны и пр., что не поддается просто описанию.

При наступлении своей армии по фронту монголы выставляли отряды, набранные из побежденных народов и племен. «Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь Татары» [45]. Такой прием давал возможность, прежде всего, уменьшить собственные боевые потери, а с другой стороны, изматывал и ослаблял противника. При активной атаке врага монголы использовали отряды военнопленных (или выступавших на их стороне) для распространения ложной дезинформации прямо во время боя. Так, в знаменитом сражении под Лигницей 9 апреля 1241 г. при наступлении европейского крестоносного воинства «в это время, некий татарский отряд, неизвестно — русского либо татарского происхождения, очень быстро перемещаясь здесь и там между одним и другим войском, ужасно кричал, обращая к обоим войскам противоположные слова. Орал по-польски: «*Biegajcie, biegalcie*», что значит: «Бегите, бегите», приводя поляков в оторопь, по-татарски же призывал татар к битве и стойкости. На то опольский князь Мечислав, уверенный, что это крик не врага, но друга, который подает правдивый, а не обманный знак, бросил битву и бежал,

увлекая за собой большое число воинов, особенно тех, кто был подчинен ему в третьем отряде. Когда князь Генрих увидел то собственными глазами и когда ему донесли об этом другие, начал вздыхать и плакать, говоря: "Gorze nam sie stalo", что означало: "Пало на нас великое несчастье". А «татарское войско, повернув со страшным криком на поляков, прорвало до тех пор крепкий их строй и нанесло им великое поражение» [46]. Более чем понятны, что под этим «татарским» отрядом скрывались русские, насильственно мобилизованные в период «Батыева нашествия» на Русь в 1237—1240 гг. и использовавшиеся в качестве своеобразного «психологического оружия» — «паникеры», «труссы».

Очень часто при продуманном (организованном) отходе монголы «в битвах с врагом берут верх вот как: убегать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно, да сильно так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражьи коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает, оттого что кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражьи коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага. Вот так-то побеждали они во многих битвах и коней, и людей много, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражьи коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага. Но классический прием кочевников заключался в том, что легкие отряды монголов, открыв сражение, намеренно отступали, имитируя бегство и выманивая врага в засаду под атаку своей тяжеловооруженной конницы. Или же выводили (заводили) неприятельское войско в заранее подготовленное окружение и били его со всех сторон. Неоднократно кочевники применяли при лобовом, фронтальном столкновении с вражеским войском метод «глубокого втягивания» его боевых порядков в собственное расположение, преследуя задачу не только обескровить и остановить опасное наступление, жертвуя при этом своими передними линиями, состоявшими, как мы знаем, из покоренных народов и выполнявших при таком раскладе роль «пушечного мяса», но и, замедлив атаку путем «увязания» его основных ударных частей, нанести мощный концентрированный удар с помощью своих панцирных фланговых группировок с двух сторон. Использовали монгольские полководцы и неожиданный удар с одного из флангов. На территории Северного Китая, в период цзиньской кампании, «Чингис-хан вступил в бой с войсками Хада, Иле и Хобегетура и потеснил Иле и Хада. Тулуй же с Чугу-курженом ударили наперерез (с фланга) и вынудили к отступлению Улаан-дегилена. Тесня войска Иле и Хада, наши разбили их, и началось такое истребление Китадцев, как будто бы мы ломали сухие сучья» [48]. Боевой строй сражающихся войск мог постоянно меняться. Так, монгольские воины, двинувшись вперед и сблизившись с неприятелем на пересеченной местности, как в сражении при урочище Койтен, «теснили друг друга, поднимаясь в гору и спускаясь в долину. С боем перестраивались» [49] в зависимости от складывающейся текущей тактической ситуации. Для того чтобы внушить противнику неуверенность в своих силах, монгольские воина-чальники выстраивали на отдаленном расстоянии маскировочное войско: «А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как

сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство» [50].

Знали, по всей вероятности, монголы и секрет химического оружия (отравляющие вещества), которые они использовали в битвах. «Была в татарском войске среди иных хоругвей одна гигантская, на которой виднелся такой знак: Х. На древке же той хоругви было подобие отвратительной черной головы с подбородком, укрытым порослью. Когда татары отступили и склонялись уже к побегу, знаменосец при том штандарте как можно сильнее потрясал той головой, торчащей высоко на древке. Изошли из нее тот час же и разошлись над всем польским войском пар, дым и туман с такой сильной вонью, что в силу ужасного и несносного смрада сражающиеся поляки едва ли не сомлели и, став едва живыми, оказались неспособны к битве» [51]. Таковы некоторые детали тактических приемов, применявшихся монголами в боевых условиях.

Понятно, что монгольская армия представляла собой по своему составу и внутренней структуре сложный военный механизм, ориентированный на выполнение крупномасштабных военно-стратегических и геополитических задач и была главным фактором военно-политического могущества монгольских императоров. По всей видимости, полной мобилизации никогда не предпринималось в монгольской военной организации, так как, помимо отбывания военной повинности, военнообязанные платили налоги, исполняли почтовую службу, участвовали в организации охот и, наконец, хозяйственная деятельность — кочевое скотоводство. Записанные в десятки и сотни воины призывались по мере необходимости вышестоящим специальным военно-мобилизационным управлением (или чиновниками), которое, как я считаю, отвечало (и) за организацию воинского набора. Главной военно-организационной единицей армии при мобилизации по монгольской военной традиции был тумен (вначале тысяча), который обычно располагался в пределах территории одного улуса. Не исключено, что их могло быть несколько. В случае призыва на войну, начиная с низших воинских единиц — «десятков», шел армейский набор в среднем от 10 человек — 1 или реже 2, 3 бойца. Один тумен мог отправить на войну несколько тысяч полностью снаряженных воинов, включая сюда и вспомогательные части. Следует указать, что тумен — это не улусное войско, а военно-административная и даже хозяйственная единица, которая может оснастить и выставить определенное число военнообязанных, например, как в вышеуказанном случае, от конкретного десятка — 1 или 2. Таким образом, надо различать два понятия: «тумен» — как административная (экономическая, налоговая) единица и «войсковой тумен» — как армейская (полевая) единица. Читая источники, действительно, очень затруднительно говорить, о каком количестве войск идет речь: то ли о настоящем (реальном) числе полевых частей или о туменах, в которых числились мобилизованные. Армейские тумены делились на отдельные боевые подразделения — тысячи, которые, в свою очередь, состояли из кошунов численностью 200—500 всадников. В зависимости от количества набираемых воинов, численность тумена могла быть в среднем от 3000 до 8000 человек. Высокоэффективная десятичная система монгольской армии была одним из основных элементов их военной мощи, которая на долгие века определила военно-организационную структуру тюрко-монгольских кочевников, оказала большое влияние на под-

властные им народы. При внимательном ознакомлении с первоисточниками монгольского периода многие устоявшиеся стереотипы и растиражированные «ретроспективные штампы» предшествующего времени заставляют не только существенно изменить наше представление о монгольских завоеваниях, но и требуют качественной переоценки и создания более реального мировидения происходившего исторического процесса. Для истории казахов и Казахстана монгольский период — это тот исторический фундамент, на основе которого и появилась традиционная казахская государственность позднего средневековья, и его многостороннее осмысление поможет понять многие неразрешенные вопросы как прошлого, так и злободневные проблемы нашего беспокойного времени.

Если исходить из изложенных данных, то можно предварительно выделить, что в основе наиболее отработанных методов монгольского полевого боя лежал общий тактический (по сути, кочевнический) стандарт — окружение, охват боевых сил противника (более конкретнее — «нависание» — доминирование над флангами) или его наиболее дееспособных частей, что достигалось за счет полного контроля и господства над «рабочим полем» сражения. Очевидно, что территория будущего сражения не только предварительно выбиралась по наиболее существенным признакам (критериям), но как-то заранее готовилась (осваивалась?). Военно-организационная структура полевого построения монгольской армии была очень гибкой и рассчитана на проведение сложных тактико-технических комбинаций: провоцирование движения вражеской армии в нужном направлении, умение вытянуть его боевые единицы под свой тяжелый удар, перемещение и перестройка фланговых крыльев, организованный отход и его остановка, неожиданный для врага фланговый (тыльный, боковой) удар, имитация беспорядочного отступления и внезапное окружение и т.д. Все эти действия выполнялись воинскими единицами с феноменальной точностью и результативностью, чему способствовала хорошая двусторонняя связь между рядовым составом и их командирами, а также высокая боевая выучка простых воинов и тренировка коней. В немалой степени военному успеху кочевников способствовало то обстоятельство, что они обладали военно-психологическим (дух войска) превосходством над врагом. Оперативно-тактическая игра, «предлагаемая» монгольским командованием, не давала никаких шансов и возможностей их оппонентам претворить на практике свой план боя, и они были вынуждены очень часто (вольно или невольно) исполнять ту роль, которая им была уготована. Изучение монгольской тактики показывает, что центральноазиатским кочевникам удалось сформировать и запустить одну из самых агрессивных и совершенных «технологий войны», когда-либо созданных человечеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крадин Н.Н. Империя Хунну. — М.: Логос, 2001. — С. 59, 147, 151, 197, 208—209; он же. Кочевые общества: проблемы формационной характеристики. — Владивосток, 1992. — С. 142—143.
2. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — С. 101.
3. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. — М.: Наука, 1993. — С. 29.
4. Сокровенное сказание или Монгольский обыденный изборник. Монгольская хроника 1240 г. «Сокровенное сказание» / Пер. С.А. Козина. — М.-Л., 1941; Улан-Удэ, 1990. — § 207, с. 104, § 213, с. 107.
5. Доминиканец Юлиан о Монголо-Татарии 1235—1237 / Пер. С.А. Аннинского // Мир Льва Гумилева. Каспийский транзит. Арабские истории (составление и подготовка издания А.И. Куржи). Вып. 5-6. — М.: ДИ ДИК Танаис, 1996. — Т. 1. — С. 28—29.
6. Из сочинения ибн Фадлаллаха ал-Умари // (СМИЗО Т. 1). Сб. мат-лов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005 (2-е изд.). — С. 171.
7. Сокровенное сказание... § 224, с. 112.
8. Карпини П., Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 49—50.
9. Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С. 157.
10. Далай Ч. Монголия в XIII—XIV вв. — М.: Наука, 1983. — С. 55.
11. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — С. 290.
12. Сокровенное сказание... С. 138—139.
13. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — Т. III. — С. 23.
14. Там же. 1960. — Т. II. — С. 69, 81.
15. Из Истории Вассафа. (СМИЗО Т. 11) Сб. мат-лов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 11. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен. — Алматы: Дайк-Пресс, 2006 (2-е изд.). — С. 164.
16. Из летописи Бадра ад-дина ал-Айни. СМИЗО. — Т. 1. — С. 360.
17. Из сочинения ибн Фадлаллаха ал-Умари. СМИЗО. — Т. 1. — С. 178.
18. Там же.
19. Из сочинения Ибн Васила. СМИЗО. — Т. 1. — С. 84.
20. Рашид ад-Дин. Сборник летописей... Т. III. — С. 23.
21. Д'Оссон К. От Чингисхана до Тамерлана / Пер. и предисл. проф. Н. Козьмина. 2-е изд. — Алматы: Санат, 1996; Иванов М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. — СПб., 1875; Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. — Новосибирск: Наука, 1991; Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 155—160; он же. Армии монголо-татар X—XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. — М.: Восточный горизонт, 2002; Sinor Denis. The Mongols in the West // Journal of Asian History. — 1999. — Vol. 33. — No. 1. — Pp. 1—44; Chambers, J. The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. — London, 2001; Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. — М.: ЛЮКС, 2005 и мн. др.
22. Pittard, Dana J.M. 13th Century Mongol Warfare: Classical Military Strategy of Operational Art? // School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth. — Kansas, 1994. — 53 p.
23. Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 166.
24. Книга Марко Поло. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. — Алма-Ата: Наука, 1990. — С. 78—79.
25. Там же. С. 91.
26. Там же. С. 130.
27. Там же. С. 198.
28. Там же. С. 215.
29. Там же. С. 216.
30. Sinor, D. On Mongol Strategy // Proceedings of the Fourth East Asian Altaistic Conference, edited by Ch'en Chieh-hsie. — Tainan, 1975. — Pp. 238—249.
31. Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дост. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскрип., текстолог. примеч., исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусеитовой. — Алма-Ата: Гылым, 1992. — С. 98.
32. Книга Марко Поло... С. 92.
33. Там же. С. 92, 194, 197, 212.

34. Джованни дель Пано Карпини. История монголов. С. 53; *Dlugos, J. Historia Polonicae* / Пер. с сайта «Восточная литература» // <http://www.vostlit.info>.
35. Там же. С. 63, 62—63.
36. Там же. С. 53.
37. *Hystoria Tartarorum fratri C. de Bridia* (История тартар брата Ц. де Бридия) // Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 г. / Критич. текст, пер. с латыни Истории Тартар брата Ц. де Бридия С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспозиция, исследование и указатели А.Г. Юрченко. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 97, 124.
38. Крадин Н.Н. Указ. соч. С. 121.
39. Доминиканец Юлиан о Монголо-Татарии 1235—1237... С. 28.
40. Книга Марко Поло... С. 92, 194, 197, 202, 212.
41. Там же. С. 193.
42. Доминиканец Юлиан о Монголо-Татарии 1235—1237... С. 70, 89.
43. *Hystoria Tartarorum fratri C. de Bridia*... С. 97; Сокровенное сказание... С. 70, 89.
44. История Казахстана в персидских источниках. Извлечения из сочинений XIII—XIX вв. / Отв. ред. М.Х. Абусеитова; сост. М.Х. Абусеитова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — Т. V. — С. 13; История Золотой Орды: Сб. мат.-пов. / Сост.: Б.Г. Вовина, А.П. Кожанов, Т.В. Никулина. — СПб.: Европейский Дом, 2003. — С. 35 и др. источники.
45. Джованни дель Пано Карпини. Указ. соч. С. 53.
46. *Dlugos, J. Op. cit.*; Матвей Меховский, Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — С. 53.
47. Книга Марко Поло... С. 82.
48. Сокровенное сказание... § 251, с. 126.
49. Там же. § 143, с. 55.
50. Джованни дель Пано Карпини. Указ. соч. С. 53.
51. *Dlugos, J. Op. cit.*

Summary

Priority tasks of Kazakhstan's OSCE Presidency

Sarsembayev M.A. — *Member of Central Election Commission, Doctor of Juridical Sciences, Professor of International Law*

In his speech at the opening of the second session of the Parliament of the Republic of Kazakhstan on 2 September 2008, Kazakhstan's President Nursultan Nazarbayev stressed that Government program «Path to Europe» is aimed to raising at «the level of strategic partnership with the European countries on all aspects»: in trade and economic sphere, in the field of innovation technologies, energy, transport, technical regulation, in the sphere of development of small and medium-sized businesses, in the field of quality of life in

humanitarian dimension». According to the author, Kazakhstan as the chairman of OSCE faces a task on maintenance of the triune approach to solution of problems: military-political, economic-ecological and humanitarian approach.

With a view of maintenance qualitative Kazakhstan's presidency, it should be working out today issues of the agenda for sessions of OSCE leading bodies and to bring to their attention OSCE till 2010.

In defense of Greater Central Asia

S. Frederik Starr — *Chairman of the Central Asia-Caucasus Institute at Paul H. Nitze School of Advanced International Studies, Washington, District of Columbia*

The author tries to make an attempt to prove Central Asia as existing historical-geographical region. The idea of an open Greater Central Asia that is an economic and transport centre rather than a periphery, and a self-determined subject of international affairs rather than a pliable object, is nothing new. No less, it

arises from two thousand years of history including eras when Greater Central Asia was indeed central to the world in a political, economic and civilizational sense. With competent governance within the region and restraint from the external powers, Greater Central Asia can regain some of that glory today.

The Asian vector of security of the Republic of Kazakhstan: strengthening and development of CICMA

Fedoseyev S.G. — President of the Center for Military and Strategic Studies, Doctor of Political Sciences

In the Message of Kazakhstan's President Nursultan Nazarbayev on 7 February 2008, special attention has been paid to such initiatives as CICMA, SCO and CSTO, which foundations have been laid with direct participation of Kazakhstan. Conference on Interaction and Confidence-building Measures in Asia (CICMA) is the first high level

foreign policy project, directed on collective security and consent in Asia and on exception of military aggression. The author of the article gives a full review to evolution development of this organisation and comes to a conclusion that further development of CICMA can give possibility of creation of the Asian security system.

Contemporary tendencies of presidential regime's evolution in Kazakhstan

Gabzhalilov A.Kh. — Candidate of Political Sciences

Contemporary Kazakhstan is a stable, safe and steady state with high rates of economic and social development. Interethnic world and consent represent a unique example for many countries of the world. It is obvious that it became result of the verified and effective policy, management within the frameworks of existing presidential

regime. The author results opinion that transition to the democratic goals of Kazakhstan's development became possible owing to independence and presidential regime's establishment. Further, the author considers evolution of presidential regime's development, presents both negative and positive sides.

Social optimism as sociological discovery and ideology in Kazakhstan

Kononov S.A. — Candidate of Sociological Sciences, senior lecturer of sociology department at Eurasian National University named after L. Gumilev

Analyzing social well-being of Kazakhstan people, the author noted that within a half-year up to solemn celebrating of the 10th anniversary of Astana, the public consciousness constantly received signals and resources, promoting the general rise of the nation's spirit. On such

positive wave of rising social wellbeing, social optimism, as one of base ideologue, has been openly articulated for the first time. According to the author, optimism is an ideology, which accompanies Government's political reversal towards development of the human capital.

Youth as the factor of civilizational development of the Republic of Kazakhstan

Ivanov I.P. — Lecturer of political science at Kazakh-German University

The article is devoted to the pressing issue, as youth's role and place in contemporary society and state policy. According to the author, wrong understanding of state construction, forwarding economy on the forefront makes its future unclear because science and education should be avant-guard of this structure. Educated and active youth cannot find a place to itself because laws of youth policy work inefficiently or

they have been incorrectly developed. The main mistake of contemporary state consists that it undertakes attempts to centralize the youth organizations, thus it should be noted that true leaders of youth choose a political field, alternative to the state, and goes into opposition. Those leaders, who make a choice in favour of the centralized youth policy, run into dependence on this centre that calls into question their leadership.

Intellectual and human capital of the nation in the conditions of qualitative change of economic system

Bashmakov A.A. — Deputy of the Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economics

A final scheme of the complex approach to this problem from positions of the account of all system of straight lines and feedback between economic growth and factors of activation of human capital was not generated yet in Kazakhstan. Methodical approaches to the estimation of economic efficiency of human capital investments are not comprehensible. Immeasurable social and political value of the theory of

intellectual and human capital concepts is defined by the fact that in Kazakhstan it was possible to overcome delusions that expenses for a science, culture and education are consumer spending and to recognise their reproductive and creative nature. The author comes to opinion that human investments are the most effective because they provides considerable and long-term economic benefit.

Non-material assets problem in innovation activities of Kazakhstan

Turginbayeva A.N. — Candidate of Economics, senior lecturer of management and business department at al-Farabi Kazakh National University

Contemporary representations about intangible factors of new cost manufacture are analyzed in the article. An important role of non-material assets in formation of the company's cumulative capital is underlined. Analysis of innovation

activities of domestic economy and dynamics of growth of its non-material assets is conducted. Results of the research of brands' role in increasing of the cost of the known Kazakhstan companies are presented.

An experience of critical reconsideration of some regulations of civil society conception
Mamiraimov T.K. — *Research fellow at the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan*

The article is devoted to one of the base, system forming ideas of the liberal ideology, which have a wide popularity among the territory of the majority of the CIS countries, it is a civil society conception. According to the author, not all NGOs are independent and bear the good. The mass distribution of values of the western culture, liberal capitalism has fatally impact on spiritually-moral foundations of Kazakhstan's people. As a

result, such principles as the profit, gain, market egoism have been erected in our society in the rank of supreme values that has led to utilitarian perception of the person. Meanwhile, if ability of its members to set public interests over personal consider as the main hallmark of "civil society", then the Kazakh traditional collectivism appears rather moral and civil than individual and utilitarian collectivism of the West.

Sufi tariqas in Central Asia: features and destructive nature of activities

Nesipbay R.T. — *Candidate of Art Studies, senior lecturer at Eurasian National University named after L. Gumilev*
Izbairov A.K. — *Candidate of History*

Features of Sufi tariqas' activities in Central Asia are considered in the article. The complex analysis has allowed authors to reveal destructive nature of their activities, internal differences between various Sufi tariqas and modern

tendencies. Authors made a conclusion that Sufism should be perceived as the form of spiritual heritage and that we endure a initial stage of formation of Sufi organisations in Kazakhstan.

Middle East, Central Asia and Islam studies in German Orientalism

Karsakov I.B. — *Candidate of History, senior lecturer of oriental studies faculty at al-Farabi Kazakh National University*

Germany has one of the strongest scientific schools of oriental studies in the Western Europe on research of problems Middle East and Islamic world. It is a question about Middle East and Central Asian researches in the German oriental

studies in the article. The author names some centers of the German oriental studies dealing with different problems of the Asian countries and issues of Islam (adaptation) in contemporary western state.

Political situation in the Kokand Khanate in the end of 30s — in the middle of 40s of the XIXth century and «The Emirate of Bukhara»

Timchenko S.V. — *Candidate of History, senior lecturer at Kazakh National Pedagogical University named after Abay*

The article is devoted to political situation in the Kokand Khanate in 30—40s of the XIXth century. After assuming to a post of Mohammed-Ali Khan (Madali), domestic political situation has been sharply worsening as 12 old years Khan feasted all his life instead of governing. Not moral

actions of the Khan and as its consequence — loss of authority have given the chance to the Bukhara Emir Nasrullah to interpose the Kokand Palace's affairs. After this case, military operations have started between Khanate and Emirate, the result was that Emir Nasrullah became a winner.

Problem of decimal system and Mongols' military tactics

Kushkumbayev A.K. — *Candidate of History, senior lecturer at Kokshetau University*

Principles of formation of decimal system and military-tactical, strategic methods of Mongol armies are analyzed in the article. Decimal system as initial structure of armies' formation, in the essence, had a difficult social basis. The Mongolian tithe usually was composed from representatives of one tribes (or from related tribes) as peaceful time had the same

functions and duties, which were during campaigns and wars. According to the author, research of the Mongolian tactics shows that the Central-Asian nomads succeeded in creating and launching one of the most aggressive and absolute «technologies of the war» ever created by mankind.

Сведения об авторах

Журнал «Казахстан-Спектр» №4, 2008

- Башмаков А.А.** — депутат Сената Парламента РК, доктор экономических наук
- Габжалилов А.Х.** — кандидат политических наук
- Иванов И.П.** — Казахстанско-Немецкий Университет
- Избаиров А.К.** — кандидат исторических наук
- Карсаков И.Б.** — кандидат исторических наук, доцент факультета востоковедения КазНУ им. Аль-Фараби
- Коновалов С.А.** — руководитель проектов Ассоциации социологов Казахстана, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
- Кушкумбаев А.К.** — кандидат исторических наук, доцент Кокшетауского университета
- Мамираимов Т.К.** — научный сотрудник КИСИ при Президенте РК
- Несипбай Р.Т.** — кандидат искусствоведческих наук, доцент ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
- Сарсембаев М.А.** — член Центризбиркома РК, доктор юридических наук, профессор международного права
- С. Фредерик Старр** — председатель Института Центральной Азии и Кавказа при Высшей школе международных исследований им. Пола Нитце, Вашингтон, округ Колумбия
- Тимченко С.В.** — кандидат исторических наук, доцент КазНПУ им. Абая
- Тургинбаева А.Н.** — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса КазНУ им. аль-Фараби
- Федосеев С.Г.** — президент Центра военно-стратегических исследований, доктор политических наук, полковник запаса

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ)

КИСИ создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г. За эти годы Институт приобрел общественное признание, зарекомендовав себя в качестве одного из ведущих научно-исследовательских и аналитических центров страны.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КИСИ

1. Стратегические аспекты внешней политики:

- мониторинг внутривнутриполитического и социально-экономического развития сопредельных стран;
- анализ двусторонних отношений Казахстана с Россией, Китаем, США, Турцией, странами ЕС и СНГ;
- исследование проблем интеграции на постсоветском пространстве;
- изучение вопросов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

2. Общественно-политические и социальные процессы в современном Казахстане:

- мониторинг общественно-политической ситуации в Республике Казахстан;
- анализ этнодемографической ситуации и миграционных процессов в Казахстане;
- исследование процессов демократизации и становления политических институтов в стране.

3. Экономическая безопасность:

- исследование проблем экономической безопасности;
- изучение тенденций развития мировой экономики и анализ их влияния на экономику Казахстана;
- исследование проблем участия Казахстана в международном экономическом сотрудничестве;
- социально-экономический мониторинг Республики Казахстан.

ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИСИ

Институт проводит фундаментальные исследования по стратегическим проблемам внешней и внутренней политики, социально-экономического развития Казахстана, готовит материалы прогнозно-аналитического характера для руководства страны.

Институт выпускает четыре периодических издания: ежеквартальный научный журнал «Казахстан-Спектр», информационно-аналитический журнал «Analytic», ежеквартальный аналитический журнал «Central Asia's Affairs» (на английском языке) и ежеквартальный научно-аналитический журнал «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), в которых освещаются проблемы внешней и внутренней политики, международных отношений, национальной безопасности, социальной и экономической политики Республики Казахстан, а также размещает материалы на собственном сайте.

Институт проводит семинары, конференции, «круглые столы», международные форумы по основным направлениям своих исследований.

КИСИ сотрудничает с зарубежными научными и аналитическими структурами, осуществляет международные исследовательские проекты по различным проблемам развития Казахстана и Центральной Азии.